История Отечества на рубеже веков

ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ, РЕШЕНИЯ

1

МАТЕРИАЛЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Оренбург, 28—29 марта 2001 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АДМИНИСТРАЦИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ, РЕШЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

28—29 марта 2001 г.

ЧАСТЬ 1

Издательство ОГПУ
Оренбург 2001

УДК 947
ББК 63.3(2)
И 90

Печатается по решению редакционно-издательского совета ОГПУ, протокол № 149 от 14 марта 2001 г.

Редколлегия:

Иванова Александра Георгиевна, *доктор исторических наук, профессор, проректор по НИР Оренбургского государственного педагогического университета*

Сафонов Дмитрий Анатольевич, *доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России XX века Оренбургского государственного педагогического университета*

И90 ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ, РЕШЕНИЯ: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Оренбург, 28 — 29 марта 2001 г.: В 3 ч. Ч. 1. — Оренбург: Издательство ОГПУ, 2001. — 240 с.
ISBN 5-85859-114-0

УДК 947
ББК 63.3(2)

ISBN 5-85859-114-0 (Ч. 1)
ISBN 5-85859-113-2

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

А. Г. Иванова

Оренбургский государственный педагогический университет

РАЗВИТИЕ МНОГОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Важным элементом новой политической системы РФ являются политические партии, организации и общественные движения. Их роль в правовом государстве и демократическом обществе определяется тем, что они представляют интересы различных слоев населения в ходе выборов и при формировании представительной и исполнительной ветвей государственной власти, влияют на выработку и реализацию политики в различных сферах жизни. Если во многих западных странах политические партии как институт в системе политического многообразия имеют многовековой опыт, то для российского общества это явление относительно новое. Опыт российской многопартийности начала XX века нашел свое продолжение лишь в последние десятилетия.

Процесс образования политических партий России в конце 80-х — начале 90-х годов имеет некоторые особенности. Затянувшиеся реформы в экономике не способствовали созданию новых социальных слоев, прежде всего собственников, поэтому формирование социально ориентированных политических партий также затягивалось.

Новые партии создавались, как правило, лидерами, которые приобретали популярность в обществе новыми взглядами, критикой КПСС. Параллельно создавались партии, которые существовали в начале века: конституционно-демо-

кратическая, социал-демократическая и другие. В том числе не только те, которые принимали прежние названия партий, но и их идеи: монархические, националистические и т.д.

Влияние партий как политических институтов на общественную жизнь определяется рядом факторов. Прежде всего, политическая партия заявляет о себе через принятие различных документов. Основным из них является программа. Она призвана привлечь к себе внимание сторонников, разделяющих программные положения и готовых участвовать в их реализации в составе этой партии или поддерживать ее. Как правило, в программах политических партий находят отражение основные сферы жизни общества, определяются пути решения стоящих перед обществом социально-экономических, политических, культурных, экологических и других проблем.

Другой важный аспект, по которому судят о политической партии, — практическая деятельность по реализации своей программы, участие в управлении государством через представительство в законодательных и исполнительных органах, проведение выборов, других политический кампаний, различных акций по тем или иным острым ситуациям, которые затрагивают интересы широких слоев населения.

Каковы же были социально-экономические, политические и правовые предпосылки возникновения многопартийности в России на современном этапе?

Известно, что решение одной из задач перестройки — ускорения социально-экономического развития страны — не выдержало испытания временем. К 1988 году стало ясно, что «ускорения» не получилось прежде всего потому, что экономическая реформа проводилась «сверху». Командно-бюрократическая система явилась «тормозом» «ускорения». Сохранялись и обострялись противоречия в социально-экономической сфере между централизованной системой управления и нереализованным творческим потенциалом предприятий, между производством средств производства, вооружения и товарами народного потребления, между спросом и предложением на продукты питания и т.д.

Отсутствие эффективного пути в реформировании экономики, дальнейшее обострение социально-экономического кризиса способствовало тому, что эта проблема перешла в плоскость политическую. Подготовка и проведение выборов народных депутатов СССР (март 1989 г.) в условиях демо-

кратизации и гласности показали, что в обществе появилось понимание того, что выход из кризиса может быть только на пути создания рыночной экономики. В дальнейшем такое понимание переросло в позиции экономических разделов «неформальных» общественно-политических организаций, межрегиональных депутатских групп и послужило ориентиром для подготовки программ будущих политических партий и движений.

Политические предпосылки становления многопартийной системы заключались в необходимости разрешения группы противоречий, которые были вызваны перестройкой: между наличием монополии на власть одной партии и процессом демократизации общественных отношений; между официальной (государственной) идеологией и развитием гласности при существующем «инакомыслии», которое имело корни еще в хрущевской «оттепели»; между официальной оценкой пройденного КПСС исторического пути и реальными фактами истории, которые становились достоянием общественности в эпоху гласности.

Важным катализатором процесса становления, как, впрочем, и развития многопартийности в России, явились выборы народных депутатов СССР (1989 г.) и народных депутатов РСФСР (1990). Предоставленная возможность избирать часть депутатов по избирательным округам и общественными организациями на альтернативной основе во многом определили состав Высшего Представительного органа, заложили основу плюрализма при обсуждении и принятии решений. Особую атмосферу в обществе создавала открытость заседаний съездов народных депутатов СССР и РСФСР, трансляция хода дискуссий на съездах по каналам телевидения.

В свою очередь решение задачи разграничения функций партийных организаций и представительных органов в рамках концепции перестройки сыграло свою роль в подготовке правовых основ для становления и развития многопартийности в России. Прежде всего в депутатском корпусе возник вопрос о необходимости изменений 6-й статьи Конституции СССР о «руководящей и направляющей роли» КПСС в советском обществе. Изменение 6-ой статьи Конституции СССР определила для себя в качестве важнейшей задачи межрегиональная депутатская группа (Ю. Н. Афанасьев, Г. Х. Попов, А. А. Собчак и др.). В результате острых дис-

куссий и давления на руководство КПСС в прессе, по телевидению, на многочисленных митингах съезд народных депутатов СССР в марте 1990 года принял изменения в Конституции СССР. В новой редакции статья 6 выглядит так: «КПСС, другие политические партии, а также профсоюзные, молодежные, иные общественные организации и массовые движения через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов, и в других формах участвуют в выработке политики Советского государства, в управлении государственными и общественными делами». Этот правовой акт определил принципиальный поворот от однопартийной системы к многопартийности.

Спустя несколько месяцев (октябрь 1990 г.), четвертая сессия Верховного Совета СССР приняла Закон Союза ССР «Об общественных объединениях», который создавал правовую базу для формирования политических партий парламентского типа. Но к таковым нельзя было в этот момент отнести коммунистическую партию, которая по принятой классификации была партией авангардного типа с государственными функциями. Поэтому данное положение также не могло сохраняться продолжительное время: либо партия должна была реформироваться и становиться парламентской, либо она вступала в противоречие с действующими правовыми нормами. Лидеры КПСС предложили формулу, которая была внесена в Программное заявление XXVIII съезда «К гуманному, демократическому социализму»: «КПСС становится политической организацией, которая своей практической деятельностью, конструктивным подходом к решению проблем развития общества будет отстаивать право на политическое лидерство в свободном соревновании с другими общественно-политическими силами».

В какой-то степени это противоречие разрешилось в 1991 году после августовского путча, когда Указом Президента России деятельность коммунистической партии на территории России была запрещена. В это время М. С. Горбачев складывает с себя полномочия генерального секретаря ЦК КПСС и выходит из партии. Подписание Беловежского соглашения 8 декабря 1991 г. окончательно разрушило общесоюзные структуры КПСС и партия оказалась за рамками правовых отношений.

Окончательное закрепление правовой нормы о многопартийности в России состоялось принятием Конституции

РФ на референдуме 12 декабря 1993 года. В статье 13 Конституции Российской Федерации говорится о том, что «в Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность».

С целью дальнейшего совершенствования правового регулирования в Государственную Думу был внесен проект федерального закона РФ «О политических партиях», который детально регламентирует деятельность политических партий и движений, их роль в политической системе общества.

Возникновение в России конца 80-х годов новых политических и общественных движений стало свидетельством становления политического плюрализма как одного из проявлений демократизации общественной жизни. Многие новые политические организации и движения отвергали социалистическую идею, выступали против монопартийности и существующей политической системы советского общества.

Среди них созданная в мае 1988 г. политическая организация «Демократический союз» (В. Новодворская, И. Царьков, А. Элинович), выступавшая за изменение существующего государственного строя с целью создания представительной парламентской демократии на всех уровнях.

В марте 1990 года состоялся Общественный съезд либерал-демократов, на котором была принята программа ЛДПР, председателем партии был избран В. Жириновский. В программе ЛДПР были обозначены основные контуры новой политической системы в СССР. Во главе государства — Президент, он же возглавляет и высшую политическую власть — кабинет министров. Высшим законодательным органом является Государственное собрание. В стране действует многопартийная система. ЛДПР борется за демократизацию общественной жизни, против монополии одной идеологии, одной партии. В отличие от упоминавшегося выше Демократического союза ЛДПР является легальной конституционной партией парламентского типа. Она участвует в выборах и имеет фракцию в Государственной Думе.

В этот же период важное место в обществе занимала Демократическая партия России (ДПР), учредительная конференция которой состоялась в мае 1990 года. Председателем правления ДПР был избран народный депутат СССР и РСФСР Н. Травкин.

Программа и устав партии отражали задачи ДПР по устройству политической системы российского общества.

Партия привержена «открытому обществу» с многопартийной системой...» и выступает за «разделение законодательной, исполнительной и судебной властей», «за свободу печати, радио и телевидения...».

ДПР выступает за парламентско-президентскую форму организации власти, выборы высшего постоянно действующего законодательного органа производятся на многопартийной основе, во главе исполнительной власти находится Президент РФ. По мнению ДПР, судебная власть должна быть независимой и осуществлять контроль за системой правоохранительных органов.

К 1990 году определенная трансформация взглядов произошла и в руководстве коммунистической партии. В программном заявлении XXVIII съезду КПСС подчеркивалось, что партия последовательно выступает за «формирование гражданского общества», «упрочение правового государства, в котором исключается диктатура какого-либо класса, партии, группировки,... свободное соревнование общественно-политических организаций..., разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную...». Таким образом, к началу 90-х годов взгляды основных политических партий и движений по поводу видения будущей политической системы страны были схожими. Вопрос был лишь в том, каким политическим силам история отведет роль архитектора и проводника в этих преобразованиях.

В дальнейшем тенденция создания новых политических организаций на «осколках» правящей в недавнем прошлом партии продолжалась. В январе 1992 года состоялась регистрация Российской коммунистической рабочей партии (лидер В. А. Тюлькин) со штаб-квартирой в Санкт-Петербурге. В Москве были созданы Российская партия коммунистов (лидер А. В. Крючков) и партия «Союз коммунистов» (лидер В. С. Марков). В марте 1993 года Министерством юстиции РФ была зарегистрирована коммунистическая партия РФ (лидер Г. А. Зюганов). Бывший главный редактор журнала «Коммунист» Р. Косолапов при поддержке профессора А. Сергеева и доцента И. Малярова учредили Объединенный фронт трудящихся (ОФТ). Программная позиция ОФТ заключается в приверженности идеалам социализма, борьбе за коммунистические идеалы, за ведущую роль общенародной собственности, обеспечение социальных гарантий. В состав ОФТ входят Ассоциация научного коммунизма, общество

«Единство». Ближайшими союзниками ОФТ считает КП РФ и «Марксистскую платформу в КПСС».

Процесс возникновения новых политических партий и движений в России имел ряд характерных особенностей. С одной стороны, он был порожден перестройкой, а с другой — неудовлетворенностью результатами этой перестройки, поисками новых путей реформирования общества. Поэтому значительная часть политических партий и движений как бы вышла из коммунистических партий. При этом спектр этих политических организаций был достаточно широким: от социалистических до антикоммунистических.

Доминирующее влияние на политические процессы в российском обществе начала 90-х годов сыграло движение «Демократическая Россия», важную роль в формировании которого сыграла Межрегиональная депутатская группа, созданная на I съезде народных депутатов СССР.

Дальнейшая активизация работы по созданию общественно-политического движения «Демократическая Россия» проходила под воздействием борьбы за депутатские места на выборах народных депутатов РСФСР.

Главной позицией политической платформы съезда и движения в целом был провозглашен антикоммунизм.

На первом этапе главным результатом политической борьбы движения «Демократическая Россия» было принятие 12 июня 1990 года «Декларации о государственном суверенитете России» и избрание 12 июня 1991 года Б. Н. Ельцина президентом России.

Состоявшийся в ноябре 1991 года II съезд движения «Демократическая Россия» отметил, что его основная цель достигнута. Указом Президента РФ была запрещена КПСС на территории РФ, ликвидированы ее организации на предприятиях и в учреждениях России. Поэтому в повестке дня «ДР» на новый период значились вопросы о целях и задачах движения, о проведении реформ и формировании органов исполнительной власти.

На выборах Государственной Думы в декабре 1993 года движение «ДР» входило в блок «Выбор России».

Представляя классификацию партий и движений этого периода следует отметить: политические партии и движения, отстаивающие социалистический выбор и коммунистическую перспективу; центристские партии и движения; партии и движения социал-демократической и либерально-демокра-

тической ориентации; праворадикальные и леворадикальные партии и движения; православно-монархические партии и движения.

Для классификации политических партий и движений России характерна идеологическая доминанта и достаточный элемент условности. Поэтому при изменении политической ситуации меняются и схемы.

Новым этапом становления многопартийности в России стали выборы в Государственную Думу и Совет Федерации 12 декабря 1993 года. Впервые за всю историю парламент формировался на многопартийной основе при соответствующем положении о выборах на принципах сочетания мажоритарной и пропорциональной систем. Из 450 депутатов будущей Государственной Думы половина (225 мест) избирались по одномандатным округам, а другая половина (225 мест) — на основе пропорционального представительства по общефедеральному избирательному округу от политических партий, общественных движений, избирательных блоков. При этом был установлен минимум 5% голосов, при которых партия или коалиция могли претендовать на места в Государственной Думе. По выборам Совета Федерации использовалась только мажоритарная система с двухмандатными округами.

В сравнении с начальным периодом возникновения российских политических партий и движений новый этап имел ряд особенностей. Во-первых, за прошедший период было ликвидировано господствующее положение коммунистической партии и, таким образом, созданы условия для становления многообразия политических партий парламентского типа. Во-вторых, малочисленность большинства новых политических партий, отсутствие массовой социальной базы, элитарный характер членства в сочетании с новыми экономическими условиями затрудняли их развитие. Иначе говоря, для функционирования партий нужны немалые средства для содержания офисов, оплаты аппарата, издательской деятельности и т.д. В-третьих, отношение российского общества к политическим партиям становилось все более индифферентным.

К моменту развертывания кампании по выборам федерального парламента в 1993 году в России, по данным Аналитического центра ИСПИ РАН, было зарегистрировано около 50 политических партий и 100 общественно-политических движений.

Первые выборы на многопартийной основе имели принципиальное значение для выживаемости политических партий и движений, их селекционного отбора через кабины для голосования на избирательных участках. Поэтому в предвыборных программах были отражены самые актуальные проблемы: курс социально-экономических реформ, укрепление российской государственности и становление новой политической системы.

На результатах выборов сказались социально-экономический кризис, падение жизненного уровня населения; политический кризис 1993 года и пути его преодоления; криминализация в обществе, снижение социальной защиты различных групп населения.

В результате состоявшихся 12 декабря 1993 года выборов в Государственную Думу по партийным спискам лишь 8 политических партий и блоков, а по одномандатным округам еще 4 получили места в парламенте. Среди них: Выбор России — 96, ЛДПР — 70, КПРФ — 65, Аграрная партия — 47, Яблоко — 33, ПРЕСС — 27, Женщины России — 25, ДПР — 21, Гражданский союз — 18, РДДР — 8, Достоинство и милосердие — 3, Будущее России — 1.

В дальнейшем при формировании фракций Государственной Думы на базе победивших партий и блоков численность фракций отличалась от количества мест в парламенте в силу их формирования на свободной основе.

Первые выборы в Государственную Думу на многопартийной основе в сочетании с принятием в этот же день Конституции РФ имели рубежное значение в становлении новой политической системы РФ. Впервые в РФ на практике было реализовано положение о демократическом принципе формирования высшего органа представительной власти России. Выборы показали лидеров и аутсайдеров в широком политическом спектре партий и движений. Следует отметить, что ряд партий и блоков создавался под выборы, шла интенсивная перегруппировка политических сил. Характерно, что движение «Демократическая Россия» не стало самостоятельно участвовать в выборах, а вошло в блок «Выбор России». Тенденции перегруппировки политических сил в ближайший период сохранятся в силу адаптации политических партий и движений к реалиям общественного развития в России.

На основании результатов выборов в Послании Президента РФ Федеральному Собранию, с которым Б. Н. Ельцин

выступил в феврале 1994 года, значительное место было уделено развитию многопартийности. Отмечалась необходимость принятия закона о политических партиях, который бы обеспечил «закрепление роли партий как основных каналов политической активности, связанных с формированием власти; создание условий, стимулирующих укрупнение партий и формирование стабильной партийной системы; направленность партийной деятельности на выявление и выражение мнений различных слоев общества».

Выборы придали официальный статус партиям парламентской оппозиции.

Политические партии и движения, представители которых вошли в состав Государственной Думы, получили новые возможности укрепления своих позиций. Через соответствующие фракции они влияли на организацию работы парламента, через средства массовой информации имели больше возможностей пропагандировать свои платформы, привлечь новых членов в свои ряды.

В 1994 году многие политические партии и движения анализировали свою работу и уточняли программные документы. Состоялись съезды Партии Российского единства и согласия, Демократической партии России, Либерально-демократической партии России, Русского Национального Собора.

Многие политические партии и движения подписали в апреле 1994 года «Договор об общественном согласии», приняв на себя определенные обязательства по стабилизации общественно-политической ситуации в стране и обеспечении гражданского мира. В выступлении Б. Н. Ельцина на Ассамблее гражданского согласия 28 апреля 1994 года отмечалось, что «этот документ родился в результате напряженной и творческой работы, в которой на равных принимали участие представители Президента, Правительства, фракций Парламента, ведущих партий, организаций и общественных движений».

В конце 1994 года баланс политического равновесия вновь был нарушен. В Чеченскую Республику для наведения конституционного порядка в соответствии с решением Совета безопасности РФ были введены федеральные войска. Методы решения чеченского кризиса вызвали резкую реакцию многих политических партий и движений. Острая критика в адрес Президента и Правительства прозвучала из уст лидера

фракции «Выбор России» в Государственной Думе Е. Т. Гайдара. Его взгляды разделяли руководитель блока «Яблоко» Г. А. Явлинский, руководитель КПРФ Г. А. Зюганов и многие другие. Попытка провести военную операцию в короткие сроки успехом не увенчалась. Война в Чечне стала затяжной. Эта проблема оказалась самой острой и болезненной для общества. Поэтому политические партии и движения неизбежно должны были занять определенную позицию по этому вопросу, большинство из них не разделяли курса Президента и Правительства России по многим вопросам. Даже «Выбор России» и его лидер Е. Т. Гайдар, в период подготовки выборов поддерживавший Б. Н. Ельцина, после начала войны в Чечне постепенно становился оппозиционной силой.

С учетом предстоящих выборов 1995 года Президенту и Правительству России необходимо было найти политическую опору в обществе, создать «партию власти» и привести ее в Государственную Думу. Б. Н. Ельцин в начале года на встрече с думской группой «Стабильность» поделился планами Кремля по этому вопросу. Он сказал: «...мы договорились, с тем чтобы исключить два экстремистских крыла как слева, так и справа, создать два избирательных блока...», «один блок возглавляет председатель правительства Черномырдин, другой — председатель Госдумы Рыбкин. Они распространят свою деятельность по всей России и смогут мощно вытеснить с политической арены всех экстремистов».

После этого спустя некоторое время В. С. Черномырдин заявил о намерении возглавить избирательное объединение «Наш дом — Россия», которое «примет участие в выборах в Госдуму» и «не даст шансов никаким экстремистам победить на выборах». Он объяснил свое решение необходимостью сформировать 17 декабря 1995 года эффективное правительство, опирающееся на парламентское большинство.

По словам лидера «Наш дом — Россия» (НДР), создаваемое движение будет представлять собой широкую коалицию, в которую войдут «люди дела, те, кто не понаслышке знаком со сложнейшими проблемами экономики, государственного управления, финансов, предпринимательства». На Первом учредительном съезде Движения «Наш дом — Россия», 12 мая 1995 года, был избран Совет движения в составе 126 человек. В него вошли В. Черномырдин, О. Сосковец, М. Шаймиев, М. Рахимов, В. Каданников, Р. Вяхирев и другие. Однако при формировании руководящих органов выска-

зывались мнения о необходимости дистанцироваться от А. Чубайса и П. Грачева, так как это грозит потерей голосов электората.

На Втором съезде НДР в августе-сентябре 1995 года были приняты основные программные документы. В предвыборной платформе подчеркивалось, что «для подъема России, создания благополучной жизни, установления справедливости мы должны отставить свои разногласия..., что наша общая история, культура и традиции нас объединяют, а не разъединяют».

Программа движения «Наш дом — Россия» по сути дела воспринимается как программа развития РФ по всем важнейшим направлениям: укрепления государственности, федерализма, демократии, борьбы с преступностью, духовного возрождения, социальной политики, экономической реформы, внешней политики и безопасности.

Программа отстаивает «сильную федеральную исполнительную власть», «эффективное правительство, ответственное перед парламентом, но свободное от мелочной опеки», «профессиональный парламент, который должен принимать законы, а не вести беспредметные дискуссии», «судебную власть, роль президента Российской Федерации как главы государства, обеспечивающего согласованное функционирование и взаимодействие всех ветвей государственной власти...».

Создание в 1995 г. движения НДР для выполнения роли «партии власти» не оправдало надежд. Анализ результатов региональных выборов показал, что проект «партии власти» с самого начала был мертворожденным. Выдвиженцы НДР сумели пройти в законодательное собрание лишь в 12 регионах.

Создание, по замыслу Президента, второго избирательного блока левоцентристской позиции возглавил председатель Государственной Думы И. П. Рыбкин. Это вполне отвечало интересам двух сторон. За два года работы в качестве руководителя нижней палаты парламента между И. П. Рыбкиным и Б. Н. Ельциным сложились деловые отношения. По характеру спикер являлся уравновешенным человеком, его отличали дипломатичность, государственный подход к решаемым вопросам. Поэтому президентские и правительственные структуры вполне устраивал И. П. Рыбкин как политик и человек. Ставка на него была сделана с целью закреп-

ления стабильности в отношениях между ветвями власти. Однако в этом решении была очевидной одна сложность. Политические партии, из которых вышел И. П. Рыбкин (КПРФ и АРП), не могли быть ему опорой в связи с тем, что на предстоящих выборах собирались включиться в борьбу за места в парламенте самостоятельно. Необходимо было решить сложную задачу — привлечь на свою сторону другие политические партии и движения.

Время показало, что этот блок еще до выборов не выдержал испытания. Из руководства блока вышел академик С. Шаталин. Затем блок оставило объединение «Мое Отечество» (лидер В. Мишин) по причине недостаточной оппозиционности к действующей исполнительной власти.

Следует заметить, что инициатива Президента и ее практическая реализация нашли значительный отклик в средствах массовой информации. Был предпринят далеко идущий шаг по созданию двух основных политических партий по американскому типу.

«Суть изначального замысла была в том, — писала газета «Коммерсант», — чтобы создать не просто «партию начальства», а именно двухпартийный картель, где «левый центр» (Рыбкин) и «правый центр» (Черномырдин), пребывая в нераздельном и неслиянном единстве, могли бы привлечь к себе львиную долю голосов, оттесняя непримиримых демократов и непримиримых патриотов в глухую маргиналию».

Однако политические процессы шли динамично, ситуация постоянно менялась. Политическое Движение «Выбор России» и одноименная фракция в Государственной думе после декабря 1993 года имели большое представительство. В августе 1994 года регистрируется устав политической партии «Демократический выбор России» во главе с Е. Т. Гайдаром. Но организационные преобразования не укрепили фракцию. Перейдя в оппозицию к Президенту, Е. Т. Гайдар и его команда испытывали серьезные трудности идеологического характера. Победив на выборах как пропрезидентская партия, в начале 1995 года ВР-ДВР вошла в противоречие с основными предвыборными позициями.

Другое крыло демократов, объединившееся под знаменем «Яблока» во главе с Г. А. Явлинским, последовательно проводило политику дистанцирования от Президента и Правительства. На одной из пресс-конференций в Государственной Думе Г. А. Явлинский отметил, что на парламентских

выборах ключевым является вопрос о способах проведения экономических реформ. Он подчеркнул, что исходя из этого демократические силы должны идти с единой кандидатурой на пост Президента и единой программой конституционных преобразований.

Третий потенциальный союзник этих двух объединений — Партия российского единства и согласия ПРЕСС во главе с С. Шахраем. В марте 1995 года заседание Федерального совета Партии было посвящено подготовке к новым выборам в Государственную Думу. Для того чтобы иметь поддержку электората, лидер ПРЕСС С. Шахрай отказывается войти в состав движения «Наш дом — Россия» и уходит в отставку с поста заместителя председателя правительства. В предвыборной программе ПРЕСС акценты сделаны на развитие федерализма в России, усиление социальной политики, развитие предпринимательства.

Политическое движение «Женщины России», которое было зарегистрировано 11 октября 1993 года, за два месяца до первых многопартийных выборов, получило в Государственной Думе 23 депутатских места. Успех на выборах, по нашему мнению, был связан не столько с программными целями, сколько с неординарной идеей существования политической женской организации. В платформе политического движения «Женщины России» наряду с сильным социальным блоком были разработаны интересные политические задачи. Становление демократического государства рассматривалось через «формирование механизмов, гарантирующих доступ человека к власти, позволяющих ему влиять на власть, участвовать в принятии решений, контролировать власть и привлекать к ответственности в случае нарушения законов». Основными лозунгами на предстоящих выборах были: «вера в человека», «надежда на семью», «любовь к России». Фракция «Женщины России» и ее руководители А. В. Федулова и Е. Ф. Лахова придерживались центристской позиции и являлись стабилизирующим фактором в Государственной Думе.

При всем многообразии в России партий коммунистической направленности ведущее место занимает КПРФ во главе с Г. А. Зюгановым. Эта партия проводила последовательную работу по завоеванию поддержки избирателей. На III съезде КПРФ в январе 1995 года была провозглашена идея объединения с политическими силами, близкими по позициям коммунистам: политическими партиями и движениями социали-

стического, патриотического, центристского спектра, профсоюзными, рабочими, крестьянскими, женскими, ветеранскими и т.д.

КПРФ не стремится к реставрации КПСС и является уже другой партией, отказавшейся от идеи диктатуры пролетариата, выступает за многообразие форм собственности (при доминировании государственной), признает правомерность политического плюрализма и многопартийности, поддерживает развитие традиционных культурных ценностей народов Российской Федерации. В программе КПРФ на ближайший период записано, что в 1995—1998 г. эта партия завоевала места в 55 законодательных собраниях РФ.

Внутри КПРФ существуют различные течения, соответствующие взглядам тех или иных лидеров. Сам Г. А. Зюганов, по оценке аналитиков, тяготеет к социал-демократии. И это обстоятельство является смягчающим в острой политической борьбе на современном этапе общественного развития.

Другой оппозиционной политической силой является Аграрная партия России. После успеха на выборах в Государственную Думу 12 декабря 1993 г. (всего 55 мандатов) партия провела ряд важных политических акций. В августе 1994 г. состоялся Всероссийский сельский сход, а в апреле 1995 г. состоялись Всероссийский сельский сход и Всероссийское собрание крестьян. Депутаты фракции выступили за корректировку курса реформ, чтобы «...кардинальным образом исправить положение, остановить развал страны и села...».

Аграрная партия России насчитывает 200 тысяч человек и является второй партией по численности после КПРФ. Ее лидер М. И. Лапшин — один из авторитетных современных политиков. На выборах в Государственную Думу 1995 года Аграрную партию России поддерживали восемь отраслевых профсоюзов: работников автомобильного и сельскохозяйственного машиностроения, здравоохранения, лесных отраслей, потребкооперации и предпринимательства, рыбного хозяйства, связи, химических отраслей.

В сентябре 1995 года на старте предвыборного марафона находилось 54 избирательных объединения. Но в избирательный бюллетень ЦИК РФ включила лишь 43 из них.

Протокол ЦИК РФ от 27 декабря 1995 года и Постановление ЦИК РФ от 4 января 1996 года № 65/557-11 дают широкие возможности для анализа результатов выборов, а также определения рейтинга политических партий и движений.

Подсчет голосов по партийным спискам показал, что победу на выборах 17 декабря 1995 года в Государственную Думу одержала КПРФ, которая набрала 22,3% голосов избирателей. Вторая позиция досталась ЛДПР — 11,18%. Движение «Наш дом — Россия» получило 10,13% голосов и общественное объединение «Яблоко» — 6,89%.

Менее 1% голосов набрали 26 избирательных блоков (60,5%), от 1% до 2% — 6 организаций (8,4%), от 2% до 4% — 3 организации (4,2%). Отметку 4% преодолели, но не дотянули до 5% «Женщины России» (4,61%), Коммунисты-Трудовая Россия — За Советский Союз (4,53%). Причем 26 организаций, каждая из которых набрала менее 1% голосов, в сумме имели 7,98% голосов избирателей. Условно можно считать, что голосов этого электората не доставало АПР (3,78%), ПСТ (3,98%), ДВР-ОД (3,86%), а также тем, кто набрал более четырех процентов.

К очередным выборам 1999 года в стране произошла очередная перегруппировка сил. Многие партии и общественно-политические объединения с учетом ситуации в стране изменили свои программы, стали искать себе новых союзников. В это же время создаются такие общественно-политические объединения, как «Отечество — Вся Россия» и «Единство».

К моменту проведения выборов 19 декабря 1999 года в стране действовало 141 общероссийское политическое общественное объединение.

Напрашивается вывод о том, что многопартийность по своему количественному составу должна быть в разумных пределах. Тенденции становления и развития новой политической системы будут направлены на объединение различных партий и движений, укрепление их социальной базы и поиск идеологической направленности. По законам рыночных отношений и целесообразности мелкие по численности политические партии и движения исчезнут со временем из политического спектра российских организаций.

Н. Н. Попов

Уральский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОНЫЕ ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ НАЧАЛА XX В.

Начало XX в. во многих отношениях было переломным временем в истории России. В экономике, политике, науке и культуре происходили грандиозные позитивные изменения, которые вывели страну в число держав мирового уровня. Она входила в первую пятерку самых развитых держав мира. К тому же темпы прироста средств производства были наиболее высокими. Российский внешнеторговый баланс продолжал оставаться бездефицитным, т.е. экспорт заметно превышал импорт. В государственном бюджете предвоенного 1913 г. доходы значительно превышали расходы.

Признавая эти бесспорные данные, авторы ряда изданий[1] делают упор на негативных моментах в жизни страны, которые якобы привели ее к революционным потрясениям 1905 и 1917 гг. Не отрицая наличие таких явлений в императорской России, следует объективно характеризовать все аспекты ее истории.

Нельзя забывать, что Николай II понимал необходимость модернизации страны, но сначала односторонне, т.е. только в военно-техническом отношении. Такая успешная попытка была предпринята во время финансовых и промышленных преобразований в 90-е гг. XIX в.

Однако другая непременная сторона обновления империи, состоявшая в переходе от отживших политических структур традиционного общества к современным демократическим, тормозилась правящими кругами в начале XX в. Это привело к росту оппозиционных сил, которые объединились осенью 1904 г. и в трудных для царизма условиях войны с Японией вынудили монарха пойти на некоторые уступки в деле реформирования страны.

13 декабря 1904 г. и в ходе фактически начавшейся революции он подписал указ, в котором пообещал ограничить произвол бюрократии и провести в стране крупные преобразования. Несмотря на сопротивление правых и левых сил, организовавших трагедию 9 января 1905 г., царские настроения стали постепенно претворяться в жизнь,

что выразилось, в частности, в императорском рескрипте 18 февраля 1905 г.

В литературе признается, что весной 1905 г. в России шел активный процесс организации различных политических сил. Но ряд моментов нуждается в корректировке или дополнении. Установлено, например, что первый Совет рабочих депутатов возник в марте 1905 г. на Урале в г. Алапаевске[2], а не в мае в г. Иваново-Вознесенске. Первые профсоюзы в России сформировали не рабочие, а представители творческих профессий во главе с либералами, создавшими в мае 1905 года Союз союзов. Именно он и стал инициатором всеобщей политической стачки осенью 1905 года, которая привела (вместе с давлением со стороны либерального окружения) к подписанию царем исторического Манифеста 17 октября. В нем он не только даровал народу демократические свободы, но и полудобровольно ограничил самодержавие.

Выполнил ли Николай II свои обещания, данные в Манифесте 17 октября? В советской литературе давался однозначно отрицательный ответ. В действительности надо исходить из конкретно-исторической обстановки того времени, когда левые радикалы развязали партизанскую войну с властями. Вследствие этого положения Манифеста были реализованы в значительной степени, но не полностью.

После обновления и фактически создания новых основных государственных законов, подписанных императором 23 апреля 1906 г., страна вступила на путь конституционализма[3]. Вопрос о характере российской государственности этого периода остается спорным. Главным объектом дискуссии является определение формы правления во время конституционных реформ. Можно назвать его этапом «думской монархии», но ни в коем случае не «третьеиюньской». Основным звеном конституционной системы Российской империи стал орган народного представительства — Государственная дума, созванная царем в конце апреля 1906 г. вопреки упорному сопротивлению радикальных сил.

Еще одним вопросом, требующим разрешения, является, на наш взгляд, вопрос об итогах первой русской революции. Если признать, что она завершилась поражением, то это будет означать, что страна осталась такой же, какой была и до ее начала. А это не так. В России появились демократические свободы, законодательный представительный орган, стали легально действовать различные политические

партии. Очень немало для такого короткого периода. Многие достижения носили ограниченный характер, но они появились. Поэтому можно считать, что революция закончилась не поражением, а частичной политической модернизацией страны, которая поставила ее в один ряд с передовыми государствами мира того времени.

Продолжаются споры о личности П. А. Столыпина и судьбе его преобразований. В наше время понятно, что с терроризмом необходимо бороться жесткими методами, противостоять ему, чтобы сохранить государственную стабильность и создать условия для проведения реформы. Нельзя забывать, что Столыпин противостоял как левым, так и правым радикалам. Объединившись, они уничтожили его, однако начатые им преобразования продолжались. Они не завершились, но дали значительный экономический эффект. Об этом свидетельствуют огромные успехи в развитии промышленности и увеличение экспорта хлеба Россией накануне первой мировой войны.

Нельзя говорить о двоевластии сразу после Февральской демократической революции[4]. Оно стало фактом лишь осенью 1917 г., когда на власть стали претендовать большевистские Советы. Нуждается в серьезной корректировке широко распространенная оценка выступления Главнокомандующего русской армией Л. Г. Корнилова как «контрреволюционного мятежа». В действительности он и его сторонники пытались восстановить боеспособность армии и продолжить войну в защиту свободной России.

Октябрьские события 1917 г. означали, на наш взгляд, наступление нового, якобинского этапа в развитии революции в России. Одновременно они свидетельствовали о начале в стране гражданской войны. Действительно, военные действия, начавшиеся с вооруженного выступления большевиков, левых эсеров и анархистов в Петрограде, перекинулись затем на другие районы страны и продолжались до 1922 г. Мы считаем, что тогда и закончился в России период открытых военных и революционных потрясений, начавшийся в 1914 г. Но острые столкновения новой власти с народом продолжались, что привело к утверждению в стране тоталитарного режима.

Таким образом, в отечественной истории начала XX века остается большое количество принципиальных дискуссионных проблем, нуждающихся в дальнейшем, причем углубленном осмыслении на современном научном уровне.

Примечания

1. Выбор пути. История России. 1861—1938 гг. Екатеринбург, 1995. С. 142—197; Соколов А. К. Курс советской истории. 1917—1940. М., 1999. С. 39—59.

2. См.: Дробышев Г. А. Революционная деятельность большевиков в Советах Урала в 1905—1907 гг. (к историографии вопроса) // Партийное руководство Советами на Урале (1905—1937): Сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во Уральск. гос. ун-та, 1984. С. 7—9.

3. См.: Россия и мир. Ч. II: XX век. Екатеринбург: Изд-во Уральск. гос. ун-та, 1998. С. 43.

4. Поцелуев В. А. История России XX столетия (основные проблемы). М., 1997. С. 61—62, 69—70.

В. А. Лабузов, Д. А. Сафонов

Оренбургский государственный педагогический университет

ПРОБЛЕМЫ ОРЕНБУРГСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Оренбургская историография имеет достаточно давнюю традицию (с XVIII в.). В своем развитии она прошла те же этапы, что и общероссийская, переболела теми же болезнями, имела те же недостатки. В то же время местная историография имеет свои, локальные проблемы.

Одна из первых — что понимать под оренбургской историографией? Трактовать это можно двояко — как историографию истории Оренбуржья вообще или же как историографическое изучение трудов оренбургских авторов. В основном эти две сферы совпадают, но частично и рознятся.

Следует констатировать, что в целом Оренбуржью «не везло». Практически все авторы, кто поднимал ту или иную тему по региону Европейской России, Оренбуржье либо не затрагивали, либо оренбургский материал использовался эпизодически в качестве иллюстраций, примеров и т.п. Исключением был только первый период Крестьянской войны 1773—1775 гг. и осада Оренбурга Пугачевым. Авторы, использовавшие местные данные, тем самым признавали, что Оренбуржье ничем не отличалось принципиально от прочих центральных губерний. Другие же, наоборот, отказывались учитывать этот регион, подчеркивая его «особость», нетипичность — чаще всего край относили к «национальной окраине». На наш взгляд, Оренбуржье XVIII—XIX вв. следует считать частью Европейской России, отмечая в то же время некоторые специфические черты, обусловленные удаленностью от центра.

Вообще, вопрос о том, что из себя представляет Оренбуржье, к какому региону его можно относить, также весьма спорен. На протяжении более чем двухвековой истории Оренбургский край неоднократно менял свои границы. Нынешняя Оренбургская область и губерния начала прошлого века ощутимо различаются, не говоря уж о губернии в XVIII веке, простиравшейся до Арала, Сибири, Волги. В определенное время Оренбуржье считалось частью Поволжья (Заволжье) (когда входило в Средне-Волжскую область), Северного Казахстана (в бытность Оренбурга столицей автоном-

ной Киргизской ССР), южной Башкирии (и сегодня убежденная позиция исследователей Республики Башкортостан). Широко используемый сегодня термин «Южный Урал» достаточно условен — пределы его определяются в первую очередь административными границами трех субъектов. Районный центр Бузулук ощутимо тяготеет к Поволжью, но юридически является частью Оренбуржья и, значит, Южного Урала.

Нам не приходилось встречать убедительно аргументированных доводов относительно того, где кончается Южный Урал и начинается Поволжье. Границы Оренбургского края постоянно менялись — территории приходили и уходили. Если же отбросить все «временное», оставив только то, что присутствовало всегда, то остается очень мало — зоны Оренбурга и Орска. Отсюда возникает вопрос — что сегодня понимать под историей Оренбуржья? В каких пределах следует рассматривать ее?

Еще одним слабым местом местной историографии следует назвать ее локальность — сосредоточение внимания исследователей на местных, локальных проблемах и темах. Локальность исследований не есть беда только Оренбурга, этот момент присущ всем регионам. Объективно в локальности нет ничего плохого — обращение к местной тематике вполне логично. Столичные авторы, по объяснимым причинам, игнорируют частные факты, детали, подробности, не играющие принципиальной роли в обобщающих трудах. Но они приобретают особую ценность в работах местного уровня.

Мы видим отрицательную сторону локальности исследований в замыкании на проблемах своего региона, а также отсутствии обмена информацией. Исследователи одного субъекта порой не знают, что делают в другом. Координация исследований оставляет желать лучшего. Существующие зональные центры не справляются с задачей. Те центры, которые существовали в регионе, типа БФАН или УрО, в принципе тоже локальны — башкирские сориентированы на Уфу, Уральский центр — Екатеринбург и т.п. Оренбуржье не имело и не имеет академического научного исторического центра.

Огромную помощь в углубленном изучении местной истории оказывают местные архивы. В итоге доступность и содержательность их становится определяющим фактором. Складывается своеобразный культ архивного поиска — при-

знаком новизны публикации становится использование в ней ссылок на архивные документы.

В этом заключается суть третьей серьезной проблемы — преобладание работ краеведческого характера над работами исследовательскими. Приходится констатировать, что на протяжении вот уже более ста лет в оренбургской историографии определяющую роль играют работы прежде всего краеведческого плана. Традиция берет свое начало с авторов, публиковавшихся в «Трудах» Оренбургской Ученой Архивной комиссии.

Разумеется, в краеведении — с его стремлением изучать родной край, малую родину и т.п. — много положительного. Знать местную историю увлекательно и полезно. В принципе, любую работу по оренбургской тематике можно назвать краеведческой. Однако мы в данном случае под краеведением имеем в виду иную, особую методику работы. Историк-краевед, как правило, является не профессиональным исследователем, но любителем. Разумеется, это никак не ставит под сомнение его любовь к историческому прошлому, историческому поиску. Разница краеведа и исследователя, на наш взгляд, заключается во владении инструментарием исторического поиска, умении работать с фактом. Краеведы обычно абсолютизируют обнаруженный источник, берут его как едва ли не истину в последней инстанции. Самое большее, на что они оказываются способны, это на собирание, порой весьма скрупулезное, фактов и их суммарное изложение. Но при этом практически отсутствует критика источников, анализ таковых. Краеведа увлекает реставрация прошлого — четкое изложение «как это было»; исследователя — изучение прошлого — если продолжить параллель: «почему это было и что из-за этого стало».

На наш взгляд, можно говорить о существовании исследований как бы двух уровней. Первый — первичный: накопление информации, приведение ее в систему, установление внутренней логики происходившего. Второй — более высокий, качественный: идет переосмысление информации, ее анализ, высокий уровень обобщений, привлекаются новые методы (например, социологические) и т.п.

Конечно, работы первого уровня ощутимо уступают, но они необходимы, поскольку аналитическая работа невозможна без серьезной информационной базы. Какова общая картина именно оренбургских исследований? И по сей день

преобладают работы первого уровня — о чем говорят даже названия: «К вопросу о...», «Новые факты о...» и т.п. К сожалению, приходится констатировать распространенность иллюстративного стиля — когда факты подбираются для подтверждения тезиса. Если обратиться к новейшим публикациям, кандидатским диссертациям, то может создаться впечатление, что авторы начинают выходить за узкие рамки местной тематики. Однако стоит указать, что при широко заявляемых темах нередки попытки раскрывать таковые на материалах едва ли не одной Оренбургской губернии.

Еще проблема — концептуальная завершенность оренбургской истории. Научного издания, которое бы могло дать целостную картину истории края, не существует. Единственное издание такого рода, которое можно рассматривать как попытку — учебное пособие по истории родного края для школ («История родного края», «История Оренбуржья»). Изданные соответствующими тиражами, они создают общий информационный фон. Но при этом, разумеется, опускается ряд сюжетов, проблем, дискуссионные вопросы.

Самостоятельная проблема — результативность исторических исследований. Парадокс, но краеведческие работы Оренбургской Ученой архивной комиссии конца XIX века более известны по стране, чем работы оренбургских авторов конца XX века. Причина, на наш взгляд, в их доступности, наличии в библиотеках. Современные исследования на местах — достояние крайне узкого круга. Научные статьи, публикуемые в «Ученых записках» вуза, фактически остаются в его пределах. Тезисы научных конференций получают некоторое распространение благодаря иногородним участникам. Газетные и журнальные публикации — ни один уважающий себя автор не станет ожидать на них ссылок в научных работах. Малые и сверхмалые тиражи научных книг не обеспечивают должного информационного фона.

Исторические исследования должны быть востребованы. Однако, прежде чем требовать заказа, следует разобраться с исторической концепцией. На протяжении десятилетий концепция была одна, вариантам места не было в принципе. Основные направления задавались в столицах, на местах они только детализировались, подтверждались фактами.

Годы, прошедшие с начала перестроечных явлений в российском обществе, ознаменованные резкой сменой экономических и социальных ориентиров, не могли не сказаться

на состоянии исторической науки вообще и региональной в частности. По сути дела, речь должна идти о пересмотре концептуальных основ различных аспектов как дореволюционного, так и советского, в особенности, периода истории Оренбуржья.

К числу проблем, требующих сегодня рассмотрения, следует отнести вопросы не только положительного влияния переселенцев, но и изучение их отрицательного воздействия на жизнь и быт коренного населения. Взаимоотношения с ним, в первую очередь с башкирами, — тема сложная, многоплановая, ощутимо политизированная (но это вовсе не означает, что ее не стоит изучать).

Новое звучание должны получить аспекты восстания Е. И. Пугачёва, которое по-прежнему рассматривается историками только лишь как высшее проявление классовой борьбы, как крестьянская война. Базовый тезис советской историографии о безусловно высокой организованности и идейной убежденности повстанцев не выдерживает критики, точно так же, как тезис о массовой поддержке башкирами «Петра III». На наш взгляд, стихийный, «разбойный» элемент играл весьма важную роль. Что же касается башкир, то правильнее вести речь о башкирском восстании 1774 года, к которому присоединились пугачевцы после разгрома под Оренбургом.

Настала пора провести серьёзные историографические исследования тем социально-экономического развития края в XVIII — XIX веках. К сожалению, работы этого плана, появившиеся в последние десятилетия ушедшего века, продолжают носить описательный характер.

Практически ничего, если не считать исследования П. Е. Матвиевского, нет о роли Оренбурга в деле организации проникновения России в Казахстан и Среднюю Азию.

Ещё больше проблем в изучении истории советского периода. Мы вынуждены констатировать, что привыкшие рассматривать себя в качестве идеологической опоры существующей системы историки либо отдают инициативу в руки «любителей-публицистов», что явно сказывается на уровне дискуссий, либо пытаются применить приёмы и методы исследований, выработанные в конце 20-х — начале 30-х годов. Поэтому целый ряд проблем, важных для понимания различных этапов истории 20-х — начала 80-х годов XX века, ещё ждут своего исследования.

На наш взгляд, следует значительно глубже рассматривать вопросы, касающиеся источников победы большевиков в гражданской войне. Новое звучание должны получить исследования проблемы союза рабочего класса и крестьянства, политики военного коммунизма и нэпа, коллективизации и индустриализации, репрессий второй половины 30-х годов. Сказанное выше не означает, что исследований по обозначенным проблемам нет. Но настала пора перейти к работам обобщающего плана. Необходимо уйти от старого, во многом несостоятельного, как показывает реальная жизнь, искажённо-марксистского понимания отдельных страниц нашей истории.

К сожалению, до настоящего времени этого не произошло. И поэтому мы утверждаем, что история Южного Урала, как, впрочем, и вся историческая наука, находится сегодня в глубоком кризисе.

Более того, кризисные явления в исторической науке на периферии принимают, по нашему мнению, более глубокий и затяжной характер, чем в центре. Данная ситуация стала возможной в силу следующего ряда причин:

1. Мы болезненно относимся к необходимости пересмотра существующих концепций, хотя нормальная научная этика предполагает, что в любом сообществе такой пересмотр происходит периодически и представляет совершенно естественное явление.

Специфика научного творчества в провинции заключается, кроме всего прочего, в достаточно узком круге специалистов (так, в Оренбурге на протяжении десятилетий единственным центром, вокруг которого группировались исторические исследования, был исторический факультет педагогического института). Как следствие, в спорах и дискуссиях легко и ощутимо возникает личностный момент. В итоге устаревшие и ошибочные позиции имели возможность сохраняться по иным причинам, нежели согласие с таковыми большинства историков.

Влияют и политические пристрастия авторов — в этом плане показательна статья доктора исторических наук, профессора Е. А. Хромова «Некоторые тенденции развития аграрных отношений в России». Евгений Алексеевич претендует, судя по названию, на публикацию так называемого обобщающего плана. И в этом нет ничего особенного. Другое дело, что некоторые его выводы повторяют концептуальные

установки периода «чрезвычайщины» и сплошной «коллективизации». В результате коллективизация по-прежнему рассматривается исследователем как поступательный процесс, которому нет и не должно быть альтернативы. Так, он заявляет, что «при наличии известных проблем и трудностей в своей основной массе коллективные хозяйства даже в своём не лучшем варианте были шагом вперёд». Должны заметить, что это довольно смелое заявление, свидетельствующее о том, что автор вышеприведённых строк явный сторонник коллективной формы ведения сельского хозяйства. Он безапелляционно заявляет, что «в сравнении с парцелльным единоличным хозяйством колхозы являлись прогрессом».

Можно было бы с этим тезисом согласиться, если забыть о стратификации оренбургского села и взять за основу только беднейшую часть крестьянства. Для них, в силу отсутствия перспектив самостоятельного экономического развития, колхозы действительно были средством, позволявшим обеспечить более-менее сносное существование. Однако, если взять основную середняцкую и зажиточную часть села (от 6 десятин посева и выше), то утверждения уважаемого профессора становятся более чем проблематичными. Сегодня доказано, что пределов своего развития хозяйства середняков и зажиточных не достигли. Они, разумеется, при сохранении системы экономических отношений, свойственных новой экономической политике, могли бы развиваться ещё не один год. Причём как с использованием наёмного труда, так и без него. Другое дело, что перспективность коллективного хозяйствования нужно было основной массе крестьянства доказывать. А вот этого-то управленческие структуры как в центре, так и на местах сделать не смогли, да и не захотели. Проще было заявить о том, что колхозы — дело перспективное (или прогрессивное, как утверждает Е. А. Хромов) и насильственно согнать в них основную часть сельского населения. Думается, что подобная постановка вопроса — через насилие к «светлому» будущему — не учитывает не только опасений учёных-аграрников 20-х годов, например, А. В. Чаянова, но и последние разработки историков в центре и на местах (В. П. Данилова, И. Зеленина, В. Ивницкого и др.).

2. О кризисных явлениях в исторической науке свидетельствует и стремление части историков взять на вооружение современные (и зачастую до конца не выверенные) концепции и попытаться перенести их без учёта территориаль-

ных, национальных и ряда других особенностей. Внедрение новых концепций само по себе дело хорошее и нужное. Однако, если подобное происходит без достаточно серьёзного осмысления процессов, протекавших в обществе на определённом этапе, то порой приводит, мягко говоря, к некоторым поспешным выводам. Показательным в этом отношении является статья доктора исторических наук Р. Р. Магомедова «Социальный эксперимент построения коммунизма в России и крестьянство (в период военного коммунизма)». Уже само название статьи говорит о претензиях автора на публикацию обобщающего характера, хотя примеры приведены только по Башкирии и Оренбуржью. Впрочем, это не столь важно, каждый автор имеет право исходить из собственного видения проблемы и обобщений, исходящих из формулы: от частного к общему.

Основной вывод статьи, по мнению автора, заключается в том, что политика военного коммунизма не отвечала экономическим интересам крестьянства, способствовала расширению географии гражданской войны и сопровождалась массовым сопротивлением сельского населения. Мы не будем сегодня говорить о том, что доказательная база социального неповиновения крестьянства Южного Урала, предлагаемая автором статьи, носит преимущественно иллюстративный характер, что уважаемый профессор забывает о том, что «политика военного коммунизма» была введена в Оренбуржье в 1919 году, когда итоги гражданской войны были уже предрешены.

Обратимся к статистическому материалу, который, как ни странно, свидетельствует о том, что крестьянство края в 1920 году засеяло почти столько, сколько и могло засеять, исходя из имеющейся тягловой рабочей силы, которая, кстати, понесла в период гражданской войны гораздо меньший урон, чем, например, в годы первой мировой. Значит, если «политика военного коммунизма» и влияла на размеры крестьянского хозяйства в Оренбуржье, то лишь опосредованно, лишая перспективы дальнейшего развития. Остаётся открытым вопрос и о крестьянских восстаниях. Действительно, часть сельского населения шла на открытую конфронтацию с органами Советской власти исходя из экономических (военно-коммунистических) ограничений. Но давайте будем справедливы — возводить в абсолют партикуляризм крестьянства сегодня вряд ли оправданно. Нельзя забывать, что опреде-

лённая часть взрослого мужского населения края за 6 лет военных действий просто-напросто отвыкла от крестьянского труда и в насилии (всё равно против кого) видела быстрейший способ удовлетворения своих насущных потребностей, что события на территории Башкирии сопровождались конфликтом между коренным и русскоязычным (пришлым) населением.

Отсюда вывод — не только экономические, но целый ряд социальных, политических и национальных противоречий стали причинами массового неповиновения на территории Южного Урала в конце гражданской войны и в начальный период нэпа.

Советская историческая наука, рассматривая причины победы Красной Армии в гражданской войне и успешное восстановление экономики России в 20-е годы, в качестве важнейшего источника бесспорных успехов и в первом, и во втором случае называла союз рабочего класса и крестьянства. Это утверждение, до недавнего времени казавшееся незыблемым, подкупало своей логикой и простотой. Действительно, кто, как не народ, объединённый общей идеей, в данном случае социалистической, смог успешно противостоять натиску хорошо обученных и вооружённых сил белогвардейцев и интервентов, экономическому превосходству передовых стран Западной Европы и Америки. Именно союз рабочего класса с бедняцко-середняцкой частью крестьянства позволил России восстанавливать свою экономику невиданными темпами. Так вырабатывались слагаемые успехи: мудрая, практически безошибочная политика большевиков, поддержка и, в известной мере, самопожертвование пролетариата и крестьянства (за исключением зажиточной или кулацкой его части).

Так или примерно так звучал этот тезис в работах обобщающего плана и отдельных монографиях, посвящённых гражданской войне и нэпу. На наш взгляд, в данном случае и история, и историки (ко многим из которых мы относимся с искренним уважением) стали заложниками господствующей в 20-х — первой половине 80-х годов политической доктрины, согласно которой государство диктатуры пролетариата в союзе с беднейшим, а затем и середняцким крестьянством сначала сломало устои старого строя (помещичье землевладение, частную собственность, имущественное, социальное и национальное неравенство), а затем — не только сумело от-

стоять право на новую жизнь, но и доказало свою жизнеспособность.

Данная формулировка начинает претерпевать серьёзные изменения после 1985 года. Уже в тот период историки заговорили о конфликте Советской власти с крестьянством в годы гражданской войны и нэпа. О деклассировании пролетариата, роли центральных и местных органов управления, их деятельности (причём не всегда выверенной и правильной).

Эти, да и целый ряд других статей и монографий Д. А. Сафонова, В. А. Лабузова, не только наносили серьёзный удар по сложившейся системе утверждений, но и заставляли задумываться об истинных мотивах событий и явлений. Общий смысл наших рассуждений сводился к следующему.

Ни в годы гражданской войны, ни в последующий период нэпа союз рабочего класса и крестьянства не сложился. Можно говорить, да и то с большими оговорками, лишь о временных соглашениях Советской власти и крестьянства на определённых этапах обозначенного периода. Гораздо сложнее проблема взаимоотношений рабочего класса и органов Советской власти. Был ли между ними союз или нет? На наш взгляд, правильнее говорить о подмене диктатуры пролетариата диктатурой узкой группы управленцев. Тем более что катаклизмы гражданской войны достаточно серьёзно повлияли как на количественный, так и на качественный состав рабочего класса. Голод, холод, сокращение жилого фонда, необычайный рост смертности населения привели к тому, что главной проблемой города и горожан стала борьба за выживание. Эта борьба значительно ослабляла классовые различия и превращала города в царство мелких торговцев и мешочников. В силу этих обстоятельств пролетариат не мог претендовать на приписываемую советской историографией миссию руководства революционным движением и строительства основ социализма. Отсюда вытекает и ряд задач, стоящих, по нашему мнению, перед историками Оренбуржья, да и Южного Урала в целом.

На наш взгляд, необходимо отказаться от жёстких и, по сути дела, идеологизированных схем и попытаться учесть сложность и неординарность процессов, протекавших в обществе. Более пристально рассматривать и выделять ключевые проблемы социальной истории гражданской войны и послевоенного развития региона: классы, социальную мобильность, самоидентификацию различных слоёв и групп, их менталитет.

Требуют дальнейшего освещения такие важнейшие проблемы, как влияние социальных катаклизмов гражданской войны, нэпа, индустриализации и коллективизации на положение и социальную роль рабочего класса. Необходимо попытаться дать ответ на вопрос об объективных и субъективных факторах, влиявших на события 20-х — начала 30-х годов.

На наш взгляд, без дополнительного исследования обозначенных выше проблем истинную картину тех лет не восстановить.

Разумеется, подобная работа потребует и собственной ревизии взглядов историков, и определения каких-то общих методов исследования.

А. И. Богатырев, Г. Е. Корнилов

Уральский государственный педагогический университет

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВВ.

Методологической основой исследования является многоуровневая концепция деятельностно-коммуникативного подхода к исторической реальности с точки зрения исторической науки и с точки зрения школьного исторического образования. Плюралистической модели общественного развития соответствует модель развития исторической науки в указанный период.

Данный уровень исследования — уровень развития исторической науки — анализируется в многоуровневой концепции как единство предмета, метода и науки истории в логике структурно-функционального подхода в следующих аспектах:

1. Причины (основные противоречия) и предпосылки (уровень развития противоречий):

Предмет ⟵⟶ Метод

Наука

Исходя из того, что предмет исторической науки отражает в своих основных тенденциях тенденции развития общества, можно определить основные противоположные компоненты в предмете истории: с одной стороны, отражение тоталитарного общества (догматическая модель марксизма-ленинизма), с другой стороны, отражение демократического общества (специфическая модель постмарксизма, либеральная модель европейского типа).

Предметная область исторической науки, как ее содержательная основа, на данном этапе развития определяет и направляет развитие метода науки в соответствующих противоположных направлениях: с одной стороны, сохранение и трансформация методологического монизма в виде подновленного марксизма и марксоидных учений, с другой стороны, проявление, развитие и преобладание методологического плюрализма в виде постмарксистских учений, начиная с христианских и завершая либеральными теориями.

Взаимосвязь предмета и метода исторической науки рельефно отражается в конкретном культурном образе — современной модели исторического знания, адекватно отражающей противоположные направления в предмете и методе науки: с одной стороны, преобладание классической (традиционалистической, унифицированной) модели науки на ранних этапах реформирования российского общества и науки; с другой стороны, формирование и развитие модернистской и постмодернистской моделей исторической науки на последующих этапах модернизации российского общества и науки.

2. Структура исторической науки в России на рубеже XX—XXI вв. может быть детально охарактеризована по следующим параметрам: реальность, сознание, деятельность, образ, язык, метод и представлена в сравнительной таблице 1.

Таблица 1

Параметры	Традиционализм	
I Реальность	Унифицированное (одноукладное) общество	Дифференцированное (многоукладное) общество
II Сознание	Тоталитарное — закрытое — монистическое	Демократическое — открытое — плюралистическое
III Деятельность	Технократическая (номологический подход)	Гуманистическая (телеологический метод)
IV Образ	Понятие-закон	Понятие-индивидуальность
V Язык	Описание, объяснение прогноз (объективация)	Понимание (субъективация)
VI Метод	Генерализация	Индивидуализация

3. В схематичном описании структуры двух моделей исторической науки отражены тенденции научно-исторического монизма, с одной стороны, и плюрализма, с другой стороны. В современных условиях их взаимодействие ведет к формированию третьей модели — голографической, синтезирующей монизм и плюрализм.

4. Функционально-целевые тенденции развития современной исторической науки могут быть определены, исходя из ее структуры, как взаимодействие содержания и формы науки в следующих аспектах:

а) научный образ исторической реальности (реально-образный аспект): взаимосвязь унифицированного и дифференцированного общества в исторической реальности и ее отражение во взаимосвязи понятия-закона и понятия-индивидуальности в научном образе исторической науки;

б) научный язык исторического сознания (ментально-языковой аспект): взаимосвязь монистического и плюралистического сознания и ее отражение во взаимосвязи объективации и субъективации научного языка исторической науки;

в) научный метод историко-научной деятельности (деятельностно-методологический аспект): взаимосвязь технократического и гуманистического подходов в историко-научной деятельности и ее отражение во взаимосвязи генерализирующего и индивидуализирующего методов научно-исторического познания.

5. Перспективные тенденции развития современной российской исторической науки как возможный результат развития существующих в ней противоречий с учетом уровня их сформированности в ближайшее время могут быть представлены как результаты взаимодействия:

а) унифицированно-догматического и дифференцированно-скептического аспектов предмета исторической науки, т.е. формирование и развитие *многоаспектного* подхода в современном историческом познании;

б) методологического монизма и плюрализма в методе исторической науки, т.е. фактическая реализация *вариативного* (альтернативного) подхода в научном исследовании;

в) классической и модернизированной (модернистской и постмодернистской) моделей современной исторической науки, т.е. реальное существование и развитие *мозаичной (голографической)* модели исторической науки в современной России.

Таким образом, плюралистическая модель современной исторической науки в России приобретает основные параметры в виде:

- многоаспектности предмета исследования;
- вариативности метода исследования;
- голографичности исторической науки в целом.

Современная историческая наука в Российской Федерации развивается в контексте культурных связей с мировой исторической наукой, развивающейся в логике перехода от традиционной к модернистской и постмодернистской модели (таблица 2).

Завершая данный уровень исследования, необходимо соотнести в современной модели исторической науки ее основные параметры:

историческое время (t):

- традиционный период (Т),
- модернистский период (М),
- постмодернистский период (ПМ),

историческое пространство (S):
- локальная история (Л),
- стадиальная история (С),
- глобальная история (Г),

историческое движение (объект и субъект) (S—О):
- натурализм
- социологизм
- теологизм

} мегаистория

- культурологизм (макроистория)
- антропологизм (микроистория)

и представить это соотношение графически:

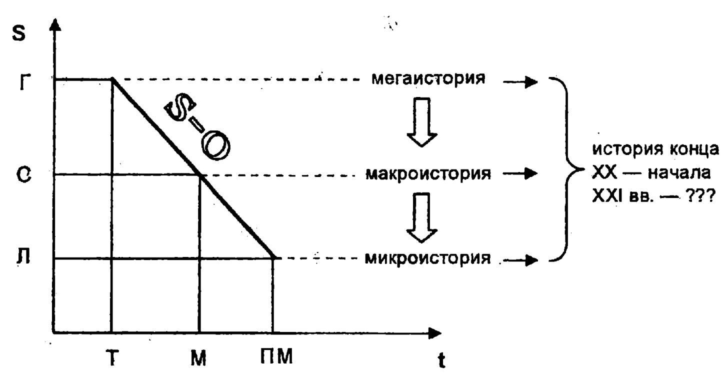


Таблица 2

Модель	Предмет	Метод
I Традиционная	Бог — человек	Вера (провиденциализм)
II Экземпляристская	Человек — герой	Разум (рационализм)
III Естественноисторическая	Общество — человек (без-личность)	Закон (натурализм, социологизм)
IV Культурно-историческая	Культура — человек (личность)	Ценности (культурологизм)
V Постмодернизм	Человек — человек (индивидуальность)	Судьба (ризомный подход, антропологизм)
VI Современная (конец XX — начало XXI вв.)	?	?

Составленный график отражает логику развития исторической науки как последовательную смену моделей (образов, парадигм) исторического знания, соответствующего пе-

риоду монистического развития предмета и метода, хронологические рамки которого можно определить с момента возникновения исторической науки до середины XX в. С середины XX века начался новый период развития исторической науки, связанный с появлением постмодернизма, как нового направления в осмыслении историко-культурной реальности. Это период плюралистического развития исторической науки в мире и в России (80—90-х гг. XX в.). Противоречия в предмете и методе науки в постмодернистских исследованиях, обнаружившие деструктивные тенденции этого научного направления, вызвали необходимость нового историко-культурного синтеза в исторической науке: не отрицательного, к которому следует отнести попытки синтеза монизма и плюрализма в так называемых многоконцептуальных исследованиях, которые открывают период холистического (голографического) развития предмета и метода исторической науки.

Если в начале исследования рассматривается модель общества, а далее — модель исторической науки, то в качестве синтеза рассматривается модель современного школьного исторического образования в Российской Федерации в контексте социологического и эпистемологического аспектов. Модель школьного исторического образования также представлена в логике структурно-функционального подхода:

1. Причины (основные противоречия) и предпосылки (уровень развития противоречий):

Образ жизни ⟷ Мировоззрение

Культура

Образ жизни как материальное основание культуры отражает противоречия российского общества конца XIX — начала XX века в противоположных аспектах его развития: с одной стороны, индустриально (традиционно, тоталитарно) направленный уровень, с другой стороны, постиндустриально (модернизированно, демократически) направленный уровень.

Мировоззрение как духовное основание культуры отражает противоречия общественного и индивидуального сознания российского общества и его противоположные аспекты: с одной стороны, традиционное мировоззрение с сознанием закрытого (тоталитарного) типа, с другой — модернизированное мировоззрение с сознанием открытого (демокра-

тического) типа. Культура как синтез образа жизни и мировоззрения, отражая их противоречия и противоположные аспекты, также является противоречивой: с одной стороны, индустриально-тоталитарный (унифицированный) тип культуры, с другой стороны, постиндустриально-демократический (дифференцированный) тип культуры современного российского общества.

2. Принцип голографизма в исследовании образования как подобия (тождества) культуры отражается в структурных моделях современного образования (таблица 3):

Таблица 3

Параметры	Индустриально-тоталитарная культура	Постиндустриально-демократическая культура
I Культура отношений (коммуникативная)	Авторитарная	Демократическая
II Культура интеллекта (интеллектуальная)	Монологовая	Диалоговая
III Культура технологии (технологическая)	Информационная	Ценностная
IV Культура информации (информационная)	Теоретическая (репродуктивная)	Метатеоретическая (мировоззренческая)
V Культура оперирования информацией (оперативная)	Функциональная	Креативная
VI Культура методологии (методологическая)		Развивающая

3. Функционально-целевые тенденции развития современного российского образования в модели культурологического подхода проявляются в следующих аспектах:

а) информационно-коммуникативная тенденция: взаимосвязь авторитарной и демократической культуры отношений и ее отражение во взаимосвязи теоретически-понятийной и метатеоретически-мировоззренческой культуры информации;

б) интеллектуально-операционная тенденция: взаимосвязь монологовой и диалоговой культуры интеллекта и ее отражение во взаимосвязи репродуктивной и креативной культуры оперирования информацией;

в) методологически-технологическая тенденция: взаимосвязь информационной и ценностной культуры технологии и ее отражение во взаимосвязи функциональной и развивающей культуры методологии.

4. Перспективные тенденции развития современного рос-

сийского образования могут быть представлены в виде прогноза развития исходных противоречий культуры (образования) как результат взаимодействия:

а) индустриально-тоталитарного и постиндустриально-демократического образа жизни, т.е. развитие многоукладного образа жизни;

б) закрытого и открытого типа мировоззрения, т.е. развитие толерантного мировоззрения;

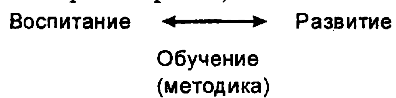
в) унифицированной (стандартизованной) и дифференцированной (индивидуализированной) культуры, т.е. развитие разноориентированной культуры.

Таким образом, плюралистическая модель современного образования, представленная в культурологическом подходе, приобретает следующие параметры:

- многоукладность образа жизни;
- толерантность мировоззрения;
- разноориентированность культуры.

И, наконец, заключительный уровень исследования многоконцептуального подхода к историческому школьному образованию — это уровень методики обучения истории в современных условиях, который также может быть представлен в логике структурно-функционального подхода:

1. Причины (основные противоречия) и предпосылки (уровень развития противоречий):



Воспитание, отражая уровень развития общества и культуры и соответствуя им в основных аспектах, носит противоречивый характер в современных условиях и является, с одной стороны, технократическим (прагматическим), а с другой — гуманистическим (личностно ориентированным).

Развитие, отражая уровень развития общества и культуры и соответствуя им в основных аспектах, в большей мере несет на себе отпечаток противоположных тенденций в развитии педагогической и психологической науки, в которых явно существуют противоположные подходы к пониманию развития и его взаимосвязи с обучением: с одной стороны, натуралистический подход, подчеркивающий роль наследственности (природы) в развитии человека, а с другой — социологический подход, подчеркивающий роль среды (общества, воспитания) в развитии человека.

Обучение как отражение противоречий воспитания и развития в современных условиях также обнаруживает в себе противоположные тенденции: во-первых, как традиционные противоположности формального и реального образования; во-вторых, как современные противоположности традиционного и развивающего обучения в различных модификациях.

2. Структура методики обучения истории в российской школе на рубеже XX—XXI вв. может быть подробно охарактеризована в разных дидактических моделях по следующим параметрам процесса обучения: цель — средства, задачи — формы, содержание — методы (таблица 3).

Таблица 3

Парамётры	Многоконцептуальная модель	Поликонцептуальная модель
I Цель	Знания, умения, ценности	Метод и предмет науки
II Задачи	Систематизация ЗУН	Введение в науку
II Содержание	Эпизодический → Систематический курс	Систематический → Научный курс
IV Средства	Психологические	Логические
V Формы	Педагогические (предметные)	Эпистемологические (научные)
VI Методы	Эмпирические	Теоретические

В основе сравнения этих моделей лежит схема сравнения основных дидактических моделей в современном образовании (таблица 4):

Таблица 4

Параметры	Традиционная модель	Развивающая модель	Гуманистическая модель
I Цель	Знания	Умения	Ценности
II Задачи	Обучение	Развитие	Воспитание
III Содержание	Сознание (предмет науки)	Деятельность (метод науки)	Отношения (образ науки)
IV Средства	Гносеологические	Методологические	Аксиологические
V Формы	Дидактические	Психологические	Педагогические
VI Методы	«Реальное образование»	«Формальное образование»	Личностно ориентированное образование

3. Функционально целевые тенденции развития современной методики обучения истории (особенно в старших классах) очень четко прослеживаются при сопоставлении двух подходов: моноконцептуального изучения истории в начальной и основной школе и многоконцептуального изучения истории в средней школе:

а) опосредующе-целевая тенденция: взаимосвязь систематического и научного курсов как цели обучения истории и ее отражение во взаимосвязи психологических и логических средств обучения истории;

б) формально-структурная тенденция: взаимосвязь систематизации ЗУН и введения в науку как задачи обучения истории и ее отражение во взаимосвязи педагогических (предметных) и эпистемологических (научных) форм обучения истории;

в) содержательно-методическая тенденция: взаимосвязь систематического и научного курса в содержании обучения истории и ее отражение во взаимосвязи эмпирических и теоретических методов обучения истории.

4. Перспективные тенденции развития современной методики обучения истории отражают уровень развития ее противоречий и могут быть представлены в следующих параметрах:

- синтез технократического и гуманистического подходов к воспитанию в процессе обучения истории, т.е. развитие прагматического подхода;

- синтез натурологического и социологического подходов к развитию в процессе обучения истории, т.е. развитие культурологического подхода;

- синтез традиционного и развивающего подходов к обучению истории, т.е. развитие гуманистического подхода.

Таким образом, многоконцептуальная модель методики обучения истории в старших классах приобретает основные параметры в виде:

- введения в логику исторической науки;

- разработки переходного от систематического к научному вводного курса;

- введения в методологию исторической науки.

Многоконцептуальная модель методики обучения истории позволяет по-новому взглянуть на ряд проблем школьного исторического образования.

Во-первых: проблема ступеней современного школьного

исторического образования и переход от линейной к концентрической структуре образования остается до сих пор нерешенной ни содержательно, ни технологически, потому что в нормативных документах (стандарт школьного исторического образования, федеральные и региональные программы для разных ступеней, для разных концентров) не проводится четко различия между пропедевтическим (II—III классы начальной школы), систематическим (V—XI классы основной и средней школы) и научным (вузовским — институтским, университетским) курсами истории. Решению указанной проблемы может помочь методическая модель, выражающая в таблице 5 особенности трех названных курсов.

Таблица 5

Параметры	Пропедевтический курс	Систематический курс	Научный курс
I Цель	Эпизод	Система	Метод
II Задачи	Элементы знаний	Систематизация знаний	Предмет и метод науки
III Содержание	Типические эпизоды	Систематизированные знания	Развитие предмета и метода науки (историография)
IV Средства	Методика эпизодического курса	Методика систематического курса	Методика научного курса
V Формы	Игра-урок	Урок-творчество	Творчество-исследование
VI Метод	Репродуктивный	Проблемный	Исследовательский

В современной методике обучения истории прослеживаются тенденции смешения трех этих курсов, которые порождают различные психологические и педагогические проблемы: пропедевтический курс преждевременно превращается в систематический и тем самым вырождается в механическое преподавание или отрывается от систематического курса и вырождается в забаву, в развлечение; систематический курс преждевременно превращается в научный и вырождается в научную забаву, дилетантизм или отрывается от научного курса и вырождается в псевдонаучное механическое занятие. Не претендуя на полное решение указанных проблем, многоконцептуальная модель обучения истории в X—XI классах предлагает сочетание систематического и научного курсов, предотвращающее вырождение систематического курса в

дилетантизм или механизм. Опыт многоконцептуальной модели в старших классах может быть использован как логический и методический принцип при создании пропедевтического курса.

Во-вторых, проблема взаимосвязи двух концентров исторического образования остается не в полной мере решенной с 1965 г., когда была прекращена неудавшаяся попытка перехода на концентрическую систему исторического образования по социально-педагогическим и методическим причинам, к числу которых следует отнести проблему линий усложнения содержания исторического материала в обоих концентрах. Многоконцептуальная модель исторического образования предлагает путь решения этой проблемы через курс введения в логику научного исследования в старших классах.

В-третьих, проблема соотношения федерального, регионального и школьного компонентов исторического образования остается не решенной в полной мере не только по материально-техническим, организационно-педагогическим, но и по дидактико-методическим причинам, среди которых содержательные, технологические, психологические основы соотношения указанных компонентов.

Многоконцептуальная модель методики обучения истории, основываясь на строгом разделении трех ступеней обучения по целям, задачам, содержанию, средствам, формам и методам обучения, предлагает конкретный путь определения указанного соотношения в X—XI классах, учитывая проблему профессиональной ориентации учащихся на этой ступени обучения, основываясь на оптимальном сочетании методов исторического познания.

Необходимо особо подчеркнуть, что многоконцептуальная модель методики обучения истории, не претендуя на универсальное решение всех проблем школьного исторического образования, предлагает конкретный подход к реализации принципа целостности исторического образования в X—XI классах, предполагаемого в БУП как целостность образовательной области «общественные дисциплины (история)» (таблица 6).

Проблема целостности исторического образования, представленная схематически в таблице, разрабатывается в структурных компонентах методики многоконцептуального подхода к обучению истории в X—XI классах средней школы, который, с точки зрения авторов, является одним из воз-

можных путей решения проблем современного исторического образования.

Таблица 6

Ступени общества	Ступени методов истории	Ступени школьного образования	Компоненты БУП
1. Доиндустриальное общество	1. Мегаистория	1. II концентр	1. Федеральный
2. Индустриальное общество	2. Макроистория	2. I концентр	2. Федеральный, региональный
3. Постиндустриальное общество	3. Микроистория	3. Пропедевтический курс	3. Региональный, школьный

М. М. Кульшарипов

Башкирский государственный университет

ПРАВО НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ: НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

В последнее время наметилась явная тенденция возвращения России к устоям унитарного государства. Разделение России на семь федеральных округов во главе с полномочными представителями Президента страны со ссылкой на необходимость укрепления властной вертикали, принятие Государственной Думой РФ закона, по которому Президент России наделяется правом снимать со своих должностей всенародно избранных губернаторов и лидеров национальных республик, попытка Конституционного Суда РФ внести изменения в конституции республик в смысле пересмотра положения о государственном суверенитете вызывают серьезную тревогу у нерусских народов относительно сохранения своей государственности.

Следует отметить и то, что некоторые обществоведы, политические деятели, наделенные большими полномочиями, пытаются создать теоретическую базу политики федеральных властей, взявших курс на ликвидацию национально-государственных образований в составе РФ. Всецело защищая идею отказа от признания права народов на самоопределение, полномочный представитель президента РФ в Приволжском федеральном округе С. В. Кириенко пытался доказать, что образование автономных республик — дело рук большевиков.[1]

Бывший депутат Государственной Думы от Башкортостана А. Аринин, подвергая сомнению легитимность положения о праве народов на самоопределение, пытается доказать, что коммунисты в свое время насаждали мировоззрение этнического национализма, суть которого состояла в том, что народы или нации понимались прежде всего как этнические общности, обладающие определенным историческим правом на свое государство. Этнонационализм, по его мнению, в развитии «социалистического федерализма» исходит из того, что каждый этнос должен иметь свое государство, иначе говоря, «национально самоопределиться». И «это ми-

ровоззрение, — продолжает Аринин, — коренным образом расходилось не только с мировым политическим опытом, но и с нашей собственной Отечественной историей».[2]

Опыт «собственной Отечественной истории» действительно показывает, что царское самодержавие не признавало права народов на самоопределение, хотя и в российской истории бывали исключения: Финляндия в составе империи обладала определенными, весьма ограниченными политическими правами, в завоеванной Россией Средней Азии сохранились эмираты и ханства. Что касается «мирового политического опыта», то он явно не согласуется с выводами Аринина. Известно, что еще в 1945 году в уставе ООН в качестве общеобязательной нормы был закреплен термин «равноправие» и «самоопределение народов». Сегодня на основе принципа равноправия и самоопределения народов сложилась и развивается целая система норм, самостоятельная отрасль — международное право народов. Нормы и принципы прав народов, прежде всего на самоопределение, нашли свое отражение в Уставе ООН, Конвенции о предупреждении преступлений геноцида, наказании за него, Международном пакте о гражданских, социальных и культурных правах, Декларации ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам, международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Хельсинском заключительном акте 1975 года и в других документах. Общепризнанные конвенционные права народов на самоопределение были закреплены в качестве одного из основных, императивных принципов современного международного права в 1966 году в ст. 1 пакта о правах человека. В декларации о предоставлении и независимости колониальным странам и народам, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1960 г., было заявлено, что она «торжественно провозглашает необходимость быстрой безоговорочной ликвидации колониализма во всех его формах и проявлениях» и что «все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие».[3]

Мнение об установлении большевиками во главе с Лениным национальных границ не выдерживает критики даже при самом беглом ознакомлении с историей царской России, отмеченной антиколониальной, освободительной борьбой

нерусских народов. Стоит хотя бы вспомнить историю башкирских восстаний XVII—XVIII вв., борьбу поляков, финнов, украинцев в начале XX в. за самоопределение.

Притом свою автономию башкирский народ завоевал с оружием в руках, имея собственные национальные вооруженные силы. Более того, лидеры башкирского национально-освободительного движения, находясь на стороне демократической контрреволюции, вопреки проискам большевиков, еще 15 ноября 1917 года в городе Оренбурге объявили Башкортостан автономной республикой. Эта автономия была признана большевистским правительством в марте 1919 г. путем подписания соглашения с бывшим белым башкирским правительством. Правда, в мае 1920 г. в русле худших российских традиций политические и экономические права Башкирской автономии были урезаны.

К сожалению, приходится признать, что в условиях демократизации нашего общества федеральные власти заболели имперским синдромом, не сумели изжить имперский образ мышления, забывая о том, будут ли согласны нерусские народы отказаться от идеи национального самоопределения. В этом плане невозможно не согласиться с высказыванием Президента Татарстана М. Ш. Шаймиева о том, что «в последнее время все чаще твердят, что у республик в составе федерации нет и не может быть даже ограниченного суверенитета. Это мнение, освященное официальным определением Конституционного Суда России, вызывает откровенное удивление и сожаление. По мнению многих независимых экспертов, решение суда является скорее политическим, нежели юридическим. Оно игнорирует волю многонационального народа республики, неоднократно на референдуме и в ходе выборов высказывавшегося за суверенитет. Получается, что уважаемый суд не учел один из базовых конституционных принципов — народовластие».[4]

Идеологи унитаризма пытаются, как правило, выставлять себя истинными демократами, озабоченными прежде всего правами человека. О каких правах личности можно вести речь, если не признается основное право любого народа — право на самоопределение. Их суждение о демократическом, унитарном государстве, где якобы будут соблюдаться права человека и исчезнет сам собой национальный вопрос, — явно из области мифотворчества. Очевидно, что вслед за ликвидацией национальной государственности не-

русских народов последуют всякого рода ограничения экономического, социального, культурно-духовного характера, что неизбежно в унитарном государстве.

Попытки властных структур РФ ограничить, свести на нет права национальных республик путем грубого нажима и вмешательства сверху приведут к печальным последствиям. (Пора бы извлечь урок из чеченских событий.) Развитие нормальных взаимоотношений между Федеральным центром и суверенными республиками возможно лишь при неукоснительном соблюдении демократических принципов федерализма, учитывающих этнические особенности складывания российской государственности.

Примечания

1. Российская газета. 2000. 11 октября.
2. Аринин А. Проблемы развития российской государственности в конце XX века // Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 22.
3. Международная защита прав и свобод человека: Сб. документов. М., 1990. С. 32.
4. Шаймиев М. Ш. Десять лет по пути укрепления суверенитета (выступление 29 августа 2000 г. на пленарной сессии Государственного Совета, посвященной 10-й годовщине провозглашения Декларации о государственном суверенитете республики Татарстан) // Ядкар. 2000. № 4. С. 11.

З. Г. Сафонова

Оренбургский государственный педагогический университет

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ «ОБРАЗА ШКОЛЫ» В РОССИИ X — XVIII ВВ.

Школа — педагогическая система, имеющая многовековую историю развития. Компоненты, составляющие культурный феномен, называемый школой, находятся в целенаправленных связях и отношениях и образуют своеобразное единство и целостность.

В локальной адаптивной цивилизации России самобытно проходили процессы развития школы, ее функций и содержания деятельности.

Школа в российском образовании никогда не понималась как «время, свободное от обязательных занятий, как досуг» (с греч.). Она всегда была местом и формой учебного труда: и в первых училищах (X—XI вв.) и в первых академиях (XVII в.). Термин «школа» для обозначения учебного заведения официально начинает употребляться с начала XVIII в., с петровского указа о «школе математических и навигацких наук». В течение XVIII в. термины «школа» и «училище» используются как синонимы, что не меняет сути общей образовательной функции этих образовательных учреждений.

В многовековом процессе развития российская школа формировалась как социальная, полиструктурная, целостная, динамичная и искусственная система. На пути от «школы книжного учения» и «школы мастеров грамоты» к средней образовательной — школа приобретала новые цели и функции, изменялись отношения между государством, культурным уровнем жизни народа и школой.

Общая направленность, цели, ученики, учителя, содержание, методы, формы в деятельности российской школы изменялись не столько по логике социальных процессов, сколько по воле правителей или отдельных деятелей культуры.

Возникновение российской (древнерусской) школы как учебного заведения можно отнести к тому историческому времени, когда в X веке после принятия христианства появилась настоятельная потребность воспринять культурно-педагогические традиции европейской цивилизации.

Известен факт о повелении князя Владимира открыть в 988 г. дворцовую школу «учения книжного» для распространения книжного просвещения в Киевской Руси. Эта школа могла бы быть своеобразным прообразом центра письменной культуры, которая соединяла бы Киевскую Русь с цивилизацией Европы и Азии. Летопись отразила отношение народа к открывающейся школе: матери плакали по отданным в школу детям «аки по мертвецам», потому что в глазах родных сыновья действительно «умирали» для прежнего уклада жизни: сыны уходили в мир, где были иные ценности. Приобщаясь к новой культуре, они теряли свою культурно-племенную принадлежность: самоопределение по вере возвышалось над самоопределением по крови.

Традиционно сохранилось выражение: «отдать в школу» (в древности детей «раздавали» учителям, а не объединяли «в одном для отроков училище» (Н. М. Карамзин). Выражения «...даяти нача детей на ученье книжное...», «раздаенному на ученье» – внушают мысль, что школы были у учителей на дому. Нет точных фактов о деятельности школы, создаваемой по велению князя; но в более позднее время (XI—XIII вв.) были созданы и действовали школы, даже школы для девочек (XI в.).

В педагогическом сознании древних русичей, возникающем из диалога бесписьменной и письменной культуры, появляется идея о возможности обучения детей письменности. Если предположить, что реально кириллица и глаголица стали известны в Древней Руси одновременно с созданием первых училищ, то становится понятным смысл намерений учить «книжным наукам»: в летописях используется устойчивая терминология: «грамоте научен», «исполнен книжного учения», «любя словеса книжные, муж хитр книгам и учению», «в словесах книжных веселуемся». В «Житии Феодосия Печерского» показан такой результат учения: «Скоро постиг он всю грамоту, так что поражались все уму его и способностям и тому, как быстро он всему научился».

Познать «всю грамоту» понимали по-разному — это умение писать или переписывать, читать или заучивать тексты наизусть. В течение нескольких веков открывались «училища грамоты» для посадского населения, зарождающихся городов, для детей дружинников (позже солдат) или для самих взрослых.

Идея возможности обучения решалась одновременно с

необходимостью поиска собственных путей и форм просвещения. Требовались условия для выделения путей вхождения в письменную культуру. Развивается интерес к письменному Слову, появляется потребность научиться такому «Слову»: известны берестяные грамоты (XI—XV в.) (Новгород, Смоленск, Старая Русь, Тверь и др.), рукописные «Жития...», а с XVI в. — печатные азбуковники, буквари и книги для чтения.

Былинный Добрыня, выполняющий различные дипломатические поручения князя Владимира, высокообразован, «обучен вежеству», владеет иностранными языками, играет в шахматы. Обучались богатыри вне дома, скорее всего в дружинных школах — училищах, напоминающих интернаты или детские дома: «Мы вместе с Добрынюшкой грамоте учимся, платитце носили с одного плеча, и хлеба мы с Добрынюшкой кушали».

Можно отметить своеобразную историческую традицию в развитии древнерусского просвещения, заложенную князем Владимиром, — создания князем училищ для подготовки грамотных людей. Наиболее реальными становились училища, в которых в течение нескольких зим и лет ученики узнавали все божественные писания: «И аще кто не имел книг мудрые, таковой подобен столпу... без подпор стоящу; аще будет ветр, то упадет» (Иоанн Златоуст).

Церковно-приходские школы существовали в России с глубокой древности до 1917 года, выполняя одну из задач, сформулированных в решениях Стоглавого Собора: «чтобы иметь хотя бы грамотных и образованных церковнослужителей».

И церковно-приходские школы, и первые училища были «учения книжного». Там любили и ценили книги, при монастырях были нередко богатые библиотеки, служившие «для продолжения и углубления образования». Предполагалось, что, научившись читать, любой мог с помощью книг самостоятельно пополнить и продолжить свое образование.

Древнерусские рукописные произведения дидактично настоятельно говорили о необходимости читать, искать научные книги, переписывать тексты. Иоанн Златоуст создает ряд произведений о книжном учении (научиться читать и одновременно понимать, зачем надо уметь читать). Чтение книг являлось единственной возможностью удовлетворить свои стремления к знанию. Известная ученость, т.е. знание книг Св. Писания, могла быть приобретена древнерусскими «лю-

бопытцами» только их личным трудом — путем прилежного чтения книги (особый тип древнерусского ученого). Не школа, а книга становится важным и практически единственным источником и средством получения образования. Древнерусское почтение к книге сохраняется и в XX в. Академик Д. С. Лихачев неоднократно говорил, что можно закрыть все университеты, но пока есть библиотеки, — у нас есть и будут образованные люди, и культура не прекратит своего существования.

Чтобы иметь возможность читать имеющиеся книги и создавать новые, нужны были образованные люди. Элементарную грамотность нужно было добыть самому: от поучающих (от учителей), от знающих и умудренных жизненным опытом старцев или самообразованием.

Демократические школы «мастеров грамоты» и элитарные школы «книжного чтения» — это «школы одного учителя». «Мастер грамоты» (начетчик) — главная фигура, под руководством которого заучивались наизусть учебные тексты из книг или запоминались со слов учителя (вне зависимости от подготовленности мастера). Все школы «книжного чтения» до XVII в. учили только читать или читать и писать, в некоторых случаях также рисовать или петь.

Получение знаний (точнее, обучение в школе) связывалось с будущей счастливой жизнью: если ученик ленив, то учение не принесет ему плодов: «добра не добыти, а лиха не избыти / А слава добрые не получити, / А красные ризы не носити, / А медвяны чаши не испивати, / А своего хлеба не едати» (стих «Слово о ленивых», XVI в.)

В XIII—XV вв. при церквах, монастырях, епископах возникают школы, где все желающие имели возможность учить грамоте своих сыновей. Но и церковные школы открывались медленно.

Древнее образование было скорее воспитательным чем обучающим, постоянно твердили детям о боге, грехе, добродетелях и т.п., использовалась розга, «ремень плетной».

Образ школы как государственного образовательного учреждения проявляется по мере роста потребности в образовании. Философ Ю. Крижанич (XVII в.) призывал овладеть мудростью, т.е. иметь энциклопедическое общее образование. Все энциклопедическое знание человека не в силах узнать (выучить, запомнить). Овладение всем знанием не означает запоминание, потому что «знания — это понимание

причин вещей, и знать — это понять причины вещи. А кто не знает причин, не знает и самой вещи». А для такого учения нужна была принципиально иная школа.

Действительно, меняется сущность образования. Во второй половине XVII в. появляются школы, открываемые по инициативе либо знатных, либо образованных людей (С. Полоцкий, К. Истомин), где обучение становится многопредметным: письменница, числительница, словесница, геометрия, мусикия, звездозаконие, риторика. А само учение — «рассудительным».

Братские школы Белоруссии и Украины дали образец народной школы, связанной с семьей и основанной на семейных традициях. В XIX в. Л. Н. Толстой, давая характеристику школы, отметил, что «школа хороша только тогда, когда осознала те основные законы, которыми живет народ». В движении за религиозно-духовную независимость создаются православные братства, где школа — важное средство в борьбе за национальную и религиозную независимость. По Уставу братские школы составили образовательную систему школ с четко поставленными целями; решались проблемы просвещения и воспитания в элементарной, средней и высшей школах. В Уставе прописывались особые требования к личности учителя. Он должен был быть ученым, умным, смиренномудрым, сдержанным и т.п. Социальные и экономические изменения в жизни Русского государства, рост городов и разделение труда повлияли на использование образованных (грамотных) людей и усилили внимание к школе.

С начала XVIII в. российская школа становится государственной, сословной, светской и профессиональной. Школы, как ранее, открывались и действовали в предлагаемой повелительной форме: велеть, забрать, — добавилось: оштрафовать, арестовать, отказать (в венчании, наследовании имущества и т.п.). Как только школа утверждалась государством, так становилась государственным учреждением, действующим по уставу, где пунктуально прописывались нормы поведения учителей и учащихся.

Появляется идея (в Указах Петра I) о возможности обучения детей любых сословий: дьяков, подьячих, посадских людей, солдат, а детей дворян — по принуждению. В Указах Петра впервые в России были прописаны обязательность учения, всеобщность, единство общего и профессионального образования.

«Школа математических и навигацких наук», открытая по царскому приказу «января 14 дня 1701 г.», была первой действительно государственной, светской реальной школой, отвечающей потребностям не только государства, но и народа.

Россия, вступив на путь открытия светских школ, сделала их многопредметными, что порождало определенные противоречия с подготовкой «узкого специалиста». Это противоречие разрешалось «просто», не по правилам формальной логики: реальная жизнь России торопила и требовала одновременной общеобразовательной и профессиональной подготовки людей, быстро подготовленных к определенной профессии и, благодаря элементарному общему образованию, умеющих в случае надобности ориентироваться в разных отраслях профессиональной деятельности.

В течение всего XVIII века развивались начальные школы различного типа: ремесленные и технические училища, профессионально-реальные, продолжали функционировать церковные, солдатские школы, хирургические школы в Петербурге и Москве. Открывались даже «девичьи школы». «Устав народным училищам в Российской империи» (утвержден 5 августа 1786 г.) вводил два типа государственных народных училищ — главное и малое, дающие возможность всеобщего бесплатного обучения. Курс главного училища был пятилетним, начинался с чтения и письма и давал хорошее законченное начальное элементарное образование. Для желающих продолжить образование в гимназиях преподавался латинский и один из новых иностранных языков (в Киевской, Новороссийской, Азовской губерниях — греческий язык, в Казанской — арабский, в Сибири — китайский язык). По Уставу не чинили никому никакого принуждения, и воля родителей — отдавать детей в школу или оставлять дома.

Учебный курс главного училища был общеобразовательный, он готовил к жизни человека-гражданина. Но многопредметность сохранялась — до 20 предметов.

С 1786 г. прерывается развитие школы труда, а народные училища делаются традиционной «школой учебы», определив это направление почти на целый век. Продолжает развиваться важная мысль: сблизить каждого ученика с наукой «корыстно»; это и было оформлено Уставом 1804 г. По Уставу 1804 г. российская школа оформилась как общеобразовательная с предметным преподаванием в условиях классно-

урочной системы. Гимназия, как высшая ступень общеобразовательной школы, создавала возможности для обучения в университете. Выпускникам других типов школ в России такая возможность не предоставлялась.

Таким образом, основным стало представление о такой российской школе, которая готовит к поступлению в университет. Такой школой была признана гимназия, дающая высокий уровень образования, совершенно оторванного от реальной жизни, по окончании которой гимназисты становились студентами университетов. Выпускники университетов служили в государственных учреждениях или занимались научной деятельностью, т.е. были далеки от жизни своего народа.

В других школах готовили к практической жизни на основе начального или профессионально-ремесленного обучения.

В XIX в. российская школа способствовала росту уровня образованности: появляются новые типы школ, новые требования к содержанию образованности. Но по признакам организации, учреждения российская школа (и система школьного обучения) оформилась в начале XIX в.

Л. Н. Мазур

Уральский государственный университет им. А. М. Горького

ИСЧЕЗАЮЩАЯ ДЕРЕВНЯ? (ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В XX ВЕКЕ)[1]

Приобщение к истории родного края подчас начинается с малого — знакомства с картой того региона, республики, где сейчас живешь. На ней мы видим десятки городов и сотни маленьких деревень и сел. Изучая местную историю, мы приобщаемся к прошлому народа, государства, мира. Есть и другая сторона — исследование истории заселения данного региона, как формировалась поселенческая сеть в целом, по каким законам она развивалась?

В научных работах по истории расселения можно выделить два основных методологических подхода: краеведческий и историко-географический. Изучение Урала краеведами началось достаточно давно, еще во второй половине XIX века, когда во многом благодаря формированию и активной деятельности Уральского общества любителей естествознания появляются работы, посвященные истории, природе, населенным пунктам Урала. В 1880-е гг. публикуются первые справочные издания. Исследования таких ученых, как И. Я. Кривощеков, Н. Чупин, позднее В. П. Бирюков и др. положили начало уральскому краеведению и внесли заметный вклад в изучение истории уральских сел и деревень.

Однако краеведение, давая уникальный материал по истории сел и городов, наполняя историю жизнью, вместе с тем имеет свои ограничения, присущие изначально данному методу. Основой краеведческого исследования выступает монографическое наблюдение, задача которого — как можно подробнее и полнее осветить исторические события и судьбы населенных пунктов, людей, оставивших заметный след в истории. Конкретность, внимание к деталям, использование их для воспроизведения колорита изучаемого периода — все это является важнейшей составляющей краеведческого исследования. Вместе с тем он не позволяет делать каких-либо широких обобщений. На сегодня мы имеем очень обширную и в то же время разрозненную информацию, накопленную в рамках краеведческих исследований, она требует систематизации и обобщений.

Учитывая конкретную историю, все же хочется осмыслить, а как идет развитие поселенческой системы в целом, какие факторы влияют на ее развитие, какие пути и перспективы здесь можно выделить? Общеизвестным стал тезис о вымирании деревни как формы поселения. Сельские жители, особенно молодежь, покидают в силу самых разных причин свои родные места, переселяются в города или более крупные поселки. Что ждет в дальнейшем деревню? Ответ на этот вопрос во многом связан с изучением общих закономерностей развития расселения.

Проблемы расселения относятся к категории междисциплинарных. Будучи изначально объектом изучения географии, сегодня характеристика процессов расселения невозможна без анализа демографических, экономических, политических процессов, этнических особенностей. Поселенческая система, ее базисные характеристики выступают как важнейший результат деятельности общества, складываясь в процессе поступательного аграрного и промышленного освоения территорий.

Поселенческая сеть характеризуется такими свойствами, как системность, устойчивость, динамизм. Системность выступает как следствие формирования связей, объединяющих населенные пункты различного уровня иерархии в некоторую целостную территориальную общность, главными элементами которой выступают территория, население, природная среда, предметно-хозяйственная сфера, органы управления. Общепризнанным остается представление об иерархическом строении территориальных общностей. Первичной ячейкой является поселение, затем выделяют территориальные группы, во многом соответствующие административно-территориальному строению региона и страны. Без учета этих иерархических и горизонтальных связей, складывающихся в системе расселения, невозможно оценить роль и место конкретного населенного пункта, перспективы его развития, как и тенденции изменения системы в целом.

Устойчивость — это важнейшая характеристика системы расселения. Она складывается в ходе длительного исторически обусловленного процесса освоения территории и реализуется в виде материальных объектов — построек, инженерных сооружений, транспортных путей и др. В результате хозяйственной, социально-культурной деятельности населения формируется каркас системы расселения, включающий наи-

более значимые в экономическом, культурно-историческом, административном плане населенные пункты — это прежде всего города, а также крупные административные, транспортные, торговые, историко-культурные центры. Именно эти поселения определяют устойчивость системы в целом, придают ей характерные черты и особенности.

Динамизм — другая немаловажная черта системы расселения. Она является отражением того, что в поселенческой сети происходят постоянные перемены: возникают новые населенные пункты, исчезают старые, часть поселений меняет свой статус (села преобразуются в города и наоборот), между ними происходит перераспределение функций и т.д.

Рассматривая расселение в эволюционном плане, можно выделить следующие основные стадии его развития:

Первая стадия — аграрное расселение можно рассматривать как первичное, оно характеризуется автономным развитием городов и сельской местности, при этом сельское расселение стремится к полному охвату сельскохозяйственных земель, что обеспечивает достаточно равномерное освоение территории. Равновесие в развитии городского и сельского расселения может существовать достаточно долго, даже в условиях развития индустриального общества, пока не истощатся демографические ресурсы сельской местности, обеспечивающие рост городов. Появление дефицита демографических ресурсов можно считать переломной точкой в развитии расселения. Такая ситуация складывается в СССР примерно к середине XX века.

Вторая стадия — урбанистическая — отличается концентрацией сельского расселения, усилением миграции жителей села в город. В сельской местности происходят сокращение и измельчение поселенческой сети, концентрация населения вокруг городов и транспортных линий. Данные изменения в сельском расселении начались в конце XIX в., но особенно активно проявляются в послевоенный период. Военные потери и снижение естественного прироста, рост миграции ускорили процесс концентрации. Другим фактором, повлиявшим на сельское расселение, была политика советского правительства 1950—1980-х гг., нацеленная на административно-территориальное и хозяйственное укрупнение, ликвидацию неперспективных сел.

Третья стадия может быть обозначена как интегрированное расселение, когда городская и сельская системы сли-

ваются на общей основе, а связи между ними приобретают более тесный и интенсивный характер. Новый тип расселения располагается на небольшой, плотно заселенной территории, что способствует трансформации системы расселения из равномерной и сплошной в «пятнистую». Интегрированное расселение представлено в агломерациях, где город и сельскохозяйственная округа сливаются воедино. Формирование агломераций особенно интенсивно идет в промышленных урбанизированных районах, к числу которых относятся, например, Свердловская, Челябинская область.

Изучение расселения и происхождения сельских населенных пунктов имеет достаточно обширную историографическую традицию. Первый опыт изучения сельского расселения относится к концу XIX века, в частности, этим вопросам посвящены работы П. А. Соколовского, В. П. Семенова-Тян-Шанского[2]. Однако этап активного изучения процессов расселения приходится на более поздний период — 1960-е годы. Возросший интерес научной общественности к проблемам расселения был тесно связан с задачами конкретной практической деятельности того времени, в том числе строительством, ростом городов и т.д.

Лозунги построения коммунизма, стирания различий между городом и деревней нашли отражение в разработке схем районных планировок и Генеральной схемы расселения, в соответствии с которыми и должна была быть преобразована среда обитания советского человека. В разработку проектно-планировочной документации по развитию сельскохозяйственных районов и строительству на селе были заложены принципы укрупнения сельскохозяйственных предприятий, концентрации производства. В соответствии с этими планами населенные пункты стали подразделяться на перспективные и неперспективные.

В этот период активизируются и научные работы в данной области, что уже к концу 1960-х гг. привело к оформлению самостоятельного научного направления, объектом исследования которого стали системы расселения. В рамках данного направления был разработан понятийный аппарат (в том числе понятия «расселение», «поселение» и др.), сформулированы основные тенденции и закономерности развития системы расселения на современном этапе.

Одним из научных центров по анализу систем расселения стал Центр по изучению проблем народонаселения при МГУ.

В научной литературе в 1970—1980-е гг. были сформулированы основные концепции развития поселений в СССР:

1. Концепция, положенная в основу Генеральной схемы расселения. Она была разработана в Госстрое СССР и строилась на прогнозе высоких темпов концентрации населения в крупных населенных пунктах.

2. Концепция региональных и групповых систем расселения, разработанная в Госплане СССР. В основу данной концепции были положены тенденции развития производственно-территориальных образований как основы системы расселения.

3. Концепция единой системы расселения (МГУ).

Наряду с общесоюзными исследованиями появляются работы, посвященные региональным системам расселения, среди них труды по материалам Украины, Бурятии, Казахстана, Башкирии и других автономных и союзных республик.[3]

Большой вклад в изучение проблемы расселения внесли новосибирские ученые-социологи, которыми было опубликовано несколько работ, посвященных методологии и методике изучения сельских поселений, а также теоретическим проблемам, таким как типология, классификация поселений и др.[4] В научных трудах представлены данные социологических обследований сельских населенных пунктов Новосибирской области, проведенных в 1967, 1972 и 1977 гг.

С 1960-х гг. появляется достаточно много исторических работ, посвященных изучению истории расселения на территории СССР, при этом подавляющее большинство публикаций охватывает период феодализма.[5] В них рассматриваются вопросы определения стадий развития поселений, типологии средневековых сельских населенных пунктов, влияния географического ландшафта, сельскохозяйственных технологий, налоговой политики, феодальных повинностей на систему расселения. Истории освоения и расселения на Урале посвящены работы В. А. Оборина, А. А. Кондрашенкова, Г. Н. Чагина и др.[6]

Растущий интерес к проблемам расселения и истории сел и деревень в 1990-е гг. нашел отражение в увеличении числа публикаций справочного характера, работ краеведов. Так, в Екатеринбурге на протяжении нескольких лет реализуется программа «Летопись уральских деревень», результатом которой стало издание воспоминаний, материалов по истории

конкретных деревень. Наиболее активно краеведческие исследования и издание справочников проводятся в национальных республиках — Удмуртии, Башкортостане, Республике Коми.[7]

Советский период исследован в научной литературе гораздо слабее, из появившихся в последнее время работ следует отметить монографию Л. Н. Денисовой,[8] в которой приведены обобщенные данные о численности поселенческой сети, группировке населенных пунктов по людности и т.д. Между тем послевоенный период характеризуется наиболее активной перестройкой системы расселения и изучение его до сих пор остается малоисследованной проблемой.

XX век с его многочисленными катаклизмами и грандиозными свершениями непосредственно повлиял на изменение поселенческой сети. Развитие системы расселения происходит под влиянием таких глобальных процессов, как урбанизация, концентрация производства, демографическая революция. Важнейшими отличительными чертами этого периода являются рост городов, концентрация сельского расселения вокруг городских центров, сокращение числа мелких и средних населенных пунктов. Вместе с тем изменения не носят линейного характера, скорее, можно говорить о цикличности развития системы расселения: вслед за этапом расширения поселенческой сети (первая половина XX века) наступает стадия сжатия (1950—1970-е гг.), вновь сменяемая усилением тенденций децентрализации (1990-е гг.). С этих позиций однозначные выводы об исчезновении деревни требуют уточнения.

Вся сложность изучения системы расселения заключается в том, что в ней на первичном уровне одновременно происходят различные изменения. Наряду с ликвидацией и снятием с учета населенных пунктов происходит образование новых, поселения приобретают и утрачивают определенные функции, происходят административные перемещения. Учетные данные, отражающие состояние системы на данный момент времени, не дают возможности в полной мере охарактеризовать те внутренние изменения, которые происходят на первичном уровне. В зависимости от конкретных условий поведение системы может существенно отличаться и развиваться в соответствии со следующими моделями:

1) «стабильная» — предполагает сохранение существующей системы расселения без видимых изменений, при

этом низкие «естественные» темпы прироста новых поселений сочетаются с невысокими показателями ликвидации старых, компенсируя друг друга;

2) «расширение» — рост численности новых поселений выше, чем показатели «снятия с учета», в результате мы имеем положительное сальдо;

3) «сжатие» — численность ликвидированных поселений существенно превышает численность вновь возникших;

4) «нестабильная» — характеризуется высокими показателями прироста новых населенных пунктов и сокращения имеющихся.

Чтобы отследить на конкретном материале и охарактеризовать все процессы, свойственные системе расселения, необходимо создать соответствующую информационную базу, которая, с одной стороны, должна дать представление о состоянии поселенческой сети в целом на определенные моменты времени, а с другой — позволит проследить динамику изменений на уровне первичной ячейки — поселения. С этой целью на историческом факультете Уральского госуниверситета создается информационно-справочная система «Села и города Урала в XX веке», для формирования которой используются как официальные издания — Списки населенных мест и справочники административно-территориального деления, так и архивные материалы, материалы краеведческих исследований, историко-географические словари и проч.

Примечания

1. Тема поддержана грантами РГНФ № 00-01-00296а и № 00-05-12007в.

2. Соколовский П. А. Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1910.

3. Крисанов Д. Ф. Сельское расселение: социально-экономический аспект. Киев, 1988; Региональные проблемы развития городских и сельских поселений СССР. М., 1988; Магнатаева Д. Д. Система расселения населения: Региональный аспект. Новосибирск, 1988 и др.

4. Развитие сельских поселений (лингвистический метод типологического анализа социальных объектов). М., 1997; Социальное развитие села: анализ и моделирование. Новосибирск, 1980; Методология и методика системного изучения советской деревни. Новосибирск, 1980.

5. Дулов А. В. Географическая среда и история России (конец XV — сер. XIX в.) М., 1983; Дегтярев А. Я. Русская деревня: Очерки

истории сельского расселения. Л., 1980; Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. М., 1960; Веселовский С. Б. Село и деревня Северо-Восточной Руси XIV—XVI в. М.; Л., 1936 и др.

6. Кондрашенков А. А. Заселение и экономическое освоение Зауралья русскими крестьянами в XVII — первой половине XIX в. Шадринск, 1997; Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск, 1990 и др.

7. Асфандияров А. 3. История сел и деревень Башкирской АССР. Уфа, 1990; Гаев И. М. и др. Шадринские села. Шадринск, 1997 и др.

8. Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960—1980-е гг. М., 1996.

Э. М. Щагин

Московский педагогический государственный университет

ВЛАСТЬ И ОППОЗИЦИЯ В СССР КОНЦА 20-х — НАЧАЛА 30-х ГОДОВ

Проблема противоборства сталинско-большевистской власти со своими политическими противниками в условиях перехода от нэповского курса к форсированной модернизации народного хозяйства страны является одной из самых запутанных как в былой советской, так и в современной отечественной историографии.

Цель настоящего доклада — разобраться в той части внутриполитической ситуации, которая была связана с противостоянием власти и в той или иной степени организованных ее противников на начальной стадии модернизационного процесса в СССР, датируемой концом 20-х — началом 30-х гг. XX века, а конкретнее — временем первой пятилетки.

Такая целевая установка предусматривает, что основное внимание будет сосредоточено на выяснении степени идейной сплоченности и, что особенно важно, партийно-политической организованности тех элементов отечественной общественности, которые противостояли режиму формирующейся личной власти Сталина и его окружения в качестве не столько легальной внутрипартийной, сколько нелегальной, но действующей в недрах советских органов государственного, административного и общественно-хозяйственного управления, оппозиции.

Этот акцент вызван прежде всего тем, что в былой советской и современной отечественной историографии освещению борьбы внутри правящей большевистской партии придавалось и придается поныне большое значение, в то время как противостояние общественных сил вне рамок этой борьбы исследуется явно недостаточно.

Кроме того, крайне отрицательно влияла и продолжает влиять на решение интересующей нас проблемы ограниченность доступа исследователей к материалам судебно-следственных процессов по делам так называемых антисоветских контрреволюционных организаций и группировок, именуемых Промпартией, Трудовой крестьянской партией, Союзным бюро меньшевиков, кооператорами и т.п. Вот по-

чему дискуссии о том, были ли в реальности такие организации и группы, идут и поныне.

На материалах главным образом следствия по делу ЦК Трудовой крестьянской партии и некоторых документах сопутствующего плана пишущему эти строки уже приходилось высказывать свое мнение на сей счет[1]. Но вышедший вскоре двухтомный сборник документов, выборочно отражающий следственное дело Союзного бюро меньшевиков, где составитель и автор вводной статьи А. Л. Литвин однозначно заявляет, что «все приводимые обвинительные данные и утверждения в протоколах допросов либо фальсифицированы следователями, либо являются плодом их целенаправленного воображения»[2], вынуждает нас вновь, правда теперь уже в основном применительно к делу так называемого Союзного бюро меньшевиков, рассмотреть соотношение мифологии и действительности в вопросе противостояния власти и оппозиции в СССР конца 20-х — начала 30-х годов.

Проведенное ранее сопоставление ставших доступными для исследователей извлечений из следственных дел Н. Д. Кондратьева, А. В. и С. К. Чаяновых, Л. Н. Литошенко и других обвиняемых с документами, объективность информации в которых несомненна, позволило заключить, что показания допрашиваемых не являлись от начала до конца вынужденными самооговорами, а представляют собой хотя и весьма противоречивый, но в то же время и необходимый исторический источник, чью степень достоверности определить вполне возможно[3].

Не менее перспективным в том же плане является изучение материалов следствия в сопоставлении с письмами Сталина к В. М. Молотову, в которых проблемам следствия по

---

[1] См.: Щагин Э. М. Альтернативы «революции сверху» в советской деревне конца 20-х гг.: суждения и реальность // Власть и общество России. XX век. М.; Тамбов, 1999. С. 271—280; Его же. Противоборство власти и оппозиции по вопросам социалистической реконструкции деревни // Российское государство и общество. XX век. М., 1999. С. 168—187. Кроме указанных публикаций, аналогичная точка зрения отражена мною в вузовском учебнике: Новейшая история Отечества. XX век. Т. 2. М., 1998. С. 45—49.

[2] Меньшевистский процесс 1931 года: Сб. док.: В 2 кн. Кн. 1. М., 1999. С. 19.

[3] Подробнее об этом см.: Щагин Э. М. Противоборство власти и оппозиции... С. 173—177.

делу «контрреволюционной Трудовой крестьянской партии и группировкам Суханова — Громана», позднее разграниченного как минимум на три взаимосвязанных судебных процесса, уделялось серьезное внимание. Оно показывает, что Сталин зорко следил за ходом следствия по протоколам допросов и в определенной степени направлял его. Однако, с легкой руки публикаторов писем, в советской литературе стало расхожим мнение о том, что именно он разрабатывал сценарий процессов, писал их «ноты», не только был идеологом процессов 1930—1932 годов, но и оперативно руководил ими, а также придумывал «показания», которые следовало получить у арестованных[1]. Нынешнее состояние источниковой базы, доступной для беспристрастного (а не заданного) освещения, не позволяет определить, чего в цитированных оценках роли «вождя народов» больше — исследовательской объективности или дани сиюминутной политической конъюнктуре.

По вопросу же о том, существовали ли в эти годы оппозиционные по отношению к тогдашнему режиму политические организации в стране, положение с источниками несколько лучшее. Помимо следственных материалов ОГПУ весьма существенную информацию содержат органически вошедшие в научный оборот труды так называемых невозвращенцев, в особенности хорошо известные современному читателю работы Н. Валентинова (Вольского) «Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина» и «Наследники Ленина».

Более того, фонды русского исторического архива в Праге, созданного отечественными эмигрантами первой пореволюционной волны, сохранили для нас поистине уникальные материалы частной переписки, в которых они обменивались информацией о событиях на родине, получаемой по разным каналам, обсуждали самые злободневные вопросы как внутри-, так и внешнеполитического положения СССР, в том числе репрессии ОГПУ против интеллигенции, «показательные» судебные процессы над ее отдельными группами, а

---

[1] Письма И. В. Сталина к В. М. Молотову, 1925—1938 гг.: Сб. док. М., 1995. С. 187. Ср. Симонов В. В., Фигуровская Н. К. Послесловие. Особое мнение // Кондратьев Николай Дмитриевич. Особое мнение. Кн. 2. М., 1993. С. 592; Чаянов В. А., Петриков А. В. Чаянов в следствии ОГПУ по делу Трудовой крестьянской партии (1930—1932 гг.) // Сельский мир. М., 1998. Март. С. 4, 6 и др.

некоторые из эмигрантов (Б. Д. Бруцкус, Е. Д. Кускова, П. А. Сорокин) активно участвовали в организации протеста выдающихся западных ученых и деятелей культуры против большевистского произвола в отношении своих российских коллег.

Из работ Н. Валентинова отечественные историки впервые узнали о существовании в Москве с конца 1922 по середину 1927 гг. интеллигентского нелегального кружка меньшевиков, нареченного ими самими «Лигой объективных наблюдателей». Для ранненэповской Москвы такой кружок не являлся чем-то из ряда вон выходящим. «Были ли еще другие кружки, подобные нашему? — спрашивал Н. Валентинов, и отвечал: Кажется были — один эсдековский, другой — кадетский»[1]. Нечто подобное констатировал и побывавший летом 1925 г. в Москве Н. В. Устрялов. Рассказывая о своих московских впечатлениях, он подчеркивал, что «общественное сознание ушло в маленькие домашние кружки, где за чаем ведутся долгие беседы о сегодняшнем дне, о завтрашнем, о будущей России, о русской культуре, о Европе, американизме и т.д. И за этими беседами услышишь и вдумчивые анализы, и полеты изящной фантазии и философии пережитого, и зачатки каких-то грядущих идеологий»[2]. Не только по срокам существования, но по персональному составу его наиболее активных участников (В. Г. Громан, Н. Н. Суханов) и, что особенно важно, по идейным установкам, изложенным в коллективно разработанном меморандуме «Судьба основных идей октябрьской революции», «Лигу наблюдателей» можно считать (разумеется, с известной долей условности) своеобразной предтечей другого подпольного сообщества интеллигентов-меньшевиков, которое по следственному делу спецслужб того времени сначала значилось группировкой Суханова — Громана, а в конечном счете на судебном процессе, состоявшемся весной 1931 года, фигурировало как дело по так называемому Союзному бюро меньшевиков.

Никаких упоминаний преемственности между Лигой наблюдателей и меньшевистскими объединениями последующих лет в публикациях Н. Валентинова нет. Не названы им и

---

[1] Валентинов Н. (Вольский) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991. С. 60.

[2] Цит. по: Политическая история русской эмиграции 1920—1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999. С. 220.

те участники Лиги, которые к моменту издания работ могли быть еще живы. Последнее автор объяснял страхом повредить им. Думается, что по той же причине он воздержался указывать и на генетическую связь Лиги наблюдателей с группировкой Суханова — Громана.

Более доверительно высказывался по этим вопросам Н. Валентинов, после того как он стал в 1930 году невозвращенцем, в письмах своей старой знакомой, видной публицистке-эмигрантке, представительнице русского политического масонства Е. Д. Кусковой, в чьем семейном фонде Русского исторического архива в Праге (ныне так называемой Пражской коллекции ГАРФ), фонде ее и мужа, профессора С. Н. Прокоповича сохранились чрезвычайно интересные документы. Первые сведения на сей счет содержит письмо, написанное 2 июля (без указания года, но, судя по тексту, не ранее 1931). «То, что произошло с Громаном и другими, до сих пор не дает мне покоя, — вспоминал Валентинов. — Во время этого процесса я абсолютно спать не мог — дошел до такой точки, что прямо хоть отправляйте в психиатрическую больницу. Ведь до моего отъезда за границу — в самом конце декабря 1928 — все эти «заседания» происходили у меня! Ведь всех этих людей я постоянно видел, знал, что они думают, и вдруг... Покаяние с таким унижением... Ужас в том, что очень большое количество лиц вело себя на допросах более чем скверно, но ужаснее то, что вся среда будущих арестованных уже с начала 1927 г. кишела тайными сотрудниками ГПУ. Только здесь, например, я узнал, что один очень милый профессор, который часто приходил ко мне в редакцию, и с которым я, не стесняясь, болтал, как и другие, — просто «сексот» — секретный сотрудник... Среди моих знакомых абсолютно нет ни одного, кто не был бы арестован: от Букшпана до Кафенгауза — все»[1].

В цитированном отрывке обращают на себя внимание два момента. Во-первых, из контекста письма можно заключить, что хотя в нем в качестве подвергшихся репрессиям упоминаются исключительно участники бывшей «Лиги наблюдателей» (В. Г. Громан, Л. Б. Кафенгауз, Я. М. Букшпан, Э. Л. Гуревич (Смирнов), П. Н. Малянтович), но коль скоро речь идет о «всех этих заседаниях», которые до самого конца

---

[1] Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 5865. Оп. 1. Д. 113. Л. 29 об. — 30.

1928 г. происходили у Валентинова, имеются в виду не встречи участников Лиги, прекратившиеся еще в 1927 г., а «всех тех людей», что оказались на скамье подсудимых в открытом процессе по делу более поздней «Контрреволюционной организации меньшевиков». К этой организации до своего отъезда за рубеж имел касательство и сам автор письма, хотя его имя в числе лиц, причастных к ней, на процессе не фигурировало. Одинаково уничижительно характеризуя не только в письмах, но и в своих позднейших книгах поведение на процессе своих товарищей, в особенности В. Г. Громана, — корреспондент Кусковой тем не менее, справедливости ради, отмечал, что последний все-таки «на суде ни слова не произнес о «Лиге наблюдателей»»[1].

Кстати, точно также вел себя в отношении Лиги и другой главный обвиняемый — Н. Н. Суханов. А П. Н. Малянтович, значившийся в числе лиц, привлеченных к процессу, на допросе 23 апреля 1931 года наряду с этим не только не признал себя виновным в принадлежности к нелегальной меньшевистской организации, но и заявил, что «даже о существовании ее не знал»[2].

Спрашивается, почему, давая столь детальные показания о своей деятельности в составе позднейшей «контрреволюционной организации меньшевиков», Громан и Суханов не словом не обмолвились о «Лиге наблюдателей»? Ответить на этот вопрос помогает сюжет о «сексотах», затронутый в приведенном фрагменте письма Н. Валентинова. Исследователи, считающие Трудовую крестьянскую партию, Промпартию, нелегальные организации бывших меньшевиков, эсеров, а также связанных с ними кооператоров типа Н. В. Некрасова и П. А. Садырина мифами ОГПУ, обосновывают эту версию главным образом самооговорами, которые выбивались заплечных дел мастерами этого ведомства у обвиняемых. При этом они почему-то забывают, что «сексотовская» информация, которой располагали чекисты, существенно упрощала процедуру получения признаний у многих арестованных. Мифы былые и современные, сопровождающие трагическую тему политических репрессий советского прошлого, только тогда уступят свое место исторической правде, когда исследователи получат доступ ко всем документам того времени, и

---

[1] Н. Валентинов. Новая экономическая политика... С. 363.

[2] Меньшевистский процесс 1931 г. Кн. 2. С. 413—414.

в том числе к делам надзорного производства спецслужб, когда тема эта перестанет служить полем для сведения счетов — межличностных, групповых, классовых, конфессиональных, национальных и иных.

Однако вернемся к цитированному письму Н. Валентинова Е. Д. Кусковой. Наряду с отмеченными, в нем нашел отражение сюжет, касающийся связи оппозиционно настроенных внутренних сил страны с российскими эмигрантами, их политическими организациями, связи, квалифицировавшиеся в те годы в качестве едва ли не самых тяжких политических преступлений. «Последние несколько месяцев я до позднего часа, — сетовал автор письма адресату, — сижу только за писанием книжки о пятилетке — современной экономике. Ведь я, — переходил он от жалоб к саморекламе, — что называется от Адама знаю эту самую пятилетку — ни одного заседания ВСНХ и Госплана я не пропустил в Москве, когда обсуждалось все, что сюда относится. И для характеристики ее эволюции и вырождения в современную пятилетку я располагаю материалами прямо доставленными оттуда. Жалко, что некоторые материалы нельзя опубликовать, не выдавая этим тех, кто их мне сообщил»[1].

Факт, упомянутый корреспондентом Кусковой, весьма показателен. Если невозвращенец-одиночка без должного заработка, буквально перебивающийся случайными литературными заработками, на свой страх и риск устанавливает быстро контакты со своими бывшими сослуживцами в «советских верхах» и получает от них по соответствующему каналу связи планово-экономические материалы конфиденциального характера, а затем, судя по дальнейшей переписке, и регулярную информацию о событиях на родине, то для российских эмигрантских групп, и тем более таких экономически мощных организаций, как Российский Финансово-промышленный и торговый союз (Торгпром), Союз земств и городов (Земгор), межпартийные российские республиканско-демократические объединение и союз (РДО и РДС) и многочисленные нелегальные масонские ложи, установить и поддерживать те или иные связи с оппозиционно настроенными кругами интеллигенции и их объединениями в СССР было задачей менее сложной. Наличие таких связей, инкриминируемых осужденным по делу Союзного бюро меньшеви-

---

[1] ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 113. Л. 30.

ков, Промышленной и Трудовой крестьянской партий, в наше время огульно объявляется чекистской мифологемой. Факты, если не целиком опровергающие, то существенно корректирующие такую трактовку, замалчиваются и в расчет не принимаются. Сошлемся хотя бы на некоторые из них.

Посол Чехословакии в СССР Иожеф Гирса в своем дневнике тех лет, источнике, обстоятельно изученном нашим санктпетербургским коллегой В. А. Шишкиным, писал, что из доступных источников он узнал, что большинство арестованных по делу ТКП и группировки Суханова — Громана «находилось в связи с заграничными эсеровскими организациями», хотя тут же оговаривался: они не могли быть публично обвинены, так как «настроены преданно к советской власти и разделяют социалистические убеждения»[1].

Хорошо известно, что Заграничная организация меньшевиков направила в СССР в 1927 году свою представительницу Е. Л. Бройдо, а через год — сотрудника «Социалистического вестника» М. А. Броунштейна, но они вскоре были арестованы ОГПУ, хотя на процессе 1931 года не появились[2]. Аналогичное задание от лидера заграничной «Трудовой крестьянской партии» С. С. Маслова получила работница Академии наук Воленс, которой удалось выйти на Н. Д. Кондратьева и П. Т. Саломатова, однако и ее вскоре постигла та же участь[3].

Кроме того, для связи с эмигрантскими организациями на Западе использовались, если верить показаниям арестованных, сотрудники иностранных посольств — германского — О. Аухаген и датского — А. Кофод, а также корреспонденты западных газет, аккредитованных в Москве. Не исключено, что эти «связники» одновременно выполняли зада-

---

[1] Шишкин В. А. Россия в годы «великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925—1931). СПб., 1999. С. 165—166.

[2] Несколько участников меньшевистского процесса показали, что приезжал в Москву и один из лидеров II S Интернационала Р. А. Абрамович, но он и его коллеги за рубежом категорически отрицали это. Возможно, что тут фигурировал двойник видного меньшевика или «подсадная утка ОГПУ».

[3] Российский Государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ) Ф. 17. Оп. 71. Д. 80: Материалы по делу контрреволюционной крестьянской партии и группировки Суханова — Громана (сентябрь 1930 г.). Л. 82.

ния западных спецслужб[1], тем более что рисковали они в данном случае немногим: самое худшее — быть выдворенными из нашей страны, как это, по всей вероятности, и случилось, когда выявились их регулярные контакты с арестованными по делу той же Трудовой крестьянской партии.

Но контакты арестованных с представителями западных стран следствие интересовали в меньшей степени, чем их же связь с внутрипартийной оппозицией в лице так называемого правого уклона в ВКП(б). Что касается последней связи, то приказ выявить ее действительный масштаб и эффективность дал сам Генсек, как только он познакомился с первыми показаниями по этому вопросу, сделанными Н. Д. Кондратьевым, В. Г. Громаном, Н. П. Макаровым[2].

Идейную не столько связь, сколько зависимость лидеров правого уклона в ВКП(б) от теоретиков-экономистов Н. Д. Кондратьева, А. В. Чаянова, Л. М. Юровского и др., арестованных летом 1930 года, нам уже доводилось доказывать на материалах дела ЦК ТКП, но прямую организационную связь с представителями правых уклонистов Кондратьев, Чаянов и их «подельники» на допросах отрицали, хотя в неоформленном виде, на уровне индивидуальных контактов, она, если верить протоколам следствия, очевидно, существовала[3]. В данной связи представляется не случайным тот факт, что отдельные узники (С. К. Чаянов, А. В. Тейтель) на следствии признавали: надежды и практические действия ячеек ТКП были направлены на то, чтобы, используя свое положение спецов в соответствующих Наркоматах и иных советских учреждениях, реализовывать тактику обволакивания верхушки правых уклонистов в расчете их руками свалить режим личной власти Сталина и его окружения[4].

Возникает вопрос, а наблюдалось ли что-либо подобное во взглядах и реальной деятельности бывших меньшевиков и прочих лиц, привлеченных к процессу 1931 года? Прежде всего, что дают по этому вопросу документы следствия? Тот

---

[1] Там же. Л. 34, 37—39.

[2] См.: Письма И. В. Сталина В. М. Молотову... С. 193—194. Подробнее об этом: Щагин Э. М. Противоборство власти и оппозиции... С. 176—179.

[3] Щагин Э. М. Противоборство власти и оппозиции... С. 173, 177—178.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 30. Л. 74—74 об., 79 об. — 80.

факт, что такие одаренные экономисты-теоретики, как В. Г. Громан, А. М. Гинзбург, И. И. Рубин, являлись своеобразными генераторами идей, которые брали на вооружение лидеры правого уклона, признавали многие из участников меньшевистского процесса и, прежде всего, сами эти лица, занимавшие важные посты в центральных хозяйственных ведомствах — Госплане, ВСНХ, а также отдельных отраслевых наркоматах. «Тот анализ народнохозяйственных процессов, который содержался в составленных под моим руководством конъюнктурных обзорах, хотя они и не шли так далеко, как конъюнктурные обзоры НКФ (Наркомфина — *Э. Щ.*), руководимые Кондратьевым, все же должны быть признаны одним из источников, питавших ту идеологию, которая позволила хотя бы на миг появиться такому лозунгу («Обогащайтесь!» — *Э. Щ.*) в части партии пролетарской революции, — отмечал на допросе 2 сентября 1930 года В. Г. Громан. Он же, со слов Кондратьева, читавшего протоколы апрельского Пленума ЦК ВКП(б) (а тот в свою очередь получал их от бывшего Наркома земледелия А. П. Смирнова и заместителя последнего И. А. Теодоровича), на первом своем допросе поведал, что «на этом пленуме Сталин во время речи Рыкова бросил реплику, что «его слова — это мудрость от Громана, который не марксист и не наш»»[1].

Несколько позже он категорично заявлял: «Я и Базаров, следуя А. А. Богданову, являемся действительными авторами выдвинутой Н. И. Бухариным теории равнения на узкие места»[2]. «При обсуждении «Заметок экономиста» Бухарина ряд участников группировки.., — показал 30 сентября 1930 года Б. А. Тухман, — указывали, что это, по существу в основном повторяет высказывавшиеся Громаном и Базаровым взгляды в течение продолжительного отрезка времени...»[3].

О том, что идейное влияние влекло за собой воздействие организационно-политическое, свидетельствовали показания того же В. Г. Громана, В. В. Шера и И. И. Рубина о тактике так называемого обволакивания, которая применялась по отношению к деятелям правого уклона в ВКП(б) и другим «мягким» коммунистам[4]. Конкретизируя практику проведе-

---

[1] Там же. Л. 60 об.

[2] Меньшевистский процесс 1931 год... Кн. 1. С. 333.

[3] Там же. С. 385.

[4] Там же. С. 325, 588—591; Кн. 2. С. 236—238.

ния такого тактического приема в Госбанке, где он одно время работал, В. В. Шер подробно изложил методику и результаты обволакивания по отношению к директору кредитной группы, ведавшей кредитованием кооперации — коммунисту Ф. Н. Кузякину и члену правления банка, тоже коммунисту А. И. Морину. Третий описанный случай он относит к директору института Маркса и Энгельса Д. Б. Рязанову: «Меньшевик Рубин, меньшевик Череванин, бывший друг (а по сведениям И. И. Шитца — и родственник[1]) Рязанова Э. Я. Гуревич-Смирнов — все оказывали свою долю влияния на Рязанова, «обволакивали» его, всемерно затушевывая в то же время перед ним, что он является каким-то объектом воздействия, а наоборот делая вид, что все поддаются его, Рязанова, воздействию, находятся под его влиянием»[2].

Еще более детально описал этот же случай И. И. Рубин, заметивший перед этим, что «так называемое «обволакивание» коммунистов, ответственных работников или руководителей учреждения окружающими меньшевиками, сторонниками других партий или беспартийными, враждебно относящимися к советской власти, — факт весьма распространенный в наших учреждениях»[3].

Тактика «обволакивания» большевистского режима со ставкой на правых уклонистов с тем, чтобы руками последних отстранить Сталина и его единомышленников от власти, находилась на вооружении не только у сил более или менее организованной внутренней оппозиции, но и у значительной части российской эмиграции либерально-демократической и умеренно-социалистической ориентации вплоть до середины 30-х годов.

О том, что либерально-демократически настроенные элементы российской эмиграции конца 20-х — начала 30-х стояли именно на позициях эволюционного изживания режима сталинско-большевистской диктатуры, автору этих строк уже доводилось писать и публиковать некоторые документы[4].

---

[1] См.: Шитц И. И. Дневник «великого перелома» (март 1928 —август 1931). Париж, 1991. С. 267.

[2] Меньшевистский процесс... Кн. 2. С. 237—238. В книге, наверное, опечатка — инициалы Гуревича — Э. Л.

[3] Там же... Кн. 2. С. 588—595.

[4] См.: Щагин Э. М. Документы истории «революции сверху» // Власть и общество России. XX век. С. 318—321, 322—339; Политическая история русской эмиграции 1920—1940 гг. С. 518—524, 550—554 и др.

Изучение писем Валентинова Кусковой дает возможность показать, что думал по данному вопросу и о чем говорят размышления этого официально никем не аккредитованного политического обозревателя, не только досконально знающего реальное положение в народном хозяйстве СССР 20-х годов, но владеющего серьезной информацией по тем же проблемам применительно к последующему периоду — почти до непосредственного кануна второй мировой войны.

Взвешивая шансы осуществления в противовес сталинской форсированной модернизации народного хозяйства страны альтернативы — насильственного ниспровержения существующей в СССР власти, за что ратовали многие эмигрантские организации, Н. Валентинов категорически отрицал и тот и другой способ решения проблемы. «Мне кажется, — сообщал он в письме, которое можно условно датировать не ранее чем началом декабря 1932 года, — что нельзя все-таки полагать: или анархия, или по-прежнему остаются «они». Именно потому, что я не хочу анархии, я не хочу революции..., но события последних месяцев показывают... что открываются пути третьей комбинации — для эволюции. Что идеи правых коммунистов победят и уже отчасти победили (ширпотреб, льготы кустарям) — это для меня несомненно. И от этого будет уже стране легче, но я то хочу не победы только правокоммунистических *идей*, а победы правокоммунистических *людей*.

Это условие может показаться несерьезным, — продолжал развивать он мысль об эволюционном пути развития страны, — а между тем оно исключительно важно. Я много раз, будучи еще там, стремился разобраться, какая разница между Сталиным, Молотовым, с одной стороны, Рыковым и Томским — с другой. И, разбираясь, я всегда приходил к тому, сознаюсь, малоубедительному и малоизвестному элементу — к *психологии*.

Дантон и Робеспьер? В чем различие? Прежде всего — в психологии. Большевики и меньшевики до революции? В чем различие? В программах, в параграфе № 2 о члене партии? Конечно, нет. В *психологии*. Между сталинцами и правыми коммунистами то же различие — в психологии, прежде всего в психологии.

Сейчас для правокоммунистической психологии в СССР почва вполне утрамбована — а это «двери». В 1929, 1930 и даже в 1931 году у правых коммунистов совсем не было опо-

ры в стране. А в 1932 г. сразу изо всех пор попер «оппортунист», «правый коммунист», а это сильно подрезает корни для того спрута, который в виде государственной религии — сталинизма (варварской, ультра-варварской религии) — охватил своими щупальцами страну...

Недавно возвратившийся из России наблюдательный немец (Kleinow)... пришел к твердому убеждению, что выветривание сталинизма идет такими быстрыми шагами, что через три-четыре года от него ничего не останется. Три-четыре года? А из прошлого своего посещения России, в конце 1929 г. тот же немец вынес впечатление, что «царствию» сталинизма не будет конца. Словом ждать»[1].

Сопоставляя рассуждения Н. Валентинова с тем, что говорили участники не только меньшевистского процесса 1931 г., но и показывали на допросах арестованные по делу так называемой Трудовой крестьянской партии, нетрудно установить то основное, что их роднило — ставку на постепенное изживание сталинско-большевистского режима с использованием правого уклона ВКП(б) в качестве силы, которая призвана была сыграть при этом решительную роль.

Родство это не случайно. У него одна и та же социально-экономическая почва, одинаковые исторические корни. Почвой для него являлось недовольство старой отечественной научной и служилой в советских и хозяйственных органах государственного управления интеллигенции курсом Сталина и его окружения на отказ от нэпа и осуществление форсированной модернизации народного хозяйства страны, а исторические корни уходили в непрекращающиеся с момента захвата большевиками власти поиски ею соответствующих форм своей организации, разработку программных установок и тактики, рассчитанной главным образом на эволюционный перевод страны на рельсы либерально-демократического развития.

Хотя корреспондент представляет все, что здесь воспроизведено, как результат своих собственных раздумий, он не скрывает того, что к мысли о целесообразности и необходимости в борьбе со Сталиным и его окружением опереться на правое крыло правящей партии он пришел, «будучи еще там», в СССР. Едва ли ошибемся, если добавим, что так думал не один Валентинов, так или почти так размышляли его

---

[1] ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 113. Л. 13.

друзья и коллеги по тем нелегальным «заседаниям», что упоминались в первом письме к Кусковой. Фигуру умолчания по данному вопросу он избрал, очевидно из предосторожности: информацию подобного рода надлежало передавать устно, пользуясь надежной оказией.

Параллельно с внутрироссийскими антибольшевистскими группировками интеллигенции аналогичную стратегию и тактику определили для себя либерально-демократические круги заграничной российской диаспоры во главе с П. Н. Милюковым, Б. А. Бахметьевым, Б. Д. Бруцкусом, семьей С. Н. Прокаповича-Кусковой и др.

Перекрестный анализ следственных материалов по делу так называемого Союзного бюро РСДРП и той информации, которая содержится в письмах Н. Валентинова по данному вопросу, убеждает в том, что среди активных идейных противников сталинско-большевистского режима в конце 20-х — начале 30-х годов наблюдался процесс организационного сплочения бывших меньшевиков и близких к ним бундовцев, внефракционных социал-демократов, социалистов-сионистов и т.п. Одновременно восстанавливались их связи с Заграничной делегацией РСДРП и намечались контакты с другими оппозиционными группировками внутри СССР, тоже постепенно оформлявшимися в партийно-политические объединения — Промпартию и ТКП.

Беспристрастный критический разбор документального материала, который собран в двухтомнике «Меньшевистский процесс 1931 года», в опубликованных протоколах допросов Б. О. Богданова[1], Н. Д. Кондратьева, А. В. Чаянова, Н. В. Некрасова[2] и др., а также в позднейших авторитетных свидетельствах участников названных объединений — Н. Ясного[3] и Г. Малахова[4], хочется надеяться, будет все же осуществлен. Это, в свою очередь, приблизит нас к постижению исторической правды во всей ее многогранности и противоречивости.

---

[1] Богданова Н. Б. Мой отец — меньшевик. СПб., 1994. С. 133, 144—145, 233—236.

[2] Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов // Вопр. истории. 1998. № 11—12. С. 14—42.

[3] Jasny N. Soviet Economists of the twenties names to be remembered. Cambridge. 1972. P. 175.

[4] Малахов Г. Была такая партия! // Важская область. 1992. № 5. С. 18—20.

Е. В. Калинина

Ставропольский государственный университет

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОСЛЕВОЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ПОПЫТКА АНАЛИЗА

Послевоенный период, уже получивший достаточно ёмкую характеристику в современной литературе как апогей режима личной власти Сталина,[1] является важным как в истории нашей страны, так и мировой. И не только в силу того, что в его рамках берет свое начало «холодная война», положившая отсчет длительному периоду конфронтации стран с различными политическими режимами и определившая на многие десятилетия политический климат в Европе и мире. Этот период вызывает интерес и потому, что страна, развивавшаяся на протяжении многих лет практически изолированно от общемирового интеграционного процесса, победившая, несмотря на катастрофичность первых месяцев войны, фашизм, отстоявшая свою независимость, вновь вернулась к состоянию «закрытого общества».

Процессы, проходившие в рамках 1945—1953 гг., в свое время получили отражение в официальной историографии, ушедшей в прошлое как в силу своей конъюнктурности, подверженности сталинскому догматизму, так и научной несостоятельности, так как абсолютное большинство исследований, поставленных в определенные рамки официальной идеологии, опирались на достаточно ограниченный, к тому же жестко отфильтрованный круг источников. В 90-е годы началось формирование новой историографии, в том числе и послевоенного периода.

Идеологический плюрализм, ставший едва ли не единственным результатом уходящей в прошлое так называемой политики «перестройки», позволяет сформировать новое представление и дать принципиально отличающиеся от прежних оценки отдельным этапам развития нашего государства. Данный вывод относится и к послевоенным годам, когда, по мнению некоторых исследователей, наше общество обрело потенциальную возможность выбора пути своего развития. На сам факт возможности выбора как важного следствия победы указывает и Е. Зубкова, рассматривая его,

правда, в иной плоскости — вариативности поступков и ценности личного выбора.[2] Заметным явлением стали ее же работы «Общество и реформы. 1945—1964» и «Послевоенное советское общество: политика и повседневность»[3]. Проблема выбора, упущенных альтернатив, нереализованных потенций привела к оживленной дискуссии в историко-партийной печати во второй половине 80-х — начале 90-х гг.

Самостоятельными направлениями складывающейся историографии послевоенных лет являются, во-первых, анализ системы социализма в целом, изучение конструкции власти того периода, никому не подконтрольной, отстраненной и от общества в целом, и от большинства лиц в правящей партии, а, во-вторых, — исследование расстановки политических сил в обществе, природы политических конфликтов и форм их проявления, а также борьбы за власть внутри советского руководства в рассматриваемый период. В русле первого направления вышли работы Ю. Аксенова, Н. Барсукова, Е. Зубковой, А. Борщенкова, Н. Маслова, Д. Волкогонова, И. Яковенко, В. Журавлева.[4] В рамках второго (впрочем, тесно переплетающегося с первым) — статьи и монографии Ю. Жукова и Р. Пихоя.[5] Анализируя основные особенности государственной системы СССР, в том числе политическую ее организованность, отсутствие органического разделения классов и сословий по формам собственности вследствие существования одной — государственной по сути — формы собственности, Р. Пихоя отмечает, что, несмотря на однородность советского общества, казалось, полностью исключавшую возможность политической борьбы, эта борьба тем не менее была непрерывной в течение всей истории СССР.

Борьба за власть в руководстве страны, развернувшаяся в последние годы жизни Сталина, шла на фоне усложнявшегося экономического положения страны. В современной литературе, исследующей проблемы послевоенного экономического развития советского государства, можно выделить несколько основных направлений. Прежде всего, это работы, в которых анализируется в целом экономическая политика советского руководства после окончания Великой Отечественной войны, механизм выработки её основных составляющих. К такого рода исследованиям следует отнести работы ряда авторов.[6] В них исследуется провозглашенная Сталиным программа преимущественного развития тяжелой промышленности, которая должна была реализовываться в течение

трёх пятилеток, делается вывод о партийном контроле над устойчивостью социально-политической системы, армией, экономикой, подчеркивается основная мысль о том, что непропорционально ускоренное развитие тяжелой промышленности оставалось главным принципом экономической политики и в послевоенные годы. Особое место в этом направлении занимают работы, посвященные развитию военно-промышленного комплекса (ВПК), понимаемого как своего рода «суперструктура внутри советского общества» и возникшего, с одной стороны, в результате сращивания партийной, военной, государственной и хозяйственной бюрократии, с другой — в ходе создания разветвленной военно-промышленной инфраструктуры по всей стране.

Второе не менее важное направление изучения послевоенного экономического развития страны представлено работами, посвященными исследованию сельского хозяйства, которое оставалось слабым звеном экономики. Анализу положения крестьянства в колхозах, изменению в его материальном и культурном уровнях, сложным взаимоотношениям государства и крестьянства посвящены работы А. В. Власова, О. М. Вербицкой и В. П. Попова.[7] Авторы справедливо отмечают усиление в послевоенный период государственного вмешательства в дела колхозов постоянными требованиями беспрекословного выполнения многочисленных распоряжений, инструкций, постановлений партийных, советских и сельскохозяйственных органов. Подчинение и зависимость сковывали хозяйственную инициативу колхозников, обрекали их на несамостоятельность.

Третье направление историографии послевоенной экономики составляют работы, раскрывающие почти не исследованную до начала 90-х гг. тему голода 1946—1947 гг.[8] Проанализировав продовольственную ситуацию, сложившуюся в 1946 г., авторы пришли к выводу о том, что собрав, несмотря на засуху, достаточное количество хлеба для обеспечения населения, правительство израсходовало на помощь голодающим не более половины резерва, не трогая запасов, и, таким образом, сознательно пошло на голод.

Важное место в формирующейся историографии послевоенных лет занимают исследования, связанные с разработкой таких проблем, как политический террор, репрессии послевоенных лет и депортация народов. В них анализируются причины, масштабы, последствия политических репрессий и

процессов, методы поиска врагов, влияние личности вождя на политическую жизнь.[9]

Целый ряд работ был посвящен изучению политико-идеологических кампаний, проводившихся с целью восстановления тотального контроля за интеллигенцией и интеллектуальной жизнью в стране в целом. Наряду с антиформалистской широко проводилась кампания против космополитизма, приобретавшего постепенно всё более антисемитский характер.[10]

Достаточно сформировавшимся направлением послевоенной историографии является исследование проблемы политико-идеологического террора и диктата партийно-бюрократической верхушки и лично Сталина в области образования, науки и культуры. Целью этого террора, принимавшего форму дискуссий и идеологических кампаний, являлось, с одной стороны, преодоление последствий военного «либерализма», с другой — превращение советской культуры в «придаток политики». Концепцию партийности фактически заменила концепция «государственности» литературы. Идеологические кампании последовательно охватывали литературу, философию, языкознание, историю, естествознание, экономические науки, кинематографию, музыку, живопись, архитектуру.

Появление новых концептуальных подходов и оценок послевоенного времени, расширение источниковой базы позволили в новой плоскости поставить вопрос о советских лидерах и о проблеме политического лидерства в целом. Этой теме посвящены как научные и научно-публицистические публикации, так и обширная мемуарная литература.

Таким образом, современное теоретическое осмысление послевоенного периода позволяет глубже, отчетливее, объективнее представить основные процессы, происходившие в тот период в советском обществе, в том числе такие, как организация государственного управления общественной жизнью страны, ее внутренней и внешней политикой, народным хозяйством, экономическое, демографическое и культурное содержание советского социума и тенденции его развития, попытки преодоления исторической и политической традиции послевоенного тоталитаризма и другие.

Примечания

1. См., напр.: Аксенов Ю. С. Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11; Сивохина Т. А. Зезина М. Р. Апогей режима личной власти. «Оттепель». Поворот к неосталинизму. М., 1993; Советское общество: возникновение, развитие исторический финал: В 2 т. Т. 2: Апогей и крах сталинизма / Под общ. ред. Ю. А. Афанасьева. М., 1997; Советская историография / Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 152, 318.

2. Зубкова Е. Ю. Общественная атмосфера после войны (1945—1946) // Свободная мысль. 1992. № 6; Ее же. Общественная атмосфера после войны (1948—1952) // Свободная мысль. 1992. № 9.

3. Зубкова Е. Ю. Общество и реформы. 1945—1964. М., 1993. См. также: Ее же. После войны: Маленков, Хрущев и оттепель. М., 1991. Ее же. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. М., 2000.

4. Аксенов Ю. С. Указ. соч.; Его же. Путь к коммунизму: утопии и реалии // Вопросы истории КПСС. 1990. № 7; Барсуков Н. Ю. На переломе. Советское общество в послевоенное десятилетие // Свободная мысль. 1994. № 6; Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность; Борзенков А. П. Интеллигенция и сталинизм в послевоенные годы (1946—1953). М., 1993; Маслов Н. Идеология сталинизма: история утверждения и сущность (1929—1956). М., 1990; Волкогонов Д. Сталинизм: сущность, генезис, эволюция // Вопросы истории. 1990. № 3; Яковенко И. Сталинизм: границы явления // Свободная мысль. 1993. № 3; Журавлев В. В. Сталинская модель: взгляд сквозь годы // Кентавр. 1992. № 11—12.

5. Жуков Ю. Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945—1952 гг. // Вопросы истории. 1995. № 1; Пихоя Р. Г. О внутриполитической борьбе внутри советского руководства. 1945—1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6; Его же. Советский Союз: история власти. 1945—1991. М., 1998; См. также: Политбюро, оргбюро, Секретариат ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. М., 1990; 1951-ый: ЦК ВКП(б) и МГБ // Свободная мысль. 1996. № 1.

6. Орлов А. С. СССР в годы послевоенного восстановления и развития народного хозяйства (1945—1950). М., 1987; Зобов М. Конверсия-45 // Народный депутат. 1992. № 2; Джибути М. К. К политико-экономической дискуссии 1951 г. // Экономические науки. 1989. № 8; Опенкин А. И. И. В. Сталин: последний прогноз будущего (Из истории написания работы «Экономические проблемы социализма в СССР») // Вопросы истории КПСС. 1991. № 7; Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал.

7. Власов А. В. Социально-демографические характеристики советской послевоенной деревни. М., 1991; Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992; Попов В. П. Крестьянство и государство (1945—1953). М., 1992.

8. Зима В. Ф. Голод в России 1946—1947 годов // Отечественная история. 1993. № 1; Его же. Голод в СССР 1946—1947 гг.: происхождения и последствия. М., 1996; Волков И. М. Засуха, голод 1946—1947 годов // История СССР. 1991. № 4; Попов В. П. Голод и государственная политика (1946—1947 гг.) // Отечественная история. 1992. № 6; Туря Л., Туря В. Книга о голоде. Кишинев, 1991.

9. Демидов В., Кутузов В. «Ленинградское дело». Л., 1990; Косенко И. Н. Тайна «авиационного дела» // Военно-исторический журнал. 1994. № 6—8; Реабилитация: политические процессы 30—50-х гг. / Под. ред. А. Н. Яковлева. М., 1991 и др.

10. Аксенов Ю. С. Послевоенный сталинизм: удар по интеллигенции // Кентавр. 1991. № 10/12; Борзенков А. Г. Интеллигенция и сталинизм в послевоенные годы (1946—1952). М., 1993; Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в последнее сталинское десятилетие. Документированное исследование. М., 1994; Люкс Л. Еврейские вопросы в политике Сталина // Вопросы истории. 1999. № 7.

И. В. Логунова

Липецкий государственный технический университет

СОВРЕМЕННАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1990-Х ГОДОВ

Исследование современной аграрной реформы уже нашло освещение в научной литературе 1990-х гг. Данной проблематикой занимаются ученые различных отраслей науки: историки, экономисты, правоведы, социологи. В своих работах они затрагивают разные вопросы реформирования агропромышленного комплекса, особенно такие, как появление новых форм собственности на землю и форм хозяйствования на селе, зарождение фермерского уклада в деревне. Ими высказываются различные точки зрения о ходе и значении аграрных преобразований, состоянии аграрного сектора экономики страны.

В научной литературе конца 1980-х — начала 1990-х гг. тезис о необходимости проведения аграрной реформы никем не ставился под сомнение. В научных трудах этого периода были четко обозначены проблемы денационализации, разгосударствления и приватизации сельскохозяйственных предприятий[1].

Пожалуй, одним из самых дискуссионных вопросов, связанных с аграрным реформированием 1990-х гг., стал вопрос о формах собственности на землю. Мнения исследователей по данной проблеме разделились на три группы. Первую группу составляют сторонники частной собственности, считающие, что необходимо установить полную частную собственность на землю. В их числе: С. С. Алексеев, И. Н. Буздалов, Н. А. Волкова, Е. В. Пономаренко, Г. Х. Попов, Б. М. Рабинович, В. Я. Узун, А. Е. Черноморец[2].

---

[1] Беляева З. С. Правовые проблемы «разгосударствления» колхозов // Советское государство и право. 1991. № 8; Буздалов И. Н. Аграрная реформа и рынок // Вестник Российской Академии сельскохозяйственных наук. 1992. № 1; Веденин Н. Н. Приватизация и реорганизация предприятий АПК (правовые аспекты) // Государство и право. 1993. № 4; Демьяненко В. Н. Правовые проблемы «разгосударствления» колхозов // Государство и право. 1992. № 12; Емельянов А. М. Аграрный сектор на пути к рынку // Вопросы экономики. 1991. № 6.

[2] Алексеев С. С. Собственность: мифы и откровения // Российская

Вторая группа включает исследователей, выступающих против частной собственности на землю. К ним относятся Н. Н. Веденин, Н. И. Краснов, А. П. Кузнецова, В. В. Петров, М. В. Спирина, Г. С. Широкалова[1]. Одной из причин неприятия этими исследователями полной частной собственности является их опасение, что это неизбежно приведет к концентрации земли в руках определенных слоев населения и спекуляции ею. Введение купли-продажи земли, по их мнению, станет причиной развала сельского хозяйства и экономики в целом и усиления социального неравенства.

В отличие от представителей первых двух групп, стоящих на диаметрально противоположных позициях, исследователи, составляющие третью группу, придерживаются более умеренных взглядов и выступают за сосуществование различных форм собственности на землю. В их числе: А. Булатов, И. Мацкуляк, В. В. Милосердов, Н. Н. Осокин, К. И. Панкова[2]. Позиция, занимаемая вышеназванными учеными, представляется наиболее верной. Не отрицая преимуществ и достоинств частной земельной собственности, они, однако, считают, что в современных условиях эти достоинства труд-

---

газета. 1992. 24 сентября; Буздалов И. Н. Собственность и рынок // АПК: экономика, управление. 1993. № 1; Круглый стол: «Проблемы развития законодательства о земле в РФ» // Государство и право. 1993. № 8, № 9; Земельная реформа в России: негативные последствия и возможности для устойчивого развития / Пономаренко Е. В. и др. М., 1996; Попов Г. Х. Экономическая реформа на перевале // Правда. 1989. 6 ноября; Рабинович Б. М. Земельное законодательство и земельная реформа // Вопросы экономики. 1993. № 10; Узун В. Я. Выход из аграрного кризиса // Литературная газета. 1990. 7 февраля; Черноморец А. Е. Становление и развитие частной собственности в сельском хозяйстве // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 1994. № 1.

[1] Круглый стол: «Проблемы развития законодательства о земле в РФ» // Государство и право. 1993. № 8, 9.

[2] Булатов А., Мацкуляк И. Необходимо многообразие, а не новое единообразие хозяйственных форм // Российский экономический журнал. 1992. № 9; Милосердов В. В. Российская модель и зарубежный опыт земельных реформ // Международный сельскохозяйственный журнал. 1995. № 2; Осокин Н. Н. Зарубежная модель организации сельского хозяйства // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 1992 № 5; Панкова К. И. Собственность: формы, отношения, уклады (обоснование версии) // Международный сельскохозяйственный журнал. 1996. № 2.

нореализуемы. Поэтому единственный приемлемый выход видится им в «плюрализме форм собственности на землю».

Еще одним камнем преткновения в изучении хода и результатов аграрной реформы 1990-х гг. стало отношение исследователей к реорганизации колхозов и совхозов. Их позиции по данному вопросу также разделились. Одни авторы отмечали положительное значение и влияние реорганизации (Ч. Х. Ионов, В. П. Радченко, В. Я. Узун[1]), считая ее одним из главных направлений перехода к рациональному землепользованию. Другие (А. Ф. Зырянов, А. В. Петриков, Е. В. Серова, Е. В. Худякова[2]), наоборот, акцентировали внимание на том, что «роль и значение институциональных преобразований в структурной перестройке на селе преувеличены»[3]; реорганизация колхозов и совхозов не принесла ожидаемых результатов и во многом была проведена формально. Причины этого им видятся в том, что преобразования сводились в основном к изменению отношений собственности и форм хозяйствования, а не к поиску резервов и путей увеличения производства продукции, повышения рентабельности и улучшения социально-бытовых условий тружеников села.

Приверженность исследователей той или другой точке зрения по данному вопросу можно объяснить следующим: те авторы, которые положительно характеризуют процесс реорганизации коллективных сельскохозяйственных предпри-

---

[1] Ионов Ч. Х. Многоукладность экономики и формы собственности на землю // Формирование и эффективность новых организационных структур в АПК. Ставрополь, 1993. С. 12; Радченко В. П. Земельная реформа и реорганизация коллективных предприятий в сельском хозяйстве. СПб., 1995. С. 5—6; Социально-экономические последствия приватизации и реорганизации сельскохозяйственных предприятий / Под ред. В. Я. Узуна. М., 1997. С. 96.

[2] Зырянов А. Ф. Крестьянское хозяйство в России в условиях перехода к рыночным отношениям (сер. 1980-х — 1995 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995; Петриков А. В. Специфика сельского хозяйства и современная аграрная реформа в России. М., 1995; Серова Е. В. Экономическое содержание аграрной реформы в России: 1992—1995 гг. // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник. М., 1996; Худякова Е. В. Развитие внутрихозяйственных организационно-экономических отношений и форм собственности в акционерных и кооперативных сельскохозяйственных предприятиях // Экономика, организация АПК в современных условиях Сб. науч. тр. М., 1996.

[3] Худякова Е. В. Указ соч. С. 30.

ятий, чаще всего выступают за индивидуальные формы ведения хозяйства. И наоборот, авторы, дающие негативную оценку реорганизации, как правило, являются сторонниками крупного сельскохозяйственного производства. При этом их доводы взаимоисключают друг друга. С учетом дискуссионности данного вопроса особого внимания заслуживают работы исследователей, выступающих за установление многоукладности и равноправия всех форм собственности и хозяйствования в аграрном секторе экономики. Авторы этих работ справедливо подчеркивают, что выход страны из аграрного кризиса и решение продовольственной проблемы в России основываются на путях развития разнообразных форм хозяйствования на селе и зависят от объединения усилий различных производителей сельскохозяйственной продукции[1]. Их позиция опирается на воззрения А. В. Чаянова, который еще в 20-е гг. XX в. отмечал беспредметность спора о преимуществах крупного или мелкого производства: «крупное имеет бесспорные преимущества, но не до бесконечности». Поэтому, как считал А. В. Чаянов, надо находить оптимум[2].

Благодаря своей актуальности широкое освещение в трудах Ю. С. Баландина, О. Белокрыловой, М. И. Козыря, С. А. Никольского, В. В. Устюковой, Г. В. Чубукова получила проблема зарождения и развития фермерского уклада[3]. Из

---

[1] Милосердов В. В. Указ. соч.; Никонов А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII — XX вв.). М., 1995; Осокин Н. Н. Указ. соч.; Шутьков А. А. Аграрная политика на пути к рынку // АПК: экономика, управление. 1992. № 8; Проблемы развития АПК // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 1994. № 5.

[2] Чаянов А. В. Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. М., 1928. С. 13.

[3] Козырь М. И. Государственная поддержка сельского хозяйства. Специфика государственной поддержки крестьянских (фермерских) хозяйств // Предпринимательская деятельность в сельском хозяйстве России. Правовые вопросы. М., 1998; Никольский С. А. «Аграрная реформа» 1991—1995 гг. и проблема модернизации российской деревни // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник. М., 1996; Устюкова В. В. Формирование правового статуса крестьянского (фермерского) хозяйства // Реформирование сельскохозяйственных предприятий: правовые проблемы. Сб. науч. тр. М., 1996; Ее же. Гражданско-правовое регулирование создания крестьянских (фермерских) хозяйств как субъектов предпринимательской деятельности // Предпри-

числа историков повышенный интерес к изучению крестьянского хозяйства в условиях перехода к рыночным отношениям проявил А. Ф. Зырянов. В своих работах, посвященных данной проблематике, он попытался выявить основные тенденции и противоречия развития крестьянских и фермерских хозяйств (автор разделяет эти понятия) в процессе аграрной реформы, перехода на рыночные отношения, без знания которых невозможны оптимизация условий реформирования деревни и поиск путей преодоления кризисных явлений[1].

В 1990-е гг. в связи с проводимой аграрной реформой многие исследователи стали проявлять повышенный интерес к вопросам развития новых форм хозяйствования и производственных отношений в агропромышленном комплексе. Более детально эти вопросы были рассмотрены в работах З. С. Беляевой, Е. Н. Борисенко, М. А. Брыткова, Н. Ю. Ермаковой, М. И. Козыря, Л. Ю. Питерской, Н. А. Светлаковой, В. В. Устюковой, И. М. Четвертакова[2]. При этом одни

нимательская деятельность в сельском хозяйстве России. Правовые вопросы. М., 1998; Чубуков Г. В. Коллективный, семейный, личный и арендный подряд в сельском хозяйстве: правовые аспекты. М., 1993.

[1]Зырянов А. Ф. Формирование экономического мышления сельских тружеников. М., 1990; Его же. Фермерство: условия, противоречия, актуальные проблемы развития. Краснодар, 1994; Его же. Тенденции развития крестьянских хозяйств России. Краснодар, 1995.

[2]Беляева З. С. Организационно-правовые формы реорганизации колхозов // Сельскохозяйственная кооперация и право. М., 1993; Ее же. Аграрная реформа и изменение организационно-правовых форм сельскохозяйственных предприятий // Реформирование сельскохозяйственных предприятий: правовые проблемы. М., 1996; Борисенко Е. Н. Продовольственная безопасность России: проблемы и перспективы. М., 1997; Брытков М. А. Новые формы хозяйствования при рыночных отношениях в аграрном секторе экономики. Киров, 1997; Ермакова Н. Ю., Питерская Л. Ю. Проблемы реорганизации и функционирования крупных сельскохозяйственных предприятий // Формирование и эффективность новых организационных структур в АПК. Ставрополь, 1993; Козырь М. И. Актуальные правовые проблемы развития сельскохозяйственных кооперативов в условиях проведения аграрной реформы // Сельскохозяйственная кооперация и право. М., 1993; Светлакова Н. А. Проблемы развития организационных форм хозяйствования в аграрном секторе экономики. Пермь, 1993; Устюкова В. В. Правовое положение фермерских кооперативов и ассоциаций крестьянских хозяйств в России // Сельскохозяйственная кооперация и право. М., 1993; Четвертаков И. М. Совершенствование форм хозяйствования в аграрном производ-

из них в качестве наиболее эффективной организационно-правовой формы сельхозпредприятий называют акционерное общество, другие — сельскохозяйственный производственный кооператив, третьи — ассоциацию крестьянских хозяйств. Но, как правильно отметил И. М. Четвертаков, «делать заключение о превосходстве той или иной формы хозяйствования очень сложно и рискованно».

Существенной особенностью научной литературы 1990-х годов стало углубление теоретических поисков. В этой связи особый интерес представляет работа теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», проводимого институтом Российской истории РАН и Междисциплинарным академическим центром социальных наук с 1992 г. по 1998 г. в журнале «Отечественная история». На заседаниях этого семинара обсуждались теоретические и методологические проблемы аграрно-исторической науки[1]. Вопросы современного аграрного развития России также неоднократно поднимались на заседаниях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. О возрастании интереса ученых к теоретическим исследованиям в области аграрной истории в 1990-е годы свидетельствует и появление работ, прослеживающих развитие аграрных отношений на длительном историческим этапе. С этой точки зрения несомненный интерес представляют труды В. Л. Берсенева, В. П. Данилова, А. А. Никонова, в которых немало внимания уделяется анализу целей, принципов и процессов современной аграрной реформы[2].

Наряду с работами, носящими общероссийский характер, в 1990-е годы также появились исследования, целью которых стало изучение особенностей реализации основных положений аграрной политики правительства России в от-

---

стве // Развитие форм хозяйствования в АПК в условиях рыночных отношений. М., 1993.

[1] См.: Отечественная история. 1992. № 5; 1993. № 2, № 6; 1994. № 2, № 4—5; 1995. № 3, № 4, № 6; 1996. № 4; 1997. № 2; 1998. № 1, № 6.

[2] Берсенев В. Л. Исторические особенности реформирования аграрных отношений в России. Екатеринбург, 1994; Данилов В. П. Аграрная реформа и крестьянство в России (1861—1994 гг.) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. М., 1995; Никонов А. А. Указ. соч.

дельных регионах страны[1]. Что касается Центрального Черноземья, то монографические исследования, посвященные изучению сельского хозяйства региона в период перехода к рыночным отношениям, в настоящее время отсутствуют. Вопросы, связанные с ходом и последствиями аграрных преобразований в регионе, рассматриваются, главным образом, в научных и научно-публицистических статьях. Это работы В. Булыгина, В. Ржевского и А. Тимофеевой — по Белгородской области; В. Постолова и И. Хицкова — по Воронежской области; С. Лаптева, И. Нарижного и О. Юдина — по Липецкой области; И. Шаляпиной — по Тамбовской области[2], которые позволяют проследить особенности реформирования сельского хозяйства каждой из исследуемых областей.

Таким образом, в 1990-е годы имел место повышенный интерес многих ученых к вопросам, связанным с аграрным реформированием и развитием сельского хозяйства России в условиях перехода к рыночным отношениям. Исследовались проблемы становления многоукладной сельской экономики,

---

[1]Зырянов А. Ф. Фермерство: условия, противоречия, актуальные проблемы развития. Краснодар, 1994; Его же. Тенденции развития крестьянских хозяйств России. Краснодар, 1995; Панкова К. И. Земельная реформа и преобразования в сельском хозяйстве (процессы и некоторые итоги). М., 1993; Широкалова Г. С. Аграрная реформа 1990—1993 гг. в России. Н. Новгород, 1993; Строев Е. С. Методология и практика аграрного реформирования. М., 1994; Светлакова Н. А. Указ. соч.

[2]Булыгин В. Крестьянские (фермерские) хозяйства Белгородчины // Экономика сельского хозяйства России. 1996. № 7; Ржевский В. Становление новых форм хозяйствования // Экономика сельского хозяйства России. 1995. № 1; Тимофеева А. Фермерские хозяйства и их перспективы // Экономика сельского хозяйства России. 1995. № 9; Постолов В. Земельная реформа: плюсы и минусы // Экономика сельского хозяйства России. 1995. № 2; Хицков И. Ф. Реформа и рынок // Экономика сельского хозяйства России. 1994. № 6; Лаптев С. Проблемы углубления реформ в региональном АПК // АПК: экономика, управление. 1997. № 2; Нарижный И. Сочетание общественного и личного в условиях перехода к рынку // АПК: экономика, управление. 1992. № 1; Юдин О. Решение социально-экономических проблем в процессе реформирования АПК // Социально ориентированная рыночная экономика: теория, практика, проблемы. Липецк, 1998; Шаляпина И. Аграрная реформа в Тамбовской области // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 1994. № 6; Ее же. Совершенствование организационно-экономических форм хозяйствования // Экономика сельского хозяйства России. 1995. № 4.

реформирования общественного сельскохозяйственного производства, образования и развития новых форм хозяйствования на селе. Однако спектр формирования многоукладной экономики с позиции региональной специфики остался недостаточно изученным. Практически незатронутым оказался и вопрос о характере влияния аграрных преобразований на состояние социальной сферы села. В литературе 1990-х гг. также отсутствуют исследования, содержащие всестороннюю характеристику основных направлений аграрной политики России в рассматриваемый период и анализ состояния сельского хозяйства страны в 1990-е гг.

А. К. Муктар, С. С. Исмаилов

Кустанайский государственный университет, Казахстан

КАЗАХСКАЯ ИРРЕДЕНТА И ДИАСПОРА В XX ВЕКЕ: ИСТОРИКО-ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В истории казахского народа, как и в истории других народов, было немало трагических событий, но, наверно, самым трагическим отрезком времени был XX век. В XX веке казахи пережили такие исторические события, как восстание 1916 года, революцию 1917 года, гражданскую войну, голод 1920-х и 1930-х годов, «Малый Октябрь» Голощекина и коллективизацию, в результате которой численность народа сократилась почти на 50%, Великую Отечественную войну, репрессии 1930-х годов, когда лучшие представители казахского народа были расстреляны или томились в лагерях ГУЛАГа.

Но самый трагический момент в истории любого народа — это разделение его на части. Казахский народ пережил и до сих пор переживает эту трагедию, так как за пределами территории Казахстана проживают около 4 млн. 500 тыс. казахов. Они проживают в 14 государствах бывшего СССР и 25 странах мира.

Всех их можно разделить на две части: по таким теоретическим определениям, как ирредента и диаспора.

«Диаспора» — слово греческого происхождения, означающее «рассеяние» и определявшее совокупность древних евреев, расселившихся вне Палестины со времен Вавилонского плена в 586 году до н.э., вследствие насильственного переселения их в Вавилонию после взятия Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором II. В современной политической науке понятие «диаспора» характеризует этническую группу, проживающую в новых условиях, часто в нетрадиционной среде обитания. Многие народы мира имеют диаспоры, например, украинская — в Канаде, русская — в Западной Европе и США, китайская — в США, странах Европы и Азии, немецкая — в России, Казахстане и других странах, еврейская — во многих странах мира и т.д.

Казахская диаспора не относится к многочисленным, ее численность не превышает 800 тыс. человек. Формирование казахской диаспоры проходило по ряду политических и эко-

номических причин. Политические причины: казахско-джунгарские войны XVIII века, национально-освободительное движение против царизма в 1916 году, проведение геноцида по отношению к казахам в период коллективизации, события в Синьцзяне (КНР) и вторая мировая война. Экономические причины: разрушение традиционной кочевой системы хозяйствования в Казахстане после присоединения к России и в советский период во время коллективизации, проведение столыпинской аграрной политики в Казахстане в царский период, трудовая миграция в страны Западной Европы и Америки в 1960—90-х годах, нестабильность в экономике современного Казахстана.

Что касается другой части казахов, проживающих в приграничных или соседних областях России, а также в Китае, Узбекистане, то их мы относим к ирреденте. Под термином «ирредента, или невоссоединенные нации», в современной политической науке подразумевают этнические меньшинства, населяющие территорию, смежную с государством, где доминируют их соотечественники, а если проще, то это часть народа, проживающая на своей исторической родине, земле, но за пределами своей страны. За пределами своей страны невоссоединенные нации оказались вследствие войн, аннексий, спорных границ или комплекса колониальных моделей.

Казахская ирредента в России была создана на протяжении веков колониальными захватами и присоединением исконных казахских территорий Российской империей, начиная с XVI века, со времен захвата Сибирского ханства Ермаком, а также отторжением территории вдоль северной границы Западного, Северного и Восточного Казахстана в пользу РСФСР в 1924 году, во время национально-государственного размежевания Средней Азии. Казахская ирредента в Китае была создана на протяжении XVI—XX веков в ходе ойратско-казахских войн, территориальных захватов Российской империи в Казахстане, приведших к китайско-русскому территориально-государственному разграничению в Центральной Азии, вследствие которых казахи потеряли значительную часть своих территорий на северо-востоке, юге, юго-востоке, востоке. Казахская ирредента в Узбекистане была создана вследствие проводимого национально-государственного размежевания в Средней Азии в 1924 году и из-за неправомерного отторжения казахских земель в пользу Узбекской ССР в 1950-х годах.

Ни о каких территориальных претензиях Казахстана к сопредельным государствам не может быть и речи, так как ни к чему хорошему это бы не привело из-за негативных крупномасштабных последствий, тем не менее не следует забывать историю своего и соседних народов.

Историографическое исследование проблемы формирования и развития казахской ирреденты, несмотря на актуальность и необходимость, в Казахстане началось в последнее десятилетие XX века. Проблемы изучения формирования и жизни диаспор являются актуальными в данное время не только для Казахстана, но и для России, так как в России и странах СНГ постоянно ставится вопрос о проблемах не только русскоязычного населения, но и других народов на самых различных уровнях, а также во время визитов лидеров стран СНГ, так как в Казахстане проживают представители более 100 национальностей. Эта проблема характерна для многих стран СНГ, но особенно остро она стоит в Российской Федерации, потому что русскоязычное население проживает во всех странах СНГ и некоторые республики и отдельные их граждане воспринимают их как завоевателей, не задумываясь о том, что русский народ не виноват, что стал заложником политики, которую проводили коммунистическая партия и советское правительство.

В советские годы было опасно заниматься изучением данного вопроса, а если освещались, то только некоторые аспекты и под идеологическим прессингом.

В истории изучения казахов в Китае нужно отметить монографию Г. В. Астафьева «Казахи Синьцзяна», посвященную исследованиям этноисторических проблем казахского населения в провинции Синьцзян[1]. Некоторые вопросы были освещены в нескольких статьях.

После развала СССР и обретения независимости Казахстаном работа в этом направлении была активизирована, и в 1994 году вышла монография К. Л, Сыроежкина «Казахи в КНР: очерки социально-экономического и культурного развития»[2]. Автор проанализировал социально-экономические и культурные изменения, произошедшие в среде казахов КНР вследствие проводимой по отношению к ним как к этническим меньшинствам политики КПК, четко и конкретно выявил положительные и негативные процессы и их последствия, при этом доказывая, «что речь идет об одной этнической общине, разделенной только линией государственной границы»[3].

В 1997 году выходит монография Г. М. Мендикуловой «Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие»[4]. В монографии автор исследует вопросы исторического процесса возникновения и формирования, а также современное состояние казахской диаспоры. Это первая в казахстанской историографии попытка комплексного изучения проблемы части казахского народа, проживающего за пределами территории суверенного Казахстана. Книга была написана на основе документальных источников, собранных в библиотеках и архивах Казахстана, России, Европы и США, а также личных встреч автора с представителями казахской диаспоры и ирреденты, проживающими в различных странах мира.

Что касается изучения казахской ирреденты, проживающей в России, то в этом направлении освещение проблем получило более широкий размах. Как в самом Казахстане, так и в России освещались и освещаются различные стороны жизнедеятельности российских казахов. Из работ казахстанской историографии следует отметить труд Г. Д. Урастаевой[5]. В своей работе автор на материалах Астраханской области впервые сделала попытку изучить особенности национального образования казахов, проживающих в Российской Федерации.

В 1999 году вышла в свет монография другого казахстанского историка Ж. А. Ермекбаева,[6] посвященная истории казахов Российской Федерации советского периода. На основе документальных материалов раскрывается этническая история казахов, проживающих в основном вдоль российско-казахстанской границы. Автор прослеживает социально-экономическую и этнокультурную жизнедеятельность одного из крупных тюркоязычных этносов Евразийского пространства. Однако Ж. А. Ермекбаев в своем труде определяет российских казахов как диаспору. Позволю себе возразить ему, так как большинство проживающих в России казахов являются ирредентой, на что указывают некоторые исследователи. Например, Г. М. Мендикулова в своей статье «Казахская ирредента в России (история и современность)»[7]. Также известный оренбургский краевед С. А. Попов утверждал, что «...за исключением казахов и башкир, остальное многонациональное население края (Оренбургского края — *А. М., С. И.*) является, как установлено оренбургскими историками, пришлым»[8].

В 90-х годах XX века выходит большое количество статей и публикаций оренбургских историков, в которых освещаются разные стороны жизнедеятельности казахов Южного Урала. Среди них выделяются работы В. В. Амелина, С. Н. Жутаева, Л. И. Футорянского, А. В. Фёдоровой, Л. С. и Т. С. Паниных, Г. М. Ралдыгиной, Ю. С. Зобова и др. В них рассматриваются проблемы казахских школ, периодической печати, киргизского (казахского — *А. М., С. И.*) института народного образования, Оренбурга — как первой столицы Казахстана, участие казахов Южного Урала в Великой Отечественной войне и др.

В настоящее время в Оренбурге создан научно-исследовательский центр истории народов Южного Урала, директором которого является доктор исторических наук, профессор А. В. Фёдорова. Проводятся научно-практические конференции, посвященные народам, проживающим в Оренбуржье: русским, татарам, казахам, украинцам, башкирам и т.д. Существуют Ассоциация казахов Оренбуржья и областное общество «Ак-Жаик», с 1991 года выходит областная казахская газета «Айкап». Проводятся национальные праздники, дни культуры. Это говорит о том, что казахи в России сохранили свою культуру, язык, обычаи, традиции. Многие мероприятия поддерживает и официальная власть, выделяя средства на их проведение.

Однако существует ряд проблем, которые мешают полноценному развитию казахов в России. В основном они имеют материальный характер. Следовало бы более расширить контакты между соседними областями Казахстана и России, постоянно проводить обмен специалистами в различных отраслях экономики, обмен студентами между вузами и другие проекты.

В Казахстане существует государственная программа поддержки казахской диаспоры, научно-практический центр по изучению современного положения казахов, проживающих за рубежом, и репатриантов при Всемирной Ассоциации казахов. Проблемы, существующие в настоящее время как у казахов в России, так и у русскоязычного населения в Казахстане можно решить, но решать их нужно вместе, совместными усилиями.

Примечания

1. Астафьев Г. В. Казахи Синьцзяна (этногенез, история, заселение, родоплеменной состав, положение в период русско-китайского разграничения и в 50-е годы XX века). М., 1971.

2. Сыроежкин К. Л. Казахи в КНР: очерки социально-экономического и культурного развития. Алматы, 1994.

3. Сыроежкин К. Л. Указ. соч. С. 7.

4. Мендикулова Г. М. Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. Алматы: Гылым, 1997.

5. Урастаева Г. Д. Национальное образование казахов в России. История и тенденция. (На материалах Астраханской области). Алматы, 1998.

6. Ермекбаев Ж. А. Российские казахи в составе РСФСР и СССР в 1917—1991 гг.: Монография. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999.

7. Мендикулова Г. М. Казахская ирредента в России (история и современность) // Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность. 1995. № 8. С. 70—79.

8. Дубинин А. Н. С. А. Попов — исследователь истории украинцев Оренбуржья // Духовная культура народов Южного Урала: Сб. ст. Оренбург, 1994. С. 241.

О. А. Смирнова

Оренбургское отделение
Челябинского юридического института МВД России

ПРОБЛЕМА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПОСТАНОВКЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В XX ВЕКЕ

Социально-экономическая проблематика является одной из ключевых в отечественной историографии. Со второй половины XIX в. ее изучение осуществлялось на методологических основах позитивизма, для которых характерно представление, что общество развивается согласно объективным законам, функционирование которых столь же неизбежно и самопроизвольно, как и естественных законов природы. В рамках господствовавшей исследовательской традиции не учитывалось, что хозяйственная деятельность — это прежде всего сфера культуры, а не природная стихия. Поэтому механическое перенесение в область экономики законов природы с их объективностью и беспристрастностью постепенно стало представляться делом исследовательски тупиковым. Применяемые подходы и методы в ходе анализа наблюдаемых явлений, а также общее понимание самого предмета исторического исследования позволяли установить основной вектор общественного развития, систематизировать и описывать собираемый эмпирический материал, но не приблизиться к постижению глубинной сути изучаемого. В 90-х годах XX в. отмеченное явление стало признанным и широко обсуждаемым в науке.

Задачей данной статьи является анализ новых подходов в осмыслении социально-экономической проблематики, которые наметились в отечественной историографии в истекшем столетии и представляются перспективными в качестве методологической основы будущих исследований.

Критика использования позитивистских методов в историко-экономических изысканиях своими истоками уходит в XIX столетие. Впервые со всей определенностью она прозвучала в трудах представителей немецкой исторической или историко-этической школы в политэкономии (Ф. Лист, В. Рошер, К. Книс, Л. Брентано, В. Зомбарт, М. Вебер и др.). Исследователи обращали внимание на высокую степень аб-

стракции позитивистских моделей экономического развития, в которых действовал «человек без веры, класса, национальности», движимый одним эгоизмом. Под экономикой они понимали не абстрактную категорию, а социальное явление, в котором человек рассматривался в качестве центрального субъекта познания.

В России на рубеже XIX—XX столетий одним из последовательных противников естественнонаучных подходов в осмыслении экономического развития был В. О. Ключевский. Историк писал: «Что такое историческая закономерность? Законы истории, прагматизм, связь причин и следствий — это все понятия, взятые из других порядков идей. Законы возможны только в науках физических, естественных. Основа их — причинность, категории необходимости. Явления человеческого общежития регулируются законом..., допускающим ход дела и так, и эдак, и по-третьему, т.е. случайно...» (5, с. 324). В связи с этим при изучении хозяйственной жизни он считал недопустимым руководствоваться методами, в основу которых положены законы математической логики, предостерегая исследователей от механического изучения экономических процессов. Он призывал их учитывать то, что экономика развивается не сама по себе, а благодаря деятельности человека, руководствующегося личными мотивами и нравственными установками, которые на поверхности не лежат, а должны быть вскрыты ученым.

Именно об этом он писал в своем отзыве на исследование Милюкова «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого». Критикуя молодого коллегу за механистичность исследовательского поиска в области хозяйственной истории, он подчеркивал: «Тщательную статистическую обработку собранного материала автор не всегда соединял с критическим разбором документов, из которых этот материал извлекался, не всегда принимал во внимание те условия, при которых составлялись иные встречающиеся в этих документах финансовые росписи и вычисления и благодаря которым этими росписями и вычислениями можно воспользоваться не столько для изучения государственного хозяйства того времени, сколько для характеристики приемов тогдашней статистики и бухгалтерии» (6, с. 181).

Логической индукции, как средству понимания природы, базирующейся на всеобщности и однообразной повторяемо-

сти явлений, Ключевский противопоставлял историческую индукцию в изучении общества, исследовательским методом которой, согласно его концепции, было «народнопсихологическое чутье». Он подчеркивал, что «история — процесс не логический, а народнопсихологический, и ... в нем основной предмет научного изучения — проявление сил и свойств человеческого духа, развиваемых общежитием...» (5, с. 325—326).

Таким образом, говоря о важности смены исследовательского метода, ученый, как к одной из актуальных, обращался к проблеме необходимости уточнения предмета исторического исследования. Он подчеркивал, что экономика функционирует не сама по себе, а благодаря деятельности человека. Поэтому основным и, по сути дела, единственным предметом исторического исследования является человек с его нравственными устоями и личными мотивами.

По мнению Ключевского, в процессе изучения экономической жизни важно не только констатировать, что человек хозяйствовал и насколько успешно он это делал, но и почему он хозяйствовал, каковы мотивы его хозяйственной деятельности, а они будут разные у каждого народа. Исследование именно этого аспекта им рассматривалось в качестве одного из наиболее важных в изучении экономической истории. Обращаясь к исследователям исторических источников, он писал: «В ветхом и пыльном свитке самого сухого содержания, в купчей, закладной, заемной, меновой или духовной, под юридической формальностью иногда прозвучит нравственный мотив, из-под хозяйственной мелочи блеснет искра религиозного чувства, — и вы видите, как темная хозяйственная сделка озаряется изнутри теплым светом, мертвая норма права оживает и перерождается в доброе житейское отношение, не соответствующее ее первоначальной природе... И среди стукотни этого механизма вдруг послышится наблюдателю звук совсем иного порядка, звон колокола, раздававшийся среди рыночной суматохи» (4, с. 154).

Думается, что именно подобного рода замечания позволили современникам Ключевского, впоследствии характеризуя его творчество, писать, что одним из существенных вкладов ученого в отечественную историографию явился совершенно новый подход в изучении экономического развития России, который, «в отличие от западной науки, связан не с юридическими формами хозяйства и не с техникой (как в

марксизме), а с бытом и нравственными основами жизни» (1, с. 142; 11, с. 314).

Традиции социально-психологического подхода к хозяйственной деятельности, методологически обоснованные Ключевским, наиболее яркое выражение нашли в творчестве отечественных религиозно-философских мыслителей, и в первую очередь С. Н. Булгакова. Булгаков стал основателем нового научного направления, получившего название «философия хозяйства» по одноименному произведению мыслителя, опубликованному в 1912 г. Он отмечал, что необходимость философского осмысления экономического процесса вызывалась неудовлетворенностью от того уровня понимания хозяйственной жизни, который был предложен политической экономией — наукой, базировавшейся на материализме, позитивизме, технологизме. По мнению Булгакова, философский подход к анализу хозяйственной деятельности должен помочь перейти на новый уровень понимания экономических процессов. Он считал, что хозяйство следует рассматривать не просто как способ производства материальных благ, а как непосредственное бытие человека, основную форму его присутствия в природе. Для Булгакова мир — объект хозяйства, а жизнь — хозяйственный процесс, который невозможно воспринимать изолированно от духовных основ бытия, как исключительно материальное действо. Он исходил из того, что корни экономического поведения лежат в сфере сознания и культуры, а поэтому не считал справедливым положение о детерминированности сознания господствующим способом производства.

Во второй четверти XX столетия историко-философские изыскания в изучении социально-экономической проблематики в нашей стране были прерваны. В гуманитарных областях знания утвердилась единая вульгарно-материалистическая методология, в рамках которой не было места для социально-психологического осмысления хозяйственной деятельности. Характерной чертой исследований, выполненных в указанной историографической традиции, явилось исключительное внимание к технической стороне процесса экономического роста. Ученые осуществляли титанический труд по сбору и описанию колоссального статистического материала, однако работа со статистикой выступала не средством, а целью этих изысканий. Исторические исследования во многом уподобляются техническим производственным отчетам, пе-

регруженным колоссальными цифрами и данными о технологической трансформации производства. Эти труды смело можно было причислить к любой из областей технического знания, но в меньшей степени к истории с ее специфическим предметом исследования — человеком.

Человек как хозяйствующий субъект пропадает со страниц трудов по истории. По замечанию И. Д. Ковальченко, в практике «исторических исследований человек не только как индивидуальный, но как социальный субъект нередко отодвигается на второй план и даже вообще исчезает» (3, с. 28). Главным действующим лицом истории становится безликая тенденция, закономерность экономического развития, которая выступает неким всеохватывающим роком, сметающим лица и судьбы. Интересно суждение одного из представителей торгово-промышленной династии В. П. Рябушинского, который в начале 50-х годов, характеризуя советские исследования на историко-экономические темы, писал: «...Неудовлетворительность многих работ по политической экономии в значительной степени зависит как раз от пренебрежения к человеческому материалу в экономической жизни. Правда, рабочими, с легкой руки социалистов, занимаются, но односторонне, а хозяевами — очень мало, да и то, превращая их в какую-то однородную массу, из которой извлекается для научных операций некий средний субъект вроде пудоаршина...» (10, с.186—187).

Наблюдения за характером научных изысканий позволяют заключить, что в советской историографической практике 30-х — начала 80-х годов произошла утрата, а точнее, подмена предмета исследования в рамках социально-экономической проблематики. Не случайно на рубеже 80—90-х годов в отечественной исторической науке встает вопрос о необходимости поиска новой предметности в области социально-экономической истории.

Как и столетие тому назад, поиск нового предмета исследования выразился в стремлении перейти от внешнего описания экономической реальности на уровень понимания её внутренних источников. Указанная направленность исторической мысли стала реализовываться через интерес к личностному фактору в экономической сфере. Однако это было не просто «оживление» исторических исследований, введение в их ткань имен и фамилий, но их одухотворение. Стала очевидной невозможность реконструкции прошлого без пони-

мания мотивов, чувств, намерений, психологических и социокультурных основ жизни людей изучаемой эпохи. Во многом такое движение исторической мысли было связано с признанием, что социально-психологическое, ментальное оказывает «огромное воздействие на позиции и деятельность всех слоев общества, и без его учета невозможно понять и правильно объяснить многие явления и процессы» (3, с. 44). Не случайно новое поколение исследователей считает, что на современном этапе осмысления социально-экономических процессов необходимо вести речь не столько о концепциях, объясняющих ход хозяйственного развития России, — их достаточно и в отечественной и зарубежной традиции — сколько о выяснении их метафизических истоков (2, с. 23).

Трансформация предметного поля в рамках социально-экономической проблематики в 90-х годах XX в. выразилась в смене исследовательских интересов — история производства уступила былые приоритетные позиции истории предпринимательства, ставшей одним из активно разрабатываемых направлений. Авторами лекционного курса «Хозяин России: опыт предпринимательства», публиковавшегося в течение 1994 г. на страницах газеты «Былое», отмечалось, что в основе изучения этой проблемы «должна лежать синтетическая наука о человеке» (7, с. 3). Предлагаемое видение вопроса свидетельствовало об отказе историков от узко политэкономического подхода и обращении к социально-психологическим методам освоения проблемы.

Особое место среди работ, выполненных в указанной методологической традиции, занимают исследования Г. Р. Наумовой (8; 9). В ее монографии «Русская фабрика (проблемы источниковедения)» подчеркивается, что «сегодняшний этап развития исторической науки в сфере изучения материальной культуры характеризуется острой необходимостью рассмотрения именно социально-психологической компоненты». Наумова пишет о важности определения не «внешнего соотношения изучаемых явлений материальной культуры» и остального цивилизованного сообщества, а установления «специфических начал» российского культурно-исторического типа, проникновение в его природу, поскольку именно там «сокрыта тайна» его развития. В подтверждение своих умозаключений исследовательница обращается к статье А. С. Пушкина «О народности в литературе», в которой поэт писал: «Есть образ мыслей и чувствований, есть

тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу». Замечание Пушкина о том, что «климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии», наталкивают историка на мысль, что «это внутреннее развитие находит отражение и в изменениях материальных форм культуры», в частности хозяйственной деятельности (8, с. 4). Распутывание этого загадочного клубка взаимообусловленности материальной и духовной жизни представляется автору чрезвычайно значимым в постижении исторической судьбы народа, не только его культурно-художественной, но и экономической формы.

Эволюция методологических ориентиров отчетливо проявилась в работе семинара «Индустриализация России», собиравшегося на свои заседания в 1995—1999 гг. при кафедре источниковедения МГУ им. М. В. Ломоносова. Несмотря на то, что многие из его участников придерживались традиций политэкономических подходов в анализе процесса хозяйственного развития страны, в ходе работы было признано, что индустриализацию следует рассматривать как единый экономический и социокультурный процесс обновления общества, так как «хозяйственная деятельность человека осуществляется не только под влиянием экономических факторов, но и в связи с идеалами и традициями нации» (2, с. 7).

Настоящим явлением в научной жизни 90-х годов следует считать оформление философии хозяйства в качестве самостоятельного направления историко-экономических исследований. Как и в начале XX в., пионерами в его освоении стали экономисты. Инициатива принадлежит Центру общественных наук, созданному в июле 1990 г. при МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством доктора экономических наук, профессора Ю. М. Осипова. Исследователи, объединившиеся вокруг Центра, активно осваивают и развивают творческое наследие С. Н. Булгакова, считая себя его правопреемниками. С 1999 г. по их инициативе стало выходить периодическое издание «Философия хозяйства», отражающее новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современных гуманитарных и экономических наук в ходе осмысления актуальных проблем хозяйственного развития. Среди вопросов, стоящих в поле зрения философии хозяйства, отметим следующие: что есть хозяйство, что есть человек в хозяйстве, как и для чего он действует, что переживает (12, с. 9).

Таким образом, одним из существенных итогов исследовательской работы последних лет стало понимание, что экономика — одна из многих форм человеческой деятельности, подчиненная тем духовным ценностям, которыми человек определяет смысл своей жизни. Поэтому вопрос об экономическом развитии — это также вопрос о нематериальных составляющих хозяйственной деятельности, которые, помимо чисто практических и утилитарных потребностей, движут практической деятельностью человека. Участие человека в материальном производстве определяется не только его конкретными потребностями в материальных благах, но также и сложившимися представлениями о смысле и достойном образе жизни, о социально значимых целях, о престижности и допустимости тех или иных видов деятельности, о собственности, материальном благосостоянии и богатстве, об успехе и о взаимоотношениях людей в процессе хозяйственной практики.

Подводя итоги, заметим, что новые подходы в разработке темы, оформившиеся к началу нового тысячелетия, стали возможны лишь благодаря доставшемуся нам бесценному интеллектуальному наследию XX века.

Список использованной литературы

1. Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998.

2. Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России». 1997. № 1.

3. Ковальченко И. Д. Сущность и особенности общественно-исторического развития (Заметки о необходимости обновления подходов) // Исторические записки. 1995. № 1 (119).

4. Ключевский В. О. Содействие церкви успехам русского гражданского права и порядка // Москва. 1990. № 6.

5. Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. Т. IX. М.: Мысль, 1989.

6. Ключевский В. О. Сочинения. Т. 8. М., 1959.

7. Кубицкая О., Лачаева М., Наумова Г. Не станем впадать в экстаз, господа! У нас еще будет возможность // Былое. 1991. № 1.

8. Наумова Г. Р. Русская фабрика (проблемы источниковедения). М., 1998.

9. Наумова Г. Р., Смирнов И. П. Русская философия о сущем и должном индустриализации // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России». 1997. № 1; Наумова Г. Р. Вся Россия (региональный подход к истории народного хозяйства) // Россия на рубеже XIX—XX веков: Материалы науч. чтений памяти проф. В. И. Бовыкина. Москва. МГУ им. М. В. Ломоносова,

20 января 1999 г. М., 1999; Наумова Г. Р., Ермишина С. А. В поисках предмета исследования // Традиции русской исторической мысли. Историософия. М., 1999 и др.

10. Рябушинский В. Купечество московское // Русский путь в развитии экономики. М., 1993.

11. Федотов Г. П. Россия Ключевского // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т. 1. СПб., 1991.

12. Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 1999. № 1.

В. В. Наухацкий

Ростовский государственный экономический университет

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА 60—90-Х ГОДОВ XX ВЕКА И РАСКРЕСТЬЯНИВАНИЕ ДЕРЕВНИ: ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Вопрос о сущности аграрной политики последних десятилетий остается в числе дискуссионных. В литературе советского периода наиболее часто существо аграрной политики сводилось или к укреплению союза рабочего класса с крестьянством, или к обеспечению динамичного роста сельскохозяйственного производства и совершенствованию общественных отношений на селе, или к тому и другому одновременно.

Ориентируясь на программные установки КПСС о сближении и слиянии двух форм собственности, становлении социальной однородности, сводя существо аграрной политики к декларациям о союзе рабочего класса и крестьянства, перечисляя различные направления в развитии сельского хозяйства, игнорируя рыночные механизмы в аграрном секторе, не анализируя реальное содержание отношений крестьянства с другими классами, авторы работ не смогли глубоко проанализировать существо аграрных отношений, закономерности их развития, специфические интересы классов и социальных слоев сельского населения, действительные противоречия в развитии форм собственности и хозяйствования, выявить сущность аграрной политики.

В годы перестройки анализ аграрной политики, ее сущности приобрел более критический характер, хотя некоторое время не выходил за рамки социалистической идеологии. В конце 80-х гг. был поставлен вопрос об антикрестьянском характере аграрной политики 60—80-х гг., о раскрестьянивании деревни как ее закономерном результате (А. П. Тюрина). Проявления антикрестьянского характера аграрной политики виделись в неразвитости демократических институтов в деревне, отсутствии хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов, ущемлении развития ЛПХ и социальных прав крестьянства, отставании деревни от города по условиям жизни населения. Причем все это рассматривалось как атрибуты командно-приказного социализма, сталинской модели

социально-экономических отношений, как отступление от ленинской концепции кооперации.

В последующие годы положение об антикрестьянском характере аграрной политики, связанное с идеей раскрестьянивания деревни, закрепилось в литературе, освободившись при этом от социалистической оболочки. Понятие раскрестьянивания прочно вошло в литературу. Чаще всего под раскрестьяниванием понимается процесс превращения крестьянина-собственника в наемного сельскохозяйственного рабочего, социальное расслоение в крестьянстве, в результате которого часть крестьян становится фермерами, а часть (причем большая) пролетаризируется. При этом крестьянство утрачивает некоторые исконно крестьянские черты. В ряде публикаций именно раскрестьянивание рассматривается как сущностная черта аграрной политики правившей партии.

Однако многие вопросы по-прежнему являются дискуссионными, в частности, вопрос о хронологических рамках раскрестьянивания, о времени завершения данного процесса и его критериях. Большинство исследователей, отмечая этапный характер коллективизации в истории российского крестьянства, подчеркивая существенные различия между крестьянством до и после коллективизации, тем не менее выводят завершающие стадии раскрестьянивания за пределы 30-х годов.

Так, по мнению М. А. Безнина, класс крестьян, который с 30-х гг. находился в специфических условиях, в 50—60-х гг. переживал заключительную стадию своей истории. Рассматривая процесс эволюции крестьянского двора, ход раскрестьянивания, М. А. Безнин выделяет две стороны последнего: «внешнее раскрестьянивание» — ликвидация основных условий воспроизводства крестьянских дворов и «внутреннее раскрестьянивание» — превращение крестьян-колхозников, по сути дела, в рабочих с огородом или колхозников-рабочих. По мнению автора, в деревне 50—60-х гг. завершилась тысячелетняя история российского крестьянства, произошло раскрестьянивание. Не исчезновение работающих на земле, не безвозвратная утрата любви к земле и умения на ней работать, не генетический перерыв в среде российских земледельцев, а социальное превращение крестьянина в рабочего с огородом.

Ряд исследователей (Л. Н. Денисова, Е. Б. Никитаева) отмечают, что процесс раскрестьянивания в результате анти-

крестьянской государственной политики продолжался в 70—80-е годы. При этом акцентируется внимание на таких направлениях аграрной политики, как перевод колхозов в совхозы, укрупнение хозяйств, введение гарантированной заработной платы в колхозах, развитие межхозяйственной кооперации и интеграции, политика в области ЛПХ, сселение неперспективных сел и деревень, перенесение в сельскую местность черт городской застройки, развитие сельской культуры и быта. Изучение этих процессов привело некоторых исследователей к выводу о том, что именно в 70—80-е гг. аграрная политика привела к фактическому раскрестьяниванию деревни.

Новый материал для анализа проблемы раскрестьянивания дает современная российская действительность. Анализ процессов аграрного развития в России в 90-е гг. позволил ряду авторов (В. П. Данилов, И. Е. Зеленин, С. А. Никольский) поставить вопрос о продолжении раскрестьянивания в настоящее время. Как справедливо отмечал В. П. Данилов, современная аграрная реформа, провозгласившая задачу «окрестьянивания», на деле превращается в орудие дальнейшего и, может быть, действительно окончательного раскрестьянивания.

Характеристика раскрестьянивания обогащает наши представления об аграрной политике, позволяет ставить вопрос о преемственности в истории российского крестьянства. Вместе с тем вывод о завершении раскрестьянивания российской деревни в предшествующие десятилетия представляется излишне категоричным.

Анализ миграции, процессов социально-культурного развития села, как и рассуждения о росте отчужденности крестьянства, характеризуют динамику процесса раскрестьянивания, но не содержат строгих критериев, позволяющих судить о завершении или незавершении раскрестьянивания. Отсутствие таких критериев приводит к неточностям и противоречиям в определении хронологических рамок раскрестьянивания.

Итак, вопрос о хронологических рамках раскрестьянивания, этапных рубежах этого процесса остается в литературе дискуссионным. Эволюция крестьянства нуждается в дальнейшем изучении. Кроме того, как представляется, раскрестьянивание не охватывает всей гаммы изменений в крестьянстве. Далеко не все изменения в социально-экономическом

положении и нравственно-психологическом облике крестьянства могут характеризоваться как негативные.

В литературе обосновывается положение о том, что, несмотря ни на что, в колхозах сохранялись кооперативные черты, что колхоз был формой кооперативных предприятий в условиях огосударствленной экономики и отсутствия рыночного хозяйственного механизма. Именно это (а также наличие ЛПХ) тормозило раскрестьянивание.

Не ставя под сомнение динамику процессов раскрестьянивания, мы не можем согласиться с тем, что раскрестьянивание в 60—80-е гг. носило целенаправленный характер, отражало сущностную черту аграрной политики. Во-первых, раскрестьянивание российской деревни носило во многом объективно обусловленный характер. Несомненно, что ряд конкретных шагов в аграрной и социальной политике был ошибочным, более того — носил антикрестьянскую направленность и способствовал ускорению раскрестьянивания деревни. С этой точки зрения особенно показательной является расселенческая политика в сельской местности. Очевидно, что ряда ошибочных шагов в аграрной политике можно было избежать. Но избежать процесса раскрестьянивания, урбанизации, сокращения численности сельского населения, распространения городской культуры, перемен в социально-профессиональном и психологическом облике крестьянства, изменении системы расселения было невозможно. Раскрестьянивание — объективный социально-экономический процесс, происходящий в современном индустриальном обществе, независимо от идеологических установок властей.

СССР переживал в 60—80-е гг. процесс аграрной модернизации, которая предусматривала индустриализацию сельскохозяйственного производства, его интенсификацию и интеграцию с промышленностью, развитие специализации и концентрации и т.д. Модернизация экономики сопровождалась социальной трансформацией. В этих условиях неизбежным было и сокращение численности сельского населения, и изменение облика крестьянства. К сожалению, в ходе аграрной модернизации 60—80-х гг. не удалось избежать ошибок, излишних трудностей, драматических коллизий, деформаций.

Во-вторых, все многообразие шагов в аграрной области в 60—80-е гг. не может быть сведено к антикрестьянским акциям. Современные исследования показывают, что аграрная политика не сводилась только к отрицательным, антикресть-

янским акциям. Многое делалось и для развития аграрного сектора, и для улучшения материального положения сельского населения. Аграрный курс носил по отношению к деревне ярко выраженный патерналистский характер. К сожалению, эффективность многих шагов в данной области была невысока. Решить на удовлетворительном уровне социальные проблемы села, особенно в ряде регионов, не удалось. Тем не менее нет оснований говорить о повсеместной деградации деревни, о перманентном ухудшении социального и правового положения крестьянства и сельского населения в целом.

В литературе высказывается несогласие с распространенной версией о глубокой люмпенизации российских крестьян, превращении их в чисто наемных работников, утрате умения вести самостоятельное хозяйство. Так, подчеркивая, что за последние 70 лет крестьянство понесло невосполнимые утраты, А. В. Петриков отмечает, что экономические и социальные основы его воспроизводства не были окончательно подорваны, чувство хозяина земли у современного крестьянина сохранилось. По мнению автора, этому содействовал ряд факторов. Во-первых, совхозы и колхозы находились на хозрасчете, развивали производство в основном за счет своих доходов, несли экономическую ответственность за его результаты и материально стимулировали работников в зависимости от количества и качества труда, обладали известной хозяйственной самостоятельностью и свободой выбора при принятии управленческих решений. Во-вторых, несмотря на высокую степень огосударствления, колхозы и совхозы выполняли функцию социальной защиты крестьян, производственного и социального обслуживания дворов. В-третьих, продолжал функционировать, хотя и в урезанном виде, колхозный рынок. О том, что крестьяне не утратили умения самостоятельно хозяйствовать, свидетельствуют данные о развитии крестьянских и особенно ЛПХ. По существу ЛПХ представляют собой мелкие (преимущественно потребительского типа) фермерские предприятия, лишь частично работающие на рынок.

Таким образом, сущность аграрной политики 1965 — 1990 гг. не может быть сведена к раскрестьяниванию. Процесс раскрестьянивания шел на протяжении всего периода 60—80-х гг. Но не следует отождествлять описание хода раскрестьянивания с рассмотрением его как сущностной черты аграрной политики, концептуальной основой аграрной поли-

тики, сознательным курсом на раскрестьянивание. Иными словами, проблема раскрестьянивания — это прежде всего проблема конкретно-историческая, а не доктринальная, которая должна быть положена в основу определения сущности аграрной политики КПСС.

Аграрная политика 1965—1990 гг. объективно была направлена на создание аграрного сектора, адекватного современной эпохе, на модернизацию сельской экономики и села. Это дает основания предположить, что сущностью аграрной политики 1965—1990 гг. была модернизация сельского хозяйства, проводимая в рамках социалистической парадигмы. Одним из следствий модернизации сельского хозяйства было раскрестьянивание деревни. Специфика же раскрестьянивания состояла в том, что оно осуществлялось в рамках государственного социализма. Механизм социалистической модернизации содержал антикрестьянские черты, в силу чего естественный процесс раскрестьянивания приобрел специфическую окраску. С другой стороны, в ходе аграрных преобразований предпринималось немало действий, объективно направленных на улучшение положения крестьянства, что придавало аграрной политике еще большую противоречивость.

При характеристике антикрестьянской направленности аграрной политики исследователи обращают внимание на несостоятельность ряда положений марксизма-ленинизма по крестьянскому вопросу. Наиболее часто при этом (наряду с идеей о сближении собственности и стирании классовых различий) критикуется марксистское положение о двойственной природе крестьянства, которому подчас придается демонический смысл. Между тем в литературе отсутствует всесторонний анализ марксистской методологии по крестьянскому вопросу.

Таким образом, изучение истории раскрестьянивания в России и СССР далеко не завершено. Нуждается в углубленном анализе понятийный аппарат (крестьянство, колхозное крестьянство, раскрестьянивание, традиционное крестьянское общество). Не менее важно проследить конкретно-историческое содержание процесса раскрестьянивания, выявить соотношение объективного и субъективного в данном процессе, уточнить хронологические рамки раскрестьянивания, выявить общее и особенное в этом процессе на различных этапах истории. Следует продолжить анализ функций крестьянского двора и ЛПХ, изменений менталитета крестьянского

янства. В частности, требует прояснения вопрос о том, какие черты крестьянства исчезли, какие сохранились и видоизменились, какие новые черты возникли.

Е. П. Баринова

Самарский государственный университет

РОССИЙСКОЕ ДВОРЯНСТВО В XX ВЕКЕ: ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ

В переломные эпохи те или иные политические силы и идейные течения обращаются к прошлому в поисках духовных и программных опор на злобу дня, к символам эпохи. В начале XX века в России назревал общенациональный кризис системного характера. В ходе этого процесса обнажились специфические психоментальные особенности российского социума, распадавшегося на антагонистические слои и группы.

Дворянство в Российской империи играло ведущую роль в политической, культурной и общественной жизни, являлось опорой русской государственности. В целях воссоздания объективной истории России начала XX века возрастает необходимость изучения социально-экономического и политического статуса поместного дворянства.

Событийная сторона кризиса начала XX века в общих чертах представлена. Однако и отечественные и зарубежные историки, оперируя макроисторическими понятиями, часто схематизировали и нивелировали политические и социальные действия. В советской исторической литературе социальные силы и деятели, чуждые социалистической идее, выглядели, как правило, неодушевленными и малопривлекательными реакционерами, отжившими свой век.

Между тем следует отметить, что дворяне составляли неотъемлемую часть русского народа и искренне любили свою страну. История России неразрывно связана с дворянской культурой. На современном этапе развития общества сформировалась потребность в критическом переосмыслении многих стереотипов, связанных с историей русского дворянства. Необходимо создание комплексного психологического и политического портрета господствующего сословия Российской империи.

Изучение степени участия отдельных дворянских обществ губерний в жизни страны, их влияния на правительственную политику позволяет выявить общее и особенное в требованиях поместного дворянства. Специфика времени,

экономическая и политическая нестабильность побуждали поместное дворянство определиться в новых условиях, выработать конкретные меры противостояния новым общественным силам и явлениям, не всегда, кстати, прогрессивным. Дворянство любыми способами отстаивало свои права и привилегии как в экономическом, так и в политическом плане. Власть, готовая пойти на уступки либеральному обществу за счет кровных интересов поместного дворянства, вызывала у большей части сословия отрицательную реакцию. Конституционные требования, выдвигавшиеся либерально настроенной частью поместного дворянства, не вылились в четкую созидательную программу обновления России.

Региональная модификация поместного дворянства необходима для детального анализа внутренней структуры сословия, изменений его политических взглядов и настроений, что позволит дать более полную характеристику исторической ситуации в России. Нерешенный конфликт между различными программами модернизации общества как на региональном уровне, так и на общероссийском вел к обострению ситуации в стране. В кризисной общественно-политической ситуации характер взаимоотношений власти и ее социальной опоры — дворянства был детерминирован.

Все названные вопросы являются дискуссионными и актуальны как в научно-познавательном, так и в общественно-политическом планах.

Вопросы социально-экономического положения поместного дворянства, его роли в политической системе самодержавия всегда вызывали интерес у историков. Приоритеты исследователей зависели прежде всего от идейно-политической ситуации в обществе, а затем уже от состояния источниковой базы, позволявшей решать поставленные задачи.

Все исследования, связанные с историей русского дворянства, делятся на две большие группы: дореволюционные и послереволюционные исторические труды. Дореволюционная историческая мысль в разработке этой проблемы развивалась в нескольких направлениях: консервативно-охранительном, буржуазно-либеральном и марксистском. Представители консервативно-охранительного направления[1] пыта-

---

[1] Савелов Л. М. Дворянское сословие в его бытовом и общественном отношении. М., 1906; Семенов Н. П. Наше дворянство. СПб., 1898; Хотяинцев Д. Д. К дворянству. М., 1908.

лись выделить два злободневных вопроса: о роли и месте высшего сословия в политической жизни России и о будущем дворянства. Дворянские историографы преследовали цель доказать необходимость принятия мер по поддержанию дворянства как главной опоры самодержавия. Либеральные историки уделяли особо пристальное внимание изучению земского движения, взаимовлияние дворянских и земских собраний[1]. В марксистской теории дворянство оценивается в рамках концепции классовой ненависти, с позиций партийной субъективности[2].

Советская историография 20—50-х гг. основное внимание уделяла анализу форм и методов классовой борьбы. Поместное дворянство, определенное в разряд классовых врагов, любыми способами очернялось. Первые общие характеристики помещичьего землевладения и хозяйства, высказанные «попутно», встречаются в трудах М. Н. Покровского, А. В. Шестакова, С. М. Дубровского[3].

Со второй половины 60-х годов объектом внимания историков становится эволюция крестьянского и помещичьего хозяйства, землевладения и землепользования[4]. В результате проведенных исследований фундаментальному анализу подверглось крупное помещичье хозяйство и землевладение. Во второй половине 80-х годов историками были рассмотрены проблемы соотношения капиталистического и отработочного способов ведения хозяйства, итоги проведения в губерниях столыпинской аграрной реформы, характер и пути развития капитализма. Изучались вопросы психологии крестьянства[5].

Новым качественным этапом в изучении истории поме-

---

[1] Веселовский Б. Б. История земства. Т. 3, 4. СПб., 1911; Белоконский И. П. Земское движение. СПб., 1914; Голубев В. С. По земским вопросам: В 2 т. 1901—1911. СПб., 1913—1914.

[2] Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов // Полн. собр. соч. Т. 16. С. 215—218.

[3] Дубровский С. М. Крестьянство в 1917 году. М., 1927; Чаадаева О. Н. Помещики и их организации в 1917 году. М.; Л., 1928.

[4] Минарик Л. П. Экономическая характеристика крупнейших землевладельцев России конца XIX — начала XX века. М., 1971; Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России конца XIX—начала XX века. М., 1969.

[5] Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство. Этапы духовного освобождения. М., 1988.

стного дворянства явились работы Ю. Б. Соловьева, А. П. Корелина, А. Я. Авреха, В. С. Дякина, Е. Д. Черменского и других исследователей. В них поднимаются следующие вопросы: роль дворянства в политической системе самодержавия, основные направления политики самодержавия по отношению к дворянству, проблема конституционности третьеиюньской монархии. Однако эти исследователи обращали внимание, главным образом, на изменения в высших аристократических и бюрократических кругах страны. На региональном уровне дворянство изучалось в плане его экономического статуса, затрагивались и его политические требования (П. И. Савельев, В. В. Ниякий, Г. А. Третьякова). В ряде кандидатских диссертаций (О. А. Курсеева, Е. П. Кабытова, З. М. Кобозева) проводится анализ деятельности дворянских собраний различных регионов, дается оценка влияния дворянства на политику самодержавия.

На современном этапе изучения исторического пути России возрождаются традиции русской общественной мысли первой трети XX столетия (Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, П. Сорокин, Г. П. Федотов), направленные на выявление гносеологических корней извечного конфликта между властью и обществом в ходе его модернизации (А. С. Ахиезер, В. А. Красильников, А. Н. Медушевский, А. С. Панарин). Взаимоотношения правительства и дворянства, участие последнего в либеральном движении рассматривалось также в современной англоязычной литературе (С. Галай, Д. Хоскинг, Р. Мэннинг), для которой характерно определенное преувеличение роли либерального движения и степени оппозиционности дворянства.

Подводя итоги историографического освоения поставленной проблемы, необходимо отметить, что имеется определенный круг исследований, где в той или иной степени затрагивались различные аспекты истории российского дворянства. Однако ряд вопросов, составляющих суть рассматриваемого предмета исследования, не только дискуссионны, но и недостаточно изучены. Необходимо выявление содержания, форм и методов взаимоотношений центральной и местной власти с дворянством в условиях кризисной ситуации начала XX века. Такие вопросы, как проблема общего и особенного во взаимоотношениях центральной и местной власти с социальной опорой российского самодержавия — дворянством, степень влияния корпоративных организаций на со-

став, структуру и деятельность местного самоуправления, программные и тактические установки дворянства, степень его участия в государственном управлении и местном самоуправлении, в борьбе с революционным движением, остались вне поля зрения историков.

О. В. Савченко

Саровский государственный физико-технический институт

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ МАРКСИЗМА В РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Тема марксизма в России как часть идейной и политической истории российского освободительного движения всегда признавалась актуальной в отечественной историографии. Отечественная историческая наука к концу XX века выработала огромное наследие. Уже в дореволюционный период сложились две основные историографические традиции русского марксизма: концепция «русского ортодоксального марксизма» (позже послужившая основой «краткокурсовой») и концепция «русского критического марксизма» («веховство»).

Судьбы русского марксизма в конце XIX — начале XX вв. в советской исторической науке традиционно рассматривались в контексте истории РСДРП(б). Русский марксизм не рассматривался как единое течение, практически не использовался термин «русский марксизм». Сложилась историография отдельных направлений: «легального марксизма», «богостроительства», трудов Г. В. Плеханова, В. И. Ленина, проблемы академической марксистской политэкономии рассматривались в курсах истории русской экономической мысли, отношение либерального народничества к марксизму оценивалось отрицательно.

Анализируя современный период (1990-е гг.) отечественной историографии русского марксизма, можно отметить труд Е. Д. Чекрыгина[1], анализирующий русский марксизм как единое явление. Работа интересна тем, что автор ставит в один исторический ряд Г. В. Плеханова, В. И. Ленина, П. Б. Струве, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова. Е. Д. Чекрыгин подчеркивает связь между развитием русского марксизма и развитием национального русского самосознания.

Вместе с тем необходимо отметить, что в изданиях по-

---

[1] Чекрыгин Е. Д. Феномен революции в русской общественной мысли рубежа XIX—XX веков. (Марксизм и его самокритика): Дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 1995.

следних лет стал широко употребляться термин «русский марксизм» (как синоним словосочетания «марксизм в России) по отношению к сторонникам марксистской теории в России на рубеже XIX—XX веков.[1] Однако в некоторых изданиях авторы игнорируют русский марксизм как явление.[2]

Наследие русской марксистской экономической мысли конца XIX века современными исследователями рассматривается в курсе истории русской экономической мысли[3], делается попытка преодоления прежних оценок.

В историографии «легального марксизма» рассматриваемого периода необходимо подчеркнуть как наличие творческого развития методологической традиции советской историографии (работа Н. Н. Барминой[4]), так и появление новых подходов, возвращающих нас к концепции «веховцев» (работы Л. П. Кетовой, И. П. Смирнова[5]).

Необходимо отметить появление на современном этапе работ, авторы которых делают попытку преодолеть «краткокурсовые» стереотипы в оценках отношения либерального народничества (в частности, Н. К. Михайловского) к марксизму[6].

---

[1] См., напр.: Новикова С. С. История развития социологии в России. М., 1996; Роцинский С. Б. Трансформация «русской идеи» в социально-философской концепции А. А. Богданова // Социальная теория и современность. Вып. 3: Судьбы России: Взгляд русских мыслителей. М., 1992; Гройс Б. Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии. 1992. № 1; Колеров М. А., Плотников Н. С. Примечания к изд.: Вехи. Из глубины. М., 1991.

[2] См., напр.: Сорвин В. В. Предисловие к книге: Туган-Барановский М. И. К лучшему будущему. М., 1996. (Сер. «Научная философия»).

[3] См., напр.: Из истории экономической мысли России: Очерки о творчестве А. И. Чупрова, М. И. Туган-Барановского, Н. Д. Кондратьева, Е. А. Преображенского, В. С. Немчинова. М., 1990; История экономических учений. М., 1990; Егоров Ю. Чупров против Столыпина. Аграрные преобразования в России // Былое. 1993. № 4.

[4] Бармина Н. Н. Политическая эволюция «легального марксизма» (1893—1902 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.

[5] Кетова Л. П. «Легальный марксизм» в интеллектуальной жизни России (С. Н. Булгаков, П. Б. Струве): Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1993; Смирнов И. П. «От марксизма к идеализму»: М. И. Туган-Барановский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев. М., 1995.

[6] См., напр.: Балуев Б. П. Н. К. Михайловский и «легальный марксизм» // Отечественная история. 1992. № 6; Балуев Б. П. Либеральное

В историографии «богостроительства» и «эмпириокритицизма» данного периода можно отметить статью С. Б. Роцинского, в которой автор рассматривает русский марксизм в лице А. А. Богданова как часть русской философской и социологической мысли, анализирует параллели между Вл. Соловьевым и А. А. Богдановым в их понимании «русской идеи»[1].

Наследию А. А. Богданова уделяется значительное внимание в работах последних лет по истории русского позитивизма, русской семиотики[2]. В этих работах прослеживается тенденция объективного анализа «эмпириокритицизма», «тектологии», тенденция преодоления стереотипов советской историографии, имеющих долгую историю. Так, например, Н. Н. Никитина, анализируя концепцию «чистого описания опыта», подчеркивает, что «поскольку махизм не интересовался проблемой соотношения форм, в которых дана реальность в опыте, и форм внеопытной реальности, постольку для него не существовали гносеология в классическом понимании, а значит и теория отражения»[3].

Необходимо отметить, что в последнее время появились работы, продолжающие концептуальную традицию «Вех», и особенно «Из глубины», рассматривающие российское освободительное движение в контексте формирования национального самосознания[4] и соответственно причины русской революции объясняющие с этнопсихологической точки зрения.[5] Можно отметить и появление интересных исследований

народничество. М., 1995; Твардовская В. А., Итенберг Б. С. Н. К. Михайловский и К. Маркс: диалог о «русском пути» // Отечественная история. 1996. № 6.

[1] Роцинский С. Б. Трансформация «русской идеи» в социально-философской концепции А. А. Богданова // Социальная теория и современность. Вып. 3: Судьбы России: Взгляд русских мыслителей. М., 1992.

[2] Никитина Н. Н. Философия культуры русского позитивизма начала века. Учебник для вузов по специальности «Культурология». М., 1996; Почепцов Г. История русской семиотики до и после 1917 года. М., 1998.

[3] Никитина Н. Н. Указ. соч. С. 12.

[4] См., напр.: Бенедиктов Н. А., Евстигнеев С. А., Мишин В. И. Ленин: марксизм и русская идея / Нижегородский гос. ун-т. Н. Новгород, 1994.

[5] См., напр.: Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.

по истории освободительного движения в рамках семиотического изучения культуры и поведения.[1]

В 1990-е гг. резко возрос интерес к творчеству Г. В. Плеханова. Здесь нужно отметить работы А. С. Бережанского, Ф. С. Коротаева, С. В. Тютюкина, В. В. Шелохаева[2]. Исследователи пытаются преодолеть стереотипы советской историографии, объективно оценить Плеханова как «человека, революционера, политика»[3]. Также современными отечественными историками предпринята попытка объективного анализа теоретической и практической деятельности меньшевиков, отношений большевиков и меньшевиков[4].

Наследие В. И. Ленина на современном этапе отечественной историографии подверглось серьезной переоценке. Преодолеваются многие стереотипы советского периода, формируются новые направления лениноведения[5].

В целом современный период историографии характеризуется серьезным продвижением на пути осознания значения наследия русского марксизма. Исследователи пытаются взглянуть на русский марксизм изнутри, с адекватных ему

---

[1] См., напр.: Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996; Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа.

[2] Бережанский А. С. Г. В. Плеханов: от народничества к марксизму. Воронеж, 1990; Коротаев Ф. С. Плеханов. Человек и политик. Пермь, 1992; Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997; Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксисты и русская революция. М., 1996.

[3] Тютюкин С. В. Указ. соч. С. 15.

[4] Касаров Г. Г. Борьба меньшевиков за центральные органы партии осенью 1903 г. // Актуальные вопросы истории, филологии и философии XIX—XX века. М., 1996; Логунов А. П. Революция 1905—1907 годов и российская социал-демократия. Ростов-на-Дону, 1992; Меньшевики и меньшевизм: Сб. ст. М., 1998; Столетие РСДРП: Материалы межвуз. науч. конф. М., 1999; Тумаринсон В. Х. Меньшевики и большевики: несостоявшийся консенсус. (Опыт исторической реконструкции). М., 1994; Тютюкин С. В. Меньшевизм как идейно-политический феномен // Меньшевики: Документы и материалы. 1903 — февраль 1917 г. М., 1996; Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксисты и русская революция. М., 1996; Урилов И. Х. Ю. О. Мартов. Политик и историк. М., 1997 и др.

[5] См. подробнее: Котеленец Е. А. В. И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография. М., 1999.

позиций. Но остаются определенные проблемы: методологические, терминологические, проблемы контекста, в рамках которого возможно наиболее адекватное рассмотрение истории и значения русского марксизма, явления многомерного и неоднозначного.

Необходимо подчеркнуть, что накопившиеся проблемы отечественная историография пытается преодолеть на современном этапе в рамках исследования истории формирования многопартийной системы в России на рубеже веков. В рамках такого подхода возможен объективный анализ русского марксизма в целом, истинного соотношения его частей[1] и их взаимоотношений. За последние годы уже накоплен значительный материал по истории политических партий России[2]. Обобщение накопленного эмпирического материала выразилось в создании серии справочно-энциклопедических изданий[3], продолжающих традиции отечественной археографической и архивоведческой школы. Сегодня можно уже сказать, что в основном преодолена «краткокурсовая» методология, трактовавшая историю политических партий исключительно с позиции исторической правоты большевизма[4].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что тема судеб русского марксизма в XIX и XX вв. остается актуальной и для российской гуманитарной науки, и для отечественного образования. Автор полагает, что изучение истории российского освободительного движения XIX—XX вв., истории русского марксизма рубежа веков, марксизма-ленинизма, проблем советской культуры является важным и необходимым элементом гуманитарного образования как в школе, так и в высших учебных заведениях.

---

[1] Политические партии России: история и современность: Учебник. М., 2000. С. 36.

[2] История политических партий России: Учебник. М., 1994; История национальных партий России: Материалы междунар. науч. конф. М., 1997; Политические партии России: история и современность: Учебник. М., 2000.

[3] Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX вв. М., 1995; Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996; Политические партии России: Документальное наследие. В 15 т.

[4] Политические партии России: история... С. 36.

С. А. Халфин

Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН

ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Одним из старейших на Южном Урале научным учреждением гуманитарного профиля является Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук. Он был организован в 1932 г. как Башкирский научно-исследовательский институт национальной культуры при Башсовнаркоме в Уфе. С 1951 г. институт в системе Академии наук (Башкирский филиал АН СССР, а ныне Уфимский научный центр Российской Академии наук, в 2001 г. отмечает 50-летие основания). За время своего функционирования ИИЯЛ стал комплексным научно-исследовательским учреждением, разрабатывающим проблемы истории, филологии, духовной и материальной культуры башкирского и других народов Южного Урала.

Сегодня в ИИЯЛ УНЦ РАН работает более 100 человек, в том числе 62 научных сотрудника, 2 академика АН РБ, 7 докторов наук, 41 кандидат наук, 33 аспиранта и 57 соискателей. Институт объединяет 8 отделов: археологии, этнографии и антропологии, истории, новейшей истории, истории культуры и педагогики, языка, литературы, фольклора и искусства. За прошлые десятилетия институт создал Музей археологии и этнографии (более 300 тыс. ед. хр.), богатейший фонд рукописных и старопечатных книг. В недрах ИИЯЛ сформировались и стали самостоятельными Научное издательство «Башкирская энциклопедия», Отдел народов Южного Урала, который в 2000 г. реорганизован в Центр этнологических исследований РАН. За годы функционирования института его сотрудниками собраны уникальные фонды по устно-поэтическому и музыкальному фольклору, археологии, этнографии, антропологии. Мы располагаем богатейшими образцами башкирской народно-разговорной речи, топонимической картотекой Южного Урала, фотодокументами. Вклад ученых института в отечественную науку отмечен орденом «Знак Почета». Труды более десяти ученых удостоены Государственной премии имени Салавата Юлаева, троих — Уральской премии им. В. П. Бирюкова, около двадцати со-

трудников носят почетные звания Российской Федерации и Республики Башкортостан.

Сфера деятельности института чрезвычайно широка и включает научные исследования, публикацию книг, экспедиционную и музейную работы, педагогическую деятельность. В основу деятельности многопрофильного научного учреждения с самого начала были положены три главных принципа. Во-первых, развитие фундаментальных исследований с целью создания потенциала исторических и филологических знаний, на базе которого можно было бы решать разнообразные общественно-гуманитарные задачи практики. Во-вторых, теснейшая связь исследований с культурной жизнью и активное содействие повышению интеллектуального потенциала региона. В-третьих, широкое участие сотрудников института в подготовке кадров высокой квалификации, в интеграции науки и образования.

Академическим учреждениям, чтобы достигнуть заметных успехов, в первую очередь нужна правильная стратегия научного поиска. Главной же особенностью стратегии ИИЯЛ стала тесная связь исследований наших сотрудников с общеисторическими и общефилологическими актуальными проблемами, их направленность на решение важнейших вопросов как теории, так и практики. Первоочередными задачами для ученых института стали сбор, сохранение, освоение, углубленное научное изучение и доведение до широких масс тех духовных богатств, которые были созданы народами края в ходе всего процесса их развития. Не менее важную задачу в деле сохранения культурного наследия мы видим в воспитании подрастающего поколения в духе уважения к этому наследию.

За прошлые десятилетия учение ИИЯЛ внесли существенный вклад в развитие исторических и филологических наук. Под грифом института издано свыше 600 монографий, научных книг. Широко известны фундаментальные труды по археологии, этнографии, обобщающие работы по различным периодам истории Башкортостана. Наши сотрудники плодотворно изучают этническую историю башкир, их хозяйство, материальную и духовную культуру, общественный и семейный быт, проблемы этнокультурных взаимосвязей. Так, в ходе разработки темы «Взаимосвязь и взаимодействие народов Южного Урала в процессе их исторических контактов» всесторонне исследована история формирования и функцио-

нирования на Урале тюркских, финно-угорских и восточнославянских народов в процессе их взаимодействия. Высокую оценку научной общественности заслужила монография члена-корреспондента РАН Р. Г. Кузеева «Народы Среднего Поволожья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю».

Свидетельством научной зрелости историков института стал выход в свет в последние годы обобщающих работ докторов исторических наук Х. Ф. Усманова, С. Ф. Касимова, Р. А. Давлетшина, Ш. Р. Зайнетдинова, кандидатов исторических наук Т. Х. Ахмадиева, Н. В. Бикбулатова, С. Н. Шитовой, И. М. Гвоздиковой и др. Только при разработке многотомной Истории Башкортостана подготовлено и издано 17 монографий, 35 сборников статей, 7 сборников документов и материалов, более 200 научных статей по самым различным вопросам истории с древнейших времен до сегодняшнего дня. В 1997 г. вышел из печати фундаментальный труд «История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века».

Археологами института открыто свыше 2000 новых курганов, стоянок, могильников на Южном Урале и в прилегающих областях, создана карта археологических памятников Башкортостана, проведено монографическое исследование ряда проблем древней истории региона. Результаты многих исследований вышли в издательстве «Наука» в Москве. Роскопки Филипповского курганного могильника в Илекском районе Оренбургской области под руководством А. Х. Пшеничнюка дали богатейшую коллекцию уникальных по своей художественной ценности предметов сарматского искусства (V—IV вв. до н.э.). Открытие наших археологов привлекло к себе внимание ведущих российских и зарубежных ученых, а знакомство с предметами находки вызывает у всех восхищение. По оценке авторитетной экспертной комиссии Российской Академии наук, «по-своему историко-культурному значению коллекция не имеет мировых аналогов и является бесценным достоянием». Научное открытие А. Х. Пшеничнюка имеет мировое значение. Осенью 2000 г. предметы из «царских» курганов экспонировались в Метрополитен-музее Нью-Йорка.

Большое внимание ученых ИИЯЛ сосредоточено на разработках проблем башкирского языкознания и литературоведения. И в этих областях создан целый ряд фундаменталь-

ных трудов. Так, языковеды института на мировом аналитическом уровне изучают накопленный оригинальный опыт национально-языкового строительства, закономерностей функционирования и развития башкирского языка, грамматического строя, морфологии, лексикологии, топонимики, фразеологии. Созданы такие фундаментальные труды, как Словарь башкирского языка в 2-х томах, Башкирско-русский словарь на 50 тыс. слов, Словарь башкирских говоров в 3-х томах, Диалектологический словарь, которые являются уникальными в отечественной и мировой лексикографии. Повышению культуры речи способствуют такие издания, как Словарь синонимов башкирского языка, Башкирский фразеологический словарь, Русско-башкирский учебный словарь, Турецко-башкирский, башкирско-турецкий словарь и др. В конце 80-х годов сотрудники института создали концепцию последовательного развития башкирского литературного языка на протяжении более 400 лет, в противоположность бытовавшему мнению о происхождении башкирского литературного языка только после революции 1917 года.

В 90-е годы сотрудники института в своих изысканиях переходят от описательности к проблемности. Ученые-литературоведы на основе изучения рукописей, старопечатных книг и других источников впервые подняли вопрос о зарождении и становлении башкирской литературы еще в эпоху средневековья. Наряду с исследованием жанровых особенностей башкирской литературы, изучением творчества отдельных писателей и изданием фундаментальных проблемных работ и сборников ученые разработали целостную Историю башкирской литературы в шести томах (1990 — 1996 гг.), охватывающую периоды с эпохи Раннего средневековья по настоящее время. Библиографической редкостью стало пятитомное издание «Башкирия в русской литературе». В 2000 г. вышел в свет V-й том нового издания антологии художественных произведений русских писателей о нашем крае в шести томах. Последний том находится в издательстве «Китап».

Примечательно то, что, несмотря на трудности, осуществлена комплексная программа по сбору, изданию и изучению башкирского устного народного творчества (БНТ) в 18 томах на родном языке. Идет к завершающему этапу издание свода в переводе на русский язык (из 12 запланированных томов вышло уже одиннадцать). Наши музыковеды подготовили к

изданию «Башкирское народное музыкальное искусство» в трех томах. Фольклористы под руководством доктора филологических наук А. М. Сулейманова приступили к разработке и изданию нового свода БНТ в 36-ти томах. Первые пять томов уже вышли в свет.

В начале 90-х годов в институте появились новые направления в исторических исследованиях. Так, в 2000 г. завершена разработка коллективной темы «История культуры Башкортостана с древних времен до наших дней». В отечественной исторической науке впервые в столь масштабных временных рамках и в комплексе рассмотрены основные проблемы духовной и материальной культуры, подготовлены и изданы работы, посвященные современному культурному процессу, освещению и анализу вопросов народного образования, художественной культуры, архитектуры, физической культуры, спорта и туризма — всего опубликовано 29 монографий, книг, учебно-методических пособий, 8 сборников статей и брошюр. Разработаны концептуальные основы введения в учебный процесс вузов РБ нового курса «История культуры Башкортостана с древних времен до наших дней», вышли из печати программы и учебно-методические комплексы для студентов (7 изданий), комплект научных и учебных материалов «История культуры Башкортостана» в 9-ти выпусках. В 2000 г. изданы учебные пособия для студентов вузов «История культуры Башкортостана в X—XIX вв.» на башкирском языке и «История культуры Башкортостана X—XX веков» на русском языке. Подготовлена к изданию хрестоматия для студентов по новому учебному предмету.

Таким образом, к началу XXI столетия исследователи гуманитарных наук, несмотря на переживаемый нами трудный период, оказались на достаточной высоте. Сотрудниками ИИЯЛ УНЦ РАН только в 2000 г. изданы 34 работы объемом 380 печатных листов, в том числе 9 монографий, 4 словаря, 9 учебников, 12 сборников статей и препринтов. Защищено 3 докторских и 11 кандидатских диссертации. Работали шесть экспедиций археологов, этнографов и филологов. Выступили инициаторами и организаторами шести региональных и республиканских научно-практических конференций, приняли участие в работе 7 международных заграничных конференций, 20 международных и российских, 15 региональных и 14 республиканских конференциях, результаты исследований доложены в 130 докладах и сообщениях. В по-

следние годы установлены контакты и ведутся совместные исследования с научными учреждениями Турции, Венгрии, США, Финляндии, Германии и др.

Одним словом, широкий спектр научной проблематики исследований, проводимых в Институте истории, языка и литературы УНЦ РАН, свидетельствует о высокой квалификации этого научного коллектива и становлении его как центра гуманитарных исследований на Южном Урале.

С. В. Денисов

Самарский государственный университет

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ В СССР В КОНЦЕ 20-Х — НАЧАЛЕ 50-Х ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблема хронологических рамок и периодизации массовых репрессий является одной из важных теоретических проблем общей темы массовых репрессий. От того, как тот или иной исследователь решает для себя этот вопрос, во многом зависят все дальнейшие теоретические и эмпирические построения. Рассмотрение и анализ существующих в настоящее время подходов к решению вопроса о хронологических рамках призваны помочь исследователям отличать проявления политики репрессий от политики массовых репрессий и политики массовых репрессий от политики красного террора периода гражданской войны, а также политики ужесточения дисциплины и карательных мер периода Великой Отечественной войны. Историографический анализ вопроса о периодизации политики массовых репрессий даст представление исследователям о современном состоянии проблемы и поможет отделить друг от друга основные репрессивные кампании и установить причинно-следственную связь между событиями экономической, политической, культурной жизни и проявлениями политики массовых репрессий.

Проблема хронологических рамок политики массовых репрессий до настоящего времени в литературе прямо не ставилась. Однако исследователи не могли обойти этот вопрос и в каждом конкретном случае исходили из того или иного ее понимания. В настоящей работе предполагается рассмотреть, как решается эта проблема в массовом историческом сознании, в публицистической и научно-публицистической литературе.

Современное массовое историческое сознание является памятью народа, формирующей основы представлений исследователей по проблеме хронологических рамок массовых репрессий. В массовом сознании до настоящего времени сохраняется представление о том, что репрессии ограничивались лишь периодом «большого террора» 1937—1938 гг.

Именно событиям этого времени посвящено наибольшее количество произведений современной беллетристики, затрагивающих тему массовых репрессий. О причинах этого явления впервые пишет в конце 80-х годов Д. А. Волкогонов: «37-й год в общественном сознании считается апогеем насилия и беззакония в нашей стране. Он коснулся в значительной мере интеллектуального слоя общества, поэтому неудивительно, что об этом так много пишут, превратив этот период в эпицентр общественного внимания»[1]. На наш взгляд, данная точка зрения в целом дает удовлетворительное объяснение причин возникновения понятия «37-й год».

В исторической публицистике политика массовых репрессий занимает временной промежуток с конца 20-х до конца 30-х гг. В большинстве работ жанра научной публицистики хронологические рамки продляются до 1953 г. — до смерти И. В. Сталина. Примером научно-публицистического подхода может служить мнение В. М. Курицына: «Когда речь идет о массовых репрессиях..., то обычно говорят о 1937 годе. В действительности волна репрессий началась еще в конце 20-х годов и завершилась в начале 50-х годов со смертью Сталина. Однако апогея эти репрессии достигли в 1937 году. Поэтому именно этот год и запечатлен в памяти народа как страшный год «ежовщины»...[2] Это, пожалуй, единственный случай прямого указания автором хронологических рамок политики массовых репрессий. Точка зрения автора совпадает с общественным сознанием — с 1937 годом как пиком репрессий.

Из-за отсутствия у исследователей специального обоснования решения ими проблемы хронологических рамок представляется целесообразным рассмотреть те, из которых авторы имплицитно исходят в своих работах. Д. А. Волкогонов при определении периодизации крайними точками политики массовых репрессий считает 1929 г. — конец 40-х гг.[3] Но если первая дата, по определению автора, совпадает с началом

---

[1] Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. Кн. 1. Ч. 2. М., 1989. С. 18.

[2] Курицын В. М. 1937 год: истоки и практика культа (Вместо введения) // Возвращение к правде. М., 1988. Вып. 1. С. 7.

[3] Триумф тирана, трагедия народа: Беседа с Д. А. Волкогоновым и Р. А. Медведевым // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 280.

политики коллективизации, то вторая не обосновывается никак. В данный период не попадает ни Шахтинское дело (1928 г.), ни дело врачей (конец 1952—1953 гг.).

Более расширенно устанавливает хронологические рамки политики массовых репрессий Р. А. Медведев. Делает он это также в рамках определения периодизации данной политики. Его мнение: массовые репрессии начались в 1927—1928 гг. после победы Сталина над объединенной «левой» оппозицией и закончились в 1947—1953 гг., когда прошло «ленинградское дело» и развернулась борьба против «космополитов» и «врачей-убийц»[1]. Это на сегодняшний день наиболее широкая и самая обоснованная трактовка хронологических рамок. Еще раньше, с гражданской войны, «начинают» политику массовых репрессий ряд авторов-публицистов, для которых нет различий между красным террором и массовыми репрессиями[2].

Определение хронологических рамок и периодизации политики массовых репрессий можно найти также в приводимых различными авторами статистических данных, говорящих об изменении количества заключенных в рассматриваемый период. Возьмем, к примеру, статистику С. Овсеенко, который предлагает динамику изменения количества заключенных в ИТУ в России и СССР в 1915—1960 гг. Если внимательно изучить приведенные автором цифры, то, очевидно, что массовые репрессии начинаются с 1929 г. — резкий рост численности заключенных и заканчиваются в 1953 г. — резкое падение[3]. Однако такой подход необходимо подкреплять другими статистическими данными, например, сведениями о характере обвинений, по которым было осуждено большинство заключенных.

Таким образом, изучив ситуацию с определением хронологических рамок политики массовых репрессий, можно сделать вывод, что данная теоретическая проблема только входит в стадию постановки вопроса. Отдельные упоминания тех или иных ограничительных дат носят случайный характер.

---

[1] Медведев Р. Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. № 48.

[2] См. напр.: Попков Е. Н. И скорбь, и память и покаяние // Белая книга. Самара, 1997. Т. 3. С. 8; Гинцберг Л. И. По страницам «особых папок» политбюро ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 17.

[3] Овсеенко С. Путь в Совет Европы для России не должен лежать через тюрьму // Российские вести. 1994. 15 ноября. С. 1—2.

Более изученным и разработанным является вопрос о периодизации политики массовых репрессий. В рамках проблемы репрессий наиболее активно изучаемыми являются два аспекта: 1) об общей периодизации политики массовых репрессий; 2) о дате начала «большого террора».

В данной работе рассмотрим вопрос об общей периодизации политики массовых репрессий. Эта проблема встала перед исследователями в конце 80-х — начале 90-х гг. в момент перехода от публицистического к научно-публицистическому этапу изучения проблемы массовых репрессий. С того времени существенного продвижения в ее решении не наблюдается. В настоящее время исследователи пренебрегают постановкой и решением данного теоретического вопроса.

Нам удалось выявить три попытки, относящиеся к концу 80-х — началу 90-х гг., дать периодизацию политики массовых репрессий. Принадлежат они Д. А. Волкогонову, В. М. Курицыну и Р. А. Медведеву.

У Д. А. Волкогонова можно обнаружить как определение этапов самой политики массовых репрессий, так и эволюции «идеи насилия», в рамках которой и проводились репрессии. Однако во втором случае автор не дает временной привязки, а механическое сопоставление двух периодизаций, как будет видно из примеров, не дает никакого результата.

Периодизация репрессий Д. А. Волкогонова: «Репрессии накатывались волнами. Первая волна — 1929—1933 годы. «Революция» сверху на селе. Вторая волна — самый пик репрессий — 1937—1938 годы. И волна третья — конец 40-х годов (хотя с 1947 года и была отменена смертная казнь)... Это была заключительная сталинская волна, меньшая, чем в конце 30-х, но и тогда в лагерях находились постоянно 2,5—3 миллиона человек»[1].

Определение этапов развития идеи насилия: «Возможно, эволюция сползания к идее насилия как универсального средства прошла ряд этапов. Вначале — борьба против реальных врагов, а они были; затем — ликвидация личных противников; дальше уже действовала страшная инерция насилия; наконец, насилие стало рассматриваться как показа-

---

[1] Триумф тирана, трагедия народа: Беседа с Д. А. Волкогоновым и Р. А. Медведевым // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 280.

тель преданности»[1]. Как можно заметить, в первом случае периодизация выстроена без какого-либо критерия, определявшего бы сущность выделенных этапов. Во втором в качестве критерия выступает направленность массовых репрессий, но нет никакой датировки.

В. М. Курицын находит критерий в направленности репрессий: «Если репрессии конца 20-х — начала 30-х годов были направлены против остатков кулачества, нэпманов, зажиточных слоев населения деревни и города, старой интеллигенции, то, начиная с декабря 1934 года, они, расширяясь, втягивали в свой круговорот другие социальные слои... в середине и во второй половине 30-х годов они обрушились на партийный и советский аппарат, командный состав армии, широкий слой хозяйственников»[2]. Выделение этапов у В. М. Курицына нечеткое, для второго не остается временного промежутка. Плюс к этому автор заканчивает разбивку на периоды концом 30-х гг., совершенно не касаясь репрессий военного и послевоенного времени.

Наиболее полно периодизация политики массовых репрессий представлена Р. А. Медведевым. Автор раскрывает сущность каждого периода и его социальную направленность, что и является критерием их выделения. Следует, правда, заметить, что конкретные этапы у автора четко не выделены, их разграничение было проведено нами, исходя из контекста работы:

1-й этап — 1927—1928 гг.: «Первая волна массовых репрессий прошла уже в 1927—1928 гг., после победы Сталина над объединенной «левой» оппозицией. Жертвами ее стали тогда десятки тысяч троцкистов и зиновьевцев...».

2-й этап — 1929—1932 гг.: «Пора сплошной принудительной коллективизации продолжалась примерно четыре года (1929—1932). Это была невиданная по масштабу репрессивная кампания по «раскулачиванию». (Следует заметить, что автор неверно определяет хронологические рамки политики коллективизации.)

3-й этап — 1933 г.: «Следующая страшная эпопея, связанная с политикой Сталина, — это голод 1933 г.».

---

[1] Волкогонов Д. А. Феномен Сталина // Литературная газета. 1987. 9 декабря.

[2] Курицын В. М. 1937 год: истоки и практика культа (Вместо введения) // Возвращение к правде. М., 1988. Вып. 1. С. 42—43.

Спад репрессий — 1934 г.: «Может быть, только 1934 г. обошелся без каких-либо массовых репрессивных кампаний, хотя и в этот год шли аресты, раскрывались группы «контрреволюционеров». Однако уже в самом конце этого «спокойного» года, после убийства Кирова, начались аресты среди «зиновьевцев», а вскоре массовая акция выселения чуждых элементов из Москвы, Ленинграда и некоторых других городов».

4-й этап — 1937—1938 гг.: «В 1937—1938 гг., по моим подсчетам, было репрессировано от 5 до 7 миллионов человек: около миллиона членов партии и около миллиона бывших членов партии в результате партийных чисток конца 20-х и первой половины 30-х гг.; остальные 3—5 миллионов — беспартийные, принадлежавшие ко всем слоям населения».

5-й этап — сокращение и изменение характера и географии репрессий — 1939—1940 гг.: «В 1939—1940 гг. масштабы репрессий сократились. Вернее, изменились их характер и география. Массовые аресты прошли в западных районах Украины и Белоруссии... В 1940 г. начались аресты в Прибалтике, Бессарабии и Северной Буковине. Общее число жертв этих репрессий, включая депортацию, можно определить примерно в 2 миллиона человек».

6-й этап — репрессии периода Великой Отечественной войны: «Война не остановила карательной политики. Уже в 1941 г. было выселено на Восток все население автономной республики немцев Поволжья и вообще все советские немцы...

В 1942—1943 гг. деятельность органов НКВД была все же переориентирована на нужды войны... Однако уже в конце 1943 г. и весь 1944 г. органы НКВД начинают все более и более заниматься привычным для себя делом. По решению ГКО были выселены на Восток калмыки, чеченцы, ингуши, крымские татары, карачаевцы и некоторые более мелкие национальные группы — часть греков, курдов и других».

«На органы НКВД легла огромная работа по «фильтрации» населения недавно оккупированных районов СССР, освобождаемых Красной Армией».

7-й этап — репрессии послевоенного периода — 1945—1946 гг.: «Победа принесла свободу оставшимся в живых узникам лагерей военнопленных и миллионам жителей оккупированных территорий, угнанным на принудительные работы в

Германию. Все эти люди прошли через так называемые временные «фильтрационные» лагеря... Многие отправились в лагеря на Колыму, в Казахстан, в Норильск».

8-й этап — 1947—1953 гг.: «В 1947—1953 гг. мы пережили немало новых репрессивных кампаний. Было и «ленинградское дело», и борьба против «космополитов», и против «врачей-убийц»... Продолжались и аресты... по всем вообще пунктам 58-й статьи Уголовного кодекса»[1]. Данная периодизация, на наш взгляд, нуждается в строгой доказательной базе.

Таким образом, рассмотрев современное состояние проблемы хронологических рамок и периодизации политики массовых репрессий, можно сделать следующие выводы: вопрос о хронологических рамках в литературе специально не анализируется. Авторы исходят из представлений, сформировавшихся под воздействием массового сознания, устанавливая хронологические рамки в зависимости от того, к какому жанру принадлежат их исследования: расширительное понимание обнаруживается в публицистической литературе — 1917—1953 гг., научная публицистика ограничивает период концом 20-х — началом 50-х гг., в массовом историческом сознании зафиксирован 1937 г.; наиболее обоснованной, на наш взгляд, в настоящее время является периодизация, разработанная Р. А. Медведевым.

---

[1] Медведев Р. Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. № 48.

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Р. Н. Рахимов

Башкирский государственный университет

АМЕРИКАНСКИЙ ФРОНТИР И ОРЕНБУРГСКАЯ ПОГРАНИЧНАЯ ЛИНИЯ: НОВЫЙ ПОДХОД К ИСТОРИИ ЮГО-ВОСТОКА РОССИИ

На рубеже XX—XXI вв. острым становится вопрос использования новых методов исторического исследования, привлечения в историю достижений лингвистики, социологии, математики, географии. Бесспорно, применение количественных методов дает возможность по-иному взглянуть на многие процессы, протекавшие в прошлом. Многие ученые начинают активно использовать методы исследований, известные в западной историографии и недоступные нам до недавнего времени. Продуктивным по отношению к истории юго-востока России может быть использование понятия «фронтир» — «подвижная граница», широко используемого в американской историографии.

До недавнего времени понятия «фронтир», «фронтирный опыт» не имели своего применения в истории России. Впервые он был выдвинут известным американским историком Ф. Д. Тернером в 1893 г. в докладе «Значение границы в американской истории» (опубл. в 1894 г.).[1] По Ф. Д. Тернеру, фронтир (Frontier — граница) — это место, где проходила наиболее быстрая и эффективная американизация переселенцев из Старого Света и где постоянно воспроизводились условия, в которых формировались специфические американские институты. Развивая концепцию Тернера, исследователи

вкладывают разное содержание в понятие «фронтир», трактуя его как «подвижную границу» между заселенной и незаселенной территориями, как «место встречи дикости и цивилизации» и т.д. Для нас важно то, что, используя именно модель фронтира, западные исследователи (прежде всего, конечно, американские) достаточно продуктивно изучают историю ряда регионов России.[2] В последнее время и в нашей исторической литературе стали появляться работы, так или иначе связанные с понятием «фронтир». Так, фронтир как границу между освоенными и неосвоенными поселениями, землями трактует «Словарь исторических терминов».[3] В 1996 г. в Томске прошла научная конференция «Американский и Сибирский фронтир (фактор границы в американской и сибирской истории)», на которой рассматривались различные теоретические и прикладные аспекты истории фронтира в Сибири.[4] Также вышла и наша публикация, посвященная фронтиру России и США.[5]

Естественно, понятие «фронтир» для российской истории имеет несколько иное содержание, нежели заложенное в него Ф. Д. Тернером в конце XIX в. Какие основные компоненты фронтира мы можем очертить, применяя его к российской истории? В первую очередь, это перемещающаяся постепенно, по мере освоения и интеграции, в состав государства территория, пограничная линия, обычно представленная в виде цепи фортов, редутов, крепостей, форпостов, связанных между собой. Это Оренбургская, Сибирская, Ишимская, Уральская, Кавказская линии. Во-вторых, особые воинские формирования, несшие службу на линии, — казачество, милицейские части, специальные полевые батальоны и т.д. Регулярные части армии практически не привлекались к пограничной службе, а если и привлекались, то это было, скорее всего, исключением, а не правилом. Характерным в этом отношении является объяснение государственного казначея Голубцова по поводу государственного бюджета 1794 г. на предложения сенаторов Державина, Храповицкого и Новосильцева вместо наряда на границу калмык, для содержания которых назначается 39300 руб., заменить их отрядом из карабинерных полков, т.е. регулярных войск. В нём говорится, что «издержка на калмык не столь велика, в сравнении того, что ими оберегается тамошняя граница; да и нет удобности заменить их карабинерными полками, коих служба для того несвойственна».[6] Несомненным атрибутом фронтира явля-

лось привлечение местных жителей к воинской службе, которая регламентировалась государством. Такими были Калмыцкое войско, созданное в 1739 г.; Башкиро-мещерякское войско, официально оформившееся в 1798 г., но существовавшее де-факто уже с конца XVI в.; Крымское татарское войско (1784); Греческое (Албанское) войско (1775); Литовские татарские полки (1797), Ногайские полки (1802); Туркменский конный дивизион (1885), Китайский туземный отряд (1905); Кавказские милиции, полки и ополчение XIX в.; Якутский казачий полк; бурятские полки в составе Забайкальского казачьего войска.

Следующим компонентом Российского фронтира являлась гибкая национальная политика, проводимая правительством. Русское население границы не отторгало, а активно впитывало в себя местный уклад, традиции, обычаи. Примером могут служить заимствования кавказского костюма и оружия терскими казаками, тюркские влияния на тактику, язык, традиции, быт Яицких, Сибирских, Донских и Оренбургских казаков. Одновременно правительство стремилось разъединить, противопоставить одни нерусские народы другим, используя сословное деление, предоставление привилегий, либо просто натравливая их, как это было с башкирами и казахами в 1756 г.

Характерной особенностью фронтира являлась земельная политика государства, которая была направлена на обеспечение лояльного отношения местного населения к нему и одновременно на обеспечение вновь заселяемой границы землей под крепостное строение и раздачу ее поселенцам.

К фронтирному фактору мы отнесем также и веротерпимость правительства, проявляемую им в течение всего периода существования. От попыток насильственной христианизации, послуживших поводом для башкирских восстаний 1681—1684, 1704—1711 гг., до учреждения 22 сентября 1788 г. в Уфе Оренбургского мусульманского собрания. Все это было связано с тем, что правительство, продвигая границу на юг, вынуждено было осознавать наличие в России существенного исламского фактора, который в истории Российского государства становится все более значительным.[7] Американский исследователь Р. Бауманн в своем исследовании о нерусских народах в Российской армии выделяет следующие закономерности: 1) русские с готовностью пользовались туземными силами в пограничных регионах и не отказывались

от этой практики даже встретив сопротивление среди рекрутированных; 2) национальные отряды сослужили хорошую службу империи и с военной и с социальной точек зрения; 3) введение всеобщей воинской повинности и осуществление национальной политики усилило меры по разложению иррегулярных национальных отрядов в районах, попавших под контроль России, и полной интеграции инородцев в регулярную армию; 4) никакое политическое давление не может быть альтернативой реальному факту проживания в империи.[8]

Конечно, выработка определенной модели фронтира является ближайшей задачей для исследователей, но один аспект мы должны выделить особо. Это доминанта военной необходимости, военного фактора над всеми остальными. Именно ему были подчинены социальный, экономический, конфессиональный фактор. Такое понимание дает возможность отказаться в таком случае от термина «колонизация», который применялся историками XIX — нач. XX вв. и не мог во всем объеме объяснять происходящие на осваиваемой территории процессы.[9]

Исходя из этого мы можем выделить следующие фронтиры России, существовавшие в разные периоды времени, между XVI — нач. XX вв. Это Сибирь, Кавказ, Южный Урал, Дальний Восток. К фронтиру можно отнести территории Донского, Терского, Яицкого казачьих войск в ранний этап их истории (XI—XVI вв.).

Применительно к истории Южного Урала мы можем дать хронологические рамки фронтира, выделить этапы. Нам представляется вполне уместным считать начало фронтира с 1574 г., т.е. с момента возникновения первого укрепленного пункта Уфы, строившегося с согласия самих башкир. Завершает фронтирный период истории Южного Урала 1865 г., когда Башкирское войско было упразднено. И несмотря на то, что в 1874—1882 г. существовал Башкирский конный полк, дата 1865 г. остается. Дело в том, что с 1864 г. российские войска начали завоевание Туркестана, и припограничный характер жизни региона переместился далеко на юг. Башкортостан из окраины превратился в российскую глубинку. Внутри данного периода (1574—1865) мы выделяем два этапа. Это этап предфронтира (1574—1734) и этап непосредственно фронтира (1734—1865).

Первый этап характеризуется строительством отдельных опорных пунктов: Уфы, Мензелинска, Осы, Табынска, Бир-

ска, острогов в Зауральской Башкирии. Создается местное служилое население, Уфимское городовое казачье войско, на службу верстаются новокрещены, смоленская и полоцкая шляхта.[10] С конца XVI в. (1586) яицкие казаки стали принимать участие в службе Российскому государству. Первое жалование казны на Яик произошло в 1660 г.[11] Регулярно же оно начало поступать с начала 1680-х гг. после участия яицких казаков в подавлении башкирского восстания 1681—1684 гг. На этапе предфронтира в 1651—1656 гг. государство строит первую оборонительную линию — Закамскую, состоявшую из крепостей. Характерно, что она находилась на Западных границах Башкортостана, т.е. он еще не стал припограничной территорией, не стал фронтиром, границей в полном смысле этого понятия. Такое особое положение региона подтверждается и Соборным уложением 1649 г., по которому русским людям разного звания запрещалось приобретать у башкир их земли, а взаимоотношения между Москвой и Яиком осуществлялись через Посольский приказ.

Уже на этом этапе правительство активно использовало башкир в качестве иррегулярной конницы российской армии. Башкиры приняли участие в Ливонской войне, в экспедициях против Сибирского хана Кучума в конце XVI в. В 1635 г. башкиры вместе с русскими разбили под Уфой войска сибирских царевичей Аблая и Тевкеля, а зимой 1643—1644 гг. воевали с калмыками.[12] Затем башкиры приняли участие в Крымском походе 1687 г., в Азовских походах 1695—1696 гг., Северной войне с 1709 по 1721 г.

Начало второго этапа мы датируем 1734 г., т.е. с деятельностью Оренбургской экспедиции, которая, собственно, и начинает историю фронтира. Заканчивается он 1865 годом.

Из проектов В. Н. Татищева, И. К. Кирилова и А. П. Волынского в отношении края правительство принимает проект И. К. Кирилова, который объединял идеи, заложенные в планах всех трех авторов. Основная задача проекта Кирилова — начало широких связей России с Казахстаном и Туркестаном, укрепление позиций государства в Башкортостане, создание условий для успешной торговли с восточными странами. По сути, это был план превращения Башкортостана в плацдарм для дальнейшего продвижения России на Восток.

В границах действия этого плана было завершено строительство Новой Закамской линии (1731—1736) и одновре-

менно начато строительство Оренбургской пограничной линии строительством Верхнеяицкой крепости и Оренбурга в 1735 г.[13] За короткий промежуток времени (1735—1743) были построены десятки укреплений и крепостей. К строительству крепостей государство привлекало регулярные войска, русских крестьян, башкир, тептярей и бобылей, служилых людей, разного рода ссыльных. В 1748 г. из Уфимских, Самарских, Табынских, Исетских казаков формируется правительством Оренбургское нерегулярное войско, а с 1755 г. утвержден его штат. В данном случае государство само создавало казачье войско для несения пограничной службы. Однако и его не хватало. Поэтому с 1748 г. на службу наряжались башкиры, служилые татары и мишари. Поскольку служба на границе становится одной из главных, с башкир в 1754 г. снимается обязанность платить ясак. На пограничную линию башкиры и мишари ежегодно направляли от 5500 до 10500 человек. Кроме пограничной службы башкиро-мещерякское войско привлекалось к участию в походах Российской армии во время Семилетней войны, Русско-шведской войны в конце XVIII в., Русско-французской войны 1805—1807 гг., Отечественной войны 1812 г., Заграничного похода 1813—1814 гг., Русско-польской войны 1830—1831 гг., Хивинском походе 1839 г., Крымской войне 1853—1856 гг. Такого рода участие еще более интегрировало их в военную структуру Российской империи. Башкиро-мещерякское войско, особенно в 1798—1865 гг., становится весомым компонентом, имевшим боевой опыт в иррегулярных войсках на юго-востоке России.

На протяжении всего фронтирного периода истории Башкортостана (1574—1865) государство сохраняло вотчинное право башкир на землю и ислам среди башкир. Оба этих фактора играли роль условия несения башкирами воинской службы. Т.е. башкиры несли службу на условиях сохранения вотчинного права на землю, что для правительства было намного выгодней.

Подводя итог освещения истории Южного Урала второй пол. XVI — первой пол. XIX вв. в контексте рассмотрения ее через призму идеи фронтира, мы можем с известной долей уверенности признать существование его в 1574—1865 гг. Такой подход, с условием его дальнейшей разработки, позволит по-новому взглянуть на историю края, а также иметь возможность сравнительного анализа мероприятий Российского правительства в других сферах. Более того, с 1865 г.

фронтир для Южного Урала не кончается. Период 1865—1917 гг. при определенного рода условиях можно считать периодом постфронтира.

Примечания

1. Словарь американской истории с колониальных времен до первой мировой войны. СПб., 1997. С. 586—589.

2. Thomas M. Barrett Lines of Unicertainty: The Frontiers of the North // Slavic review. 1995. Vol. 54. № 3. P. 578—601; Joseph L. Wieczynski The Russian Frontier, Charlottesville. 1976; George V. Lantzeff, Richard A. Pierce. Ceastward to Empire: Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier to 1750. Montreal, 1973; Judith Pallot, Denis J. P. Shaw. Landscape and Settlement in Romanov Russia, 1613—1917. Oxford, 1990; Bruce W. Menning. The Army and Frontier in Russia // Transformation in Russia and Soviet Military History. Washington 1990. P. 25—38; Bruce W. Menning. Military Institutions and the Steppe Frontier in Imperial Russia, 1700—1861 // International Commission of Military History, ACTA 5. Bucharest, 1981. P. 174—194 и т.д.

3. Словарь исторических терминов / Сост. В. С. Симаков. СПб., 1998. С. 402.

4. Американский и Сибирский фронтир: Материалы международной научной конференции «Американский и Сибирский фронтир (фактор границы в американской и сибирской истории)». 4—6 октября 1996 г. Американские исследования в Сибири. Вып. 2. Томск. Томский гос. ун-т, 1997. 304 с.

5. Рахимов Р. Н. Американский и российский фронтир: продвижение пограничных линий в XVI—XIX вв. // Материалы юбилейной науч.-практ. конф. преподавателей историч. ф-та, посвященной 40-летию Башкирского ун-та. Уфа, 1997. С. 48—49.

6. Дополнение сенаторов Державина, Храповицкого и Новосильцева о бюджете 1794 года и объяснение на оные государственного казначея Голубцова // Сборник Русского исторического общества. Т. 1. СПб., 1867. С. 349.

7. Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С. 42.

8. Бауманн Р. Подвластные народы на военной службе в Российской империи: на примере башкир // «Любезные вы мои...». Уфа, 1992. С. 137—138. Данная работа впервые была опубликована в 1987 г. в Slavic Review. 1987. Vol. 46. № 3/4. P. 489—502.

9. Фирсов Н. А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель // Ученые записки Казанского университета. Т. 6. 1871; Новиков В. Очерк колонизации Башкирского края // Историческая библиотека. 1878. № 12; Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996 и др.

10. Депутатские наказы от дворян Оренбургской губернии. На-

каз от Смоленских шляхтичей, живущих в Уфимском уезде // Сборник Русского Исторического общества. Т. 93. СПб., 1894. С. 12.

11. История казачества Азиатской России. Т. 1: XVI — первая половина XIX вв. Екатеринбург, 1995. С. 107.

12. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956. С. 105—106.

13. Буканова Р. Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997. С. 97.

М. Ю. Гурова

Башкирский государственный университет

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА XVIII ВЕКА

История Южного Урала, т.е. Башкирии и Оренбуржья, была предметом исследований ученых уже с XVIII в. Ярким примером таких работ являются труды П. И. Рычкова, П. С. Палласа, И. Г. Георги. Разумеется, стержневой проблемой истории юго-востока России была военная история, поскольку Южный Урал и Приуралье представляли собой пограничную территорию государства в XVII — первой пол. XIX вв. Пограничная линия, Уральское и Оренбургское казачьи войска, Башкиро-мещерякское и Калмыцкое иррегулярные войска, Закамская ландмилиция, боевые действия на границе, подавление башкирских восстаний, Крестьянская война 1773—1775 гг. — вот круг основных проблем военной истории края.

Все эти вопросы в той или иной степени подвергались изучению и были достаточно подробно освещены в монографической литературе в дореволюционной, советской, российской и зарубежной историографии. Тем не менее нам кажется возможным выделить несколько стержневых проблем военной истории Южного Урала, которые до сегодняшнего дня не нашли своего места в исследованиях историков.

Так, например, не нашла своего отражения в специальных исследованиях ранняя история Оренбургского казачьего войска — с 30-х годов по 90-е годы XVIII в. Вышедшие в последнее время некоторые публикации, к сожалению, опираются не на новые источники, обнаруженные в архивах, а являются компиляциями работ историков казачества конца XIX — начала XX в. Эта тенденция не обошла и некоторые многотомные обобщающие труды.

Нам представляется актуальным изучение социального состава Оренбургского казачества в XVIII в., его этнической истории. Этнографические и фольклорные материалы свидетельствуют о влиянии тюркской культуры и серьезных заимствований из культур других славянских народов. Насколько такое влияние способствовало формированию менталитета оренбургского казака и казачки?

Этнографические исследования и наблюдения современников показывают, что два соседних войска, Яицкое и Оренбургское, одновременно неся одинаковую пограничную службу, серьезно различались между собой. И дело здесь не только в том, что Яицкое войско возникло самостоятельно и раньше, не только в воздействии религиозного фактора. Вероятнее всего, корень проблемы скрыт в ранней истории оренбургских казаков.

Другим неизученным вопросом военной истории Юго-восточной границы России является строительство Закамских линий. Сам фактор строительства в XVII в. линий, отделявших государство от территории башкир, уже вошедших в Российское подданство в конце XVI в. и имевших с 1547 г. на своей территории крепость (затем город Уфу), вызывает интерес. Не менее интересным для XVIII в. является строительство в 30—40-е гг. Оренбургской пограничной линии, разделявшей территорию Башкирии, уже интегрированной в состав империи, и казахов Младшего Жуза, с 1731 г. являвшихся официальными подданными России. Этот парадокс с точки зрения административно-территориального устройства государства до сегодняшнего дня не подвергался специальному изучению.

Для истории края в XVIII в. интересной является эволюция Закамской ландмилиции. Созданные по образцу немецкой, Украинская и Закамская ландмилиции должны были удешевить содержание военной силы на границах. Однако этот эксперимент не удался. К 80-м годам XVIII в. Украинская ландмилиция эволюционировала в сторону превращения ее частей в полки российской регулярной армии: гусарские, пикинерные, легкоконные, карабинерные. Закамская ландмилиция эволюционировала сразу в двух направлениях: Алексеевский (впоследствии Алексопольский) пехотный ландмилицкий полк стал пехотным полком регулярной армии, просуществовав до 1918 г. Драгунские же полки эволюционировали в иррегулярную кавалерию, пополнив Оренбургское казачье войско.

Особый вопрос: состав офицерского корпуса Оренбургской линии. А. С. Пушкин в «Капитанской дочке» точно подметил его неоднородность: инвалиды, старые по возрасту военные и значительный элемент высланных из гвардии за нарушения офицеров. Насколько такой состав мог удовлетворять интересам службы на линии, каким был процент

проштрафившихся офицеров? Таким образом, ключевыми для военной истории Южного Урала являются вопросы, связанные с формированием военной границы и приграничной территории в XVIII в., история казачьих войск, башкир, мишарей, калмык, дворянской корпорации, изучаемые в тесной взаимосвязи друг с другом.

Н. Л. Семенова

Стерлитамакский государственный педагогический институт

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ОКРАИНАМИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII—XIX ВВ. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ)

Сегодня становится очевидным, что прошел период «исторического бума» 80—90-х гг. XX в. и интерес общества к истории возвращается как интерес научный, а не только как политический и идеологический. Несмотря на то, что в историографии еще слишком много элементов политической публицистики, которой свойственно использовать историю в качестве союзника или противника, все чаще историки стремятся показать истоки нынешних проблем, охарактеризовать основные тенденции и традиции, определившие современную действительность. Распад СССР поставил вопрос о возможности распада России, о сущности территориально-государственного устройства, превратил вопрос о существовании российской государственности в один из самых острых и актуальных. Историки обратились к проблеме формирования и развития государственного управления в России и пришли к выводу, что она недостаточно полно представлена в отечественной историографии. Хотя опыт государственного строительства Российской империи мог оказаться полезным в совершенствовании общественного управления, самоуправления, создании муниципальных органов власти.

Дореволюционная историография уделяла самое пристальное внимание изучению истории государства и его учреждений в разные периоды истории. В результате этого возникла целая государственная школа, представители которой продемонстрировали глубокое знание юридических норм и создали целостную концепцию истории Российского государства.

Согласно этой теории государство в России представляло наднациональную силу, которая обеспечивала само существование и дальнейшее развитие народа. Дореволюционные историки не рассматривали конкретные вопросы управления отдельными районами империи, но проанализировали пра-

вовое положение некоторых органов местного управления в XVIII—XIX вв.[1]

В отличие от историографии конца XIX — начала XX вв. советские историки более внимательно отнеслись к вопросам истории государственного управления Российской империей. В 20—30-е годы ученые активно начинают изучать историю отдельных регионов, краев, республик. В поле их зрения попали вопросы, касающиеся административной политики царского правительства в Оренбургском крае, Казахских жузах.[2] По мнению исследователей, царское правительство стремилось приблизить управление национальными окраинами к общероссийской системе, при этом проводило колониальную политику. Анализируя социально-экономическое и политическое развитие Оренбургского края в XVIII — начале XIX вв., историки пришли к выводу, что система управления, сложившаяся в это время, преследовала военно-полицейские цели: повышение эффективности военно-сторожевой службы, разобщение многонационального населения края.

Историография 50—60-х гг. начинает приобретать черты политической публицистики, ей было свойственно стремление использовать историю в качестве союзника или противника. Некоторые исследователи начинают рассматривать Оренбургский край как арену острой классовой борьбы, а политику правительства в крае оценивают только с точки зрения борьбы с освободительным движением. Вместе с тем в этот период появились глубокие и всесторонние исследования кантонной системы управления, государственного аппарата Российской империи в XVIII—XIX вв.[3] А. З. Асфандияров убедительно доказал, что политика России в крае определялась необходимостью усиления военно-сторожевой службы, так как Оренбургское и Уральское казачьи войска были малочисленны. Н. П. Ерошкин, рассматривая высшие, центральные и местные органы управления Россией в XVIII—XIX вв., определил специфику управления национальными окраинами России. Появление такого комплексного и обобщающего исследования поставило на повестку дня изучение структуры органов управления на местах. Изучив политику царизма в отношении коренных жителей края в конце XVIII в., М. М. Кульшарипов пришел к выводу, что царизм насаждал в крае военно-феодальные порядки и заботился, чтобы коренное население не проявляло недовольства.

Он считал, что система управления носила полицейский характер, но контроль за низовым аппаратом местного управления был сравнительно слабым.[4]

Важным рубежом в разработке проблемы формирования системы управления в России стала фундаментальная работа П. А. Зайончковского.[5] Он провел анализ количественного и качественного состава губернских администраций в России в XIX в. и пришел к выводу, что половина губернаторов являлась генералами, вторая — чиновниками. По мнению автора, руководители местной администрации в большинстве своем были невежественны и недостаточно сведущи в организации административной власти, а в системе государственного аппарата процветали взяточничество и воровство. Этот вывод был сделан на основе анализа деятельности московского и виленского генерал-губернаторов. Его нельзя распространять на всех представителей генерал-губернаторского корпуса России. Документы свидетельствуют, что среди них встречались незаурядные личности, которые оставили яркий след в истории отдельных регионов.

Таким образом, научные исследования 50—80-х гг. обеспечили качественно новый уровень изучения истории формирования системы государственного управления в Оренбургском крае и в целом в России. Были созданы фундаментальные труды по ключевым проблемам, не утратившие научной значимости до настоящего времени.

Однако в конце 80-х гг. стало очевидным, что господство одной марксистско-ленинской методологии значительно обедняет исторические исследования. Происходит поляризация теоретико-методологических взглядов, связанная с отходом от всеобщности и универсальности в понимании сути общественно-исторического развития. Значительно расширяется источниковая база исследований, происходит переосмысление многих исторических фактов и событий, внимание ученых привлекают малоизученные проблемы, в том числе вопросы складывания системы государственного управления в России в разные исторические периоды.[6]

В 90-е гг. возрастает интерес к отдельным представителям администрации Оренбургского края, их жизни и деятельности. Появляются работы, содержащие интересные биографические сведения, анализ деятельности начальников края.[7]

Исследователи пытаются определить структуру управле-

ния военными категориями населения Оренбургского края, выяснить роль казачества в истории региона (А. П. Абрамовский, В. С. Кобзов, В. Ф. Мамонов).

В последние годы заметно обнаружился интерес к теме управления на общероссийском уровне. Об этом свидетельствует выход в 1997 г. сборника статей, посвященного становлению и развитию государственной власти в различных регионах страны.[8] Здесь подробно приводятся административно-территориальные изменения, подчеркиваются особенности управления того или иного региона. В научной литературе заметно оживились дискуссии о путях развития российской государственности.[9] Многие из них были вызваны современными политическими событиями: распадом СССР, образованием независимых государств. Участники дискуссий попытались ретроспективно оценить национальную политику властей Российской империи, положение отдельных народов в составе государства. Некоторые ученые (Т. П. Коржихина, А. С. Сенин) утверждают, что Россия ничем не похожа на колониальные империи Запада: здесь отсутствовало понятие «метрополия», не было юридически господствующей нации, национального угнетения. Они считают, что при анализе развития российской государственности в XVIII—XIX вв. следует оставить в стороне общепринятые в исторических трудах вопросы (внешняя политика, внутренняя политика, экономика, культура), а следует рассмотреть такие аспекты, как форма государства, государственный аппарат, механизм управления, национальное самосознание, идеология. Тем самым намечается новый уровень исследования проблемы становления и развития российской государственности.

Таким образом, обзор отечественной литературы по вопросам управления национальными окраинами Российской империи свидетельствует, что историками накоплен определенный материал теоретического, конкретно-исторического и источниковедческого плана. В центре внимания авторов большинства работ находились отдельные аспекты этой большой и сложной темы: структура управления казачьими войсками, правительственная политика в регионе. Однако нерешенных проблем еще много. Перед историками остаются задачи по изучению вопросов организации власти и управления в Оренбургском крае в разные исторические периоды. Структура управления не изучалась как целостная система в отдельных регионах. Следует обратить внимание на внут-

реннюю организацию государственных учреждений, социально-экономические причины их зарождения, изменения и упразднения, объем их полномочий, степень зависимости от вышестоящего учреждения. Недостаточно изучены личность и деятельность руководителей местной администрации, главных начальников края в разные исторические периоды. Поэтому очевидно, что дальнейшее развитие отечественной историографии будет связано как с разработкой проблем методологического характера, так и с продолжением конкретно-исторических исследований, создающих необходимую базу для анализа и обобщений.

Примечания

1. Градовский А. Д. Политика, история, администрация. СПб.-М., 1871; Его же. Высшая администрация XVIII в. и генерал-прокуроры. СПб., 1904; Его же. Исторический очерк учреждение генерал-губернаторов в России. СПб. 1899; Блинов И. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905.

2. Рязанов А. Ф. Оренбургский край. Исторический очерк. Оренбург, 1928; Его же. 40 лет борьба за национальную независимость казахского народа (1797—1838) Кзыл-Орда, 1926; Вяткин М. П. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой Орде в конце XVIII — начале XIX вв. // Материалы по истории Казахской АССР (1785—1828). М.-Л., 1940. Т. 4.

3. Асфандияров А. 3. Башкирия в период кантонного управления: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1969.; Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.

4. Кульшарипов М. М. Политика царизма в Башкирии (1775—1800 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1978.

5. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1973.

6. Муратова В. Н. Управление Башкирией во второй половине XVI — 40-х гг. XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1991.

7. Футорянский Л. И. Оренбургский губернатор В. А. Перовский // Зобов Ю. С., Футорянский Л. И. Родной истории страницы. Оренбург, 1994; Дорофеев В. В. Василий Перовский и Оренбуржье. Оренбург, 1995.

8. Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997.

9. Национальное государство: теория, история, политическая практика. Круглый стол // Политические исследования. 1992. № 5—6. С. 9—42.

Е. В. Банникова

Оренбургский государственный педагогический университет

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ АЗИИ ЧЕРЕЗ ОРЕНБУРГСКУЮ ГУБЕРНИЮ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЧАСТНОГО КАПИТАЛА)

Развитие российской торговли со среднеазиатскими ханствами, умиротворение обширного, пограничного с этими владениями степного пространства, установление со среднеазиатскими правителями добрососедских отношений издавна составляли постоянную заботу российского правительства и администрации Оренбургского края. В движении на Восток соединялись политические и экономические цели — стремление пополнить государственную казну за счет налогов и податей с подвластного населения, расширить границы, найти новые рынки для молодой российской промышленности.

В Оренбургской губернии в 30-х годах XIX в. существовало 9 таможен и застав, через которые осуществлялась торговля с Азиатскими странами: Оренбургская, Илецкая, Уральская, Калмыковская, Гурьевская, Троицкая, Звериноголовская таможни и Орская и Верхнеуральская заставы.[1]

Наиболее активно внешняя торговля велась через Оренбургскую, Троицкую и Гурьевскую таможни. Причем Оренбургская таможня пропускала более 50% ввозимых товаров и почти 60% вывозимых. Общий баланс внешней торговли Оренбургской губернии в 30-х гг. XIX в. составлял по вывозу около 3 млн. руб. сер., по ввозу — более 4 млн. руб. сер.[2] Таким образом, ввоз товаров в Россию через юго-восточные границы превышал вывоз их в страны Азии, причем разница ввозных и вывозных сумм могла составлять от нескольких десятков до нескольких тысяч рублей серебром.

Баланс внешней торговли был пассивным, что побуждало правительство принимать меры по активизации внешней торговли, ведущейся через Оренбургскую губернию; выяснять причины, мешающие ее развитию, и устранять эти препятствия. Значительное превышение суммой ввозимых товаров суммы товаров вывозимых означало к тому же, что через губернию ведется незаконный и нерегистрируемый вывоз

золота в страны Азии, где оно с большой прибылью сбывается, а на полученные барыши купцы закупают там дополнительный товар, ввозимый затем в Россию. Это также вынуждало российские власти более пристально смотреть за внешнеторговыми операциями, ведущимися в регионе.

Основными предметами ввоза были: скот, ткани, фрукты, чай. Вывозились такие товары, как пшеница, воск, кожи, медь, железо, метизы, лошади, меха. Торговля этими товарами велась в основном в Оренбурге и Троицке на меновых дворах. Среднеазиатские ханства и Казахстан через Троицк вели обмен с Уралом, а через Оренбург — с Центральной Россией.

Особенностью азиатской торговли являлось то, что, по мнению оренбургского военного губернатора П. К. Эссена (1822 г.), «киргизская торговля сия никогда не была в руках зажиточного российского купечества, ибо вымен скота, мягкой рухляди и других ордынских произведений, как-то: шерсти, пуху и прочаго, всегда производится мелочным набором, и самый образ сей мены требует великой навычки иметь дело с сим полудиким, недоверчивым народом, знать совершенно их язык и свойства...».[3]

В обращении к министру финансов Эссен писал, что «оптовой значительной торговли на (Оренбургском) меновом дворе, предоставленной купечеству высших гильдий, не проводится, ибо азиатцы частию товары свои отвозят к позволенным им ярмаркам во внутрь России, да и самих купцов там весьма мало, а большею частию все мещане, которые, ограничиваясь правилами, сему званию Городовым положением присвоенными, не могут в сем отдаленном от внутренних ярмарок пограничном краю иметь никаких способов к поддержанию своего состояния в виде промышленности, как только снискивать оное чрез торг или мену с кочующими заграничными народами...».[4] Поскольку мещанам не предоставляли на меновом дворе ни амбаров, ни лавок для хранения товаров, казна теряла на этом довольно большие суммы, которые могла бы взимать в виде арендной платы и пошлинных сборов. Кроме того, мещане таким образом лишались возможности расширять свою торговую деятельность и переходить в купечество, отчего казна также теряла потенциальных плательщиков купеческих налогов.

В связи с этим на меновых дворах Оренбурга и Троицка Департаментом мануфактур и внутренней торговли было

рекомендовано разрешить торговлю мещанам, крестьянам и «вообще людям всякого состояния». Кроме того, с 1826 по 1831 гг. и с 1836 по 1849 гг. оренбургским купцам 2-й и 3-й гильдий, так же как и крестьянам, торгующим по свидетельствам 2-го и 3-го родов, был дозволен заграничный азиатский торг на правах купцов 1-й гильдии, но без получения личных прав, присвоенных этой гильдии.[5]

Однако и после этих мероприятий внешняя торговля велась мелкими партиями, а качество ввозимых товаров было крайне низким. Об этом очень ярко писал Владимир Иванович Даль в своей повести «Бикей и Мауляна»: «...загляните на оренбургский меновой двор, и вы увидите сами — это хлам и дрязг...; это стеганые бумажные халаты, где подбой и покрышка состоят из бязи, толстой и самой простой выбойки... Далее: это войлоки, по здешнему, кошмы, — это толстые бязи, выбойки, бумажные одеяла, самые грубые ткани и изделия, которые, кажется, не стоят перевозки на сто верст, не только через все пространство степей Турана».[6]

Купцы, приезжающие в Троицк и Оренбург из внутренних российских губерний, торговали с большей выгодой, чем местные оренбургские купцы. Дело в том, что права на ведение торговли у всех купцов были почти одинаковы, но у торговцев иногородних капиталы были больше, торговые компании имели значительный стаж и опыт, торговые связи были более прочными. Поэтому, по словам оренбургского губернатора А. Рейнсдорпа (1770), «...охотнее предпринимают они через 2 или 3 тысячи верст повсегодно сюда приезжать и отъезжать, нежели здесь селиться и умножать число граждан оренбургских, подвергая себя всем тем затруднениям, которые имеет ныне поселенное в Оренбурге купечество».[7]

В 1832 г. купцов, ведущих «азиатский торг», в губернии насчитывалось 22. Из них пятеро были купцами троицкими, девять — оренбургскими, остальные — ростовскими, камышинскими, арскими, малмышскими, верхнеудинскими, нижегородскими.[8]

Помимо отсутствия достаточных капиталов, опыта ведения торговых дел, оренбургские купцы встречались с целым рядом трудностей «азиатского торга». Во-первых, доставка товаров в степь обходилась довольно дорого (издержки составляли до 30%) и была весьма небезопасна. Во-вторых, стараясь побыстрее продать свои товары азиатам, чтобы не тратиться на их содержание, купцы сбывали их по

крайне низким ценам. В-третьих, торговля в основном сосредоточивалась в руках татар и хивинцев, так как азиаты доверяли им больше как своим единоверцам. И, наконец, по мнению оренбургских купцов, торговля в степи приводила к упаду торговли на меновых дворах.

Кроме того, режим торговли в среднеазиатских ханствах был крайне тяжелым для российского купечества в целом. Для купцов вводились повышенные пошлины, у них не было гарантий безопасности личности и имущества. В этих регионах пышным цветом цвели взяточничество и произвол в управлении. К тому же бедность населения Средней Азии не способствовала росту спроса на российские товары.

К слову, нужно отметить, что купцы, приезжающие из Азии, также сталкивались с беззаконием и нарушениями правил торговли. Как писал А. Алекторов, многие российские купцы обнаруживали «умение торговать там, где плохо лежит, способность пользоваться смутным временем, чтобы вручить азиатцу за его добро никуда не годный хлам и втридорога».[9] Ему вторил В. И. Даль: на меновом дворе Оренбурга «были и приписные и беглые мещане, отбивающие у первых (купцов) меновой торг с кайсаками, коим отсыпают нередко щедрою рукой за барана несколько помадных банок нюхательного табаку да мерочку муки, пополам с золою, с известью и песком...»[10]

В 1831 г. оренбургский военный губернатор П. П. Сухтелен обратился к начальнику Оренбургского таможенного округа и местному полицмейстеру с просьбой освидетельствовать на Оренбургском меновом дворе все ящики и лари с мукой и крупой, поскольку до него дошли сведения «о примеси торгующими вредных веществ в съестные припасы и особенно муку» из жадности.[11]

Помимо мер, обеспечивающих соблюдение правил торговли, местная администрация постоянно заботилась об обеспечении безопасности торговых путей в Азию. В 1807 г. военный губернатор Г. С. Волконский совместно с директором Оренбургской таможни П. Е. Величко представил правительству «Предложения... об улучшении оренбургской торговли с Верхней Азией», содержавшие идею организации большого вооруженного каравана с участием крупнейшего российского купечества. Однако эта идея так и не была осуществлена. В 1819 г. по просьбе Величко был разработан «Проект об усилении российской с Верхней Азией торговли

через Хиву и Бухару». Согласно этому проекту необходимо было снарядить против Хивы военную экспедицию, занять ее и создать здесь надежный оплот на Востоке, отворив «врата для нашего купечества препровождать богатые индийские товары».[12]

При губернаторе П. К. Эссене в 1824 г. для защиты торговых караванов российских купцов было решено «снабжать караваны воинским отрядом под начальством благонадежного офицера. Издержки оплачивать из таможенных сборов, через усиление пошлин на товары».[13] Однако даже вооруженные отряды не могли прекратить нападений на торговые караваны и их разграбления. Совершенно разорившимся купцам, которые вследствие разграбления торговых караванов оказались не в состоянии расплатиться со своими кредиторами, правительство оказывало «материальную помощь», компенсируя часть потерянных капиталов. Однако не все купцы пользовались этой «монаршей милостью», поскольку долги приходилось возвращать и зачастую с процентами.[14]

В результате влияния вышеназванных причин к середине XIX в. экспорт русских товаров в Азию находился в состоянии застоя. Хотя в то же время увеличивался вывоз русских товаров в Казахстан, территория которого постепенно включалась в состав Российской империи, что облегчало торговые связи между государствами.

Таким образом, экономическая политика Российского государства по отношению к странам Азии была в первую очередь подчинена политическим международным и фискальным интересам, желанию «закрепиться» в Азии. Именно этими стремлениями объясняются попытки установить безопасные караванные пути, расширить круг лиц, имеющих право заниматься внешней торговлей. В то же время серьезных мероприятий по развитию именно азиатской торговли практически не проводилось. Правительство не стремилось усилить региональное купечество, торговля с Хивой, Бухарой, Кокандом, Китаем и т.д. развивалась стихийно, «на страх и риск» местных торговцев. Не существовало никаких торговых представительств России в странах Азии, что могло бы упорядочить торговые связи между ними. Кроме того, за привозимые из Азии товары взимались одинаковые пошлины и с российских, и с азиатских купцов; азиатам было дозволено торговать повсюду внутри Империи, что отрицательно сказывалось на купечестве российском. Просчеты российско-

го правительства в деле организации азиатской торговли были устранены лишь в пореформенное время, после развития системы путей сообщения, укрепления практики заключения международных торговых соглашений, принятия дифференцированных таможенных тарифов.

Примечания

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 19. Оп. 4. Д. 197. Л. 11.

2. РГИА. Ф. 19. Оп. 4. Д. 198. Л. 10; Д. 199. Л. 10 об.

3. РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 207. Л. 14 об.

4. Там же. Л. 2 — 2 об.

5. Столпянский П. Н. Город Оренбург. Оренбург, 1908. С. 242; Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 5. Д. 11202. Л. 4 об.; Оп. 10. Д. 5558. Л. 1, 34 об.

6. Даль В. И. Бикей и Мауляна // Даль В. И. Повести и рассказы. Уфа, 1981. С. 90—91.

7. Материалы по истории Башкирской АССР / Под ред. Н. В. Устюгова. Т. IV. Ч. 2. М., 1956. С. 475.

8. РГИА. Ф.19. Оп. 4. Д. 199. Л. 73 об. — 85 об.

9. Алекторов А. История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883. С.122—123.

10. Даль В. И. Указ. соч. С. 85.

11. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3784. Л. 4 — 4 об.

12. Семенов В. Г., Семенова В. П., Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 167—168.

13. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2933. Л. 3.

14. ОПИ ГИМ. Ф. 260. Оп. 1 Д. 15. Л. 1-2.

В. А. Кузнецов

Челябинский юридический институт МВД России

«ЧТО НЕ БУРЯ СИЛЬНАЯ ПРОНЕСЛАСЬ ПО СТЕПИ» (ИЛИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ СТАЛ БЫЛИНОЙ)

Чем далее отходят от нас события прошлого, тем более возрастает у современников интерес к истории Оренбургского края, прежде всего, к жизни казачества, сыгравшего важную роль в проведении восточной политики России и обеспечившего безопасность страны на военно-пограничной линии, протянувшейся от берегов Волги до Сибири. Во второй половине XIX века казачьи сотни Оренбургского и Уральского войск принимали участие во всех среднеазиатских военных походах по завоеванию Хивы, Бухары, Коканда, проявив при этом примеры массового героизма и доблести, за что были удостоены многих наград, в том числе Георгиевскими серебряными трубами.

Вместе с этим следует отметить, что оренбургские казаки проявляли героизм не только в военных походах, но и во время будничной службы. Так, большой общественный резонанс в среде казачьего сословия в середине XIX века вызвал мужественный поступок казака Нижнеозерной станицы Ивана Михайлова, о чем сообщалось по Оренбургскому казачьему войску в январе 1856 г.[1]

В августе 1855 г. команда из 15 казаков и прикомандированной к ней группе в составе 7 киргиз-кайсаков (казахов) во главе с Султаном Тунгачиным приказали доставить из Эмбинского укрепления провиант отряду, направлявшемуся в Оренбург для сопровождения отбитого у мятежных киргизов скота. Но команда казаков не смогла достичь стоянки этого отряда, так как 29 августа у реки Темир они были окружены шайкой киргизов-мятежников численностью около 500 человек. Казаки спешились и, уложив на землю вьючных верблюдов, приняли неравный бой. Перестрелка продолжалась около четырех часов, в её ходе все казаки были убиты или ранены, в том числе и киргизы, проявившие особое мужество в борьбе с соплеменниками и оставшиеся верными присяге как подданные России.

Когда огонь со стороны казаков прекратился, мятежники перебили всех раненых. Остался жив только Иван Михай-

лов, притворившийся мертвым среди груды тел. Но все же мятежные киргизы его обнаружили. Нанесли Михайлову ещё пять ран пиками и увели в плен. В первую же ночь раненый казак сумел снять с себя оковы и на лошади бежал из лагеря киргизов. На четвертый день скитаний И. Михайлов едва живой добрался к своим в укрепление на реке Эмба.

Об этом подвиге отряда, принявшего неравный бой с мятежниками, военный губернатор В. А. Перовский доложил императору. Николай I наградил И. Михайлова за его мужество знаком отличия Военного ордена, чином урядника и пожаловал 50 рублей серебром. Военный губернатор распорядился объявить о похвальном подвиге урядника Михайлова во всех станицах на сходах в пример всему войску.[2]

Подвигов, подобных этому, оренбургские казаки совершали множество. Однако исторический эпизод, связанный с поступком казака И. Михайлова, нас заинтересовал ещё и потому, что в государственном архиве Оренбургской области хранится текст былины, посвященной тем далеким событиям. И написана эта былина известным собирателем казачьего фольклора и составителем четырехтомного сборника «Песни оренбургских казаков» Александром Ивановичем Мякутиным.

Возможно, известный собиратель казачьих песен во время своих многочисленных поездок по станицам войска слышал легенды о подвиге казака Михайлова, и поэтому он обратился к изучению исторических документов с целью узнать подробности этого военного события. В результате чего им была написана былина. По каким-то причинам Мякутин её не опубликовал, поэтому мы приводим текст полностью.

БЫЛИНА

Что не буря сильная пронеслась по степи,
Не злы киргизушки проскакали по Уралу вверх,
Пробежала весть хорошая по войску Оренбургскому,
От Илека-городка до Звериноголовской славной крепости.
На Темире, братцы, дело было, на Темире-реке,
Пятнадцать казаченьков по степи гуляло,
По степи гуляло, провиант доставляло.
Как в году то было в пятьдесят пятом,
А в месяце то было в августе, в 29-й день.
Окружила казаченьков сила вражия,
Сила вражия-басурманская.

И было той силы ни много ни мало:
В тридцать раз больше, — пятьсот человек.
Некуда было казаченькам скрытися,
Некуда удалым выскакать.
Складывали казаченьки вкруг кони-верблюдов,
Как отцы и деды им заповедовали;
Сами молодцы в круг легли,
Отбиваться стали, из ружей палить.
Размятежные киргизы отступили назад,
Отступили назад, за бугор полегли,
За бугор полегли да зачали стрелять
Из винтовок своих длинноствольных.
Скоро в сказке говорится,
Дело медленно идет,
И часа четыре – долго,
Как киргизец наших бьет,
Приумолкли наши молодцы казаки:
Кто убит лежал, кто израненный.
Нападали тогда злые вороги
И рубили-кололи того, кто в живых еще был.
Оставался в живых Михайлов казак,
Михайлов Иван, он промзеля был:
Притулился Иван, пришипился,
Пришипился, мертвым прикинулся:
«Уйду де я на родиму сторону,
На родиму сторону, всему войску расскажу,
Как мы билися, не сдавалися,
Бусурманской орде не корилися».
Да не так все сделалось, как Ивану думалось.
Увидали его, заприметили,
Пять ран тяжких наносили ему,
Наносили ему пикой вострою,
А допрежь того пулей вражией
В руку, в ногу он ранен был.
Скрутили ему, добру молодцу, ручки-ноженьки,
Уводили в плен разудалого.
Наступила ночь, хоть глаза коли,
Ночка темная, ночь осенняя.
Гололобые киргизы спать полегли,
Казаку Михайлову лишь не спалося:
Все товарищи его лежат мертвыми,
А его везут в тяжелый плен;
И никто про славу их не проведает,
Никто свету о них не поведает,
Как бились они, не сдавалися,
Басурманской орде не корилися.
Сбивал в ту пору казак оковы с ног,

Отгонял тогда у киргизов коня
И бежал от них удалец лихой,
Молодец казак в свою сторону.
Прибегал в отряд, в тот ли Эмбенский,
И поведал он про товарищей,
Как сложили они буйны головы.
Узнавал о том Великий Государь;
Жаловал он Михаилу 50 рублёв,
50 рублёв, чин урядничка,
Да к тому-ли еще завидный крест, что Егорьем прозывается.
Что не буря сильная пронеслася по степи,
Не злы киргизушки проскакали по Уралу вверх,
Пробежала весть хорошая по войску Оренбургскому,
От Илека-городка до Звериноголовской славной крепости.
Эх вы, братцы мои, вы товарищи,
Славу воздайте Ивану, свет-Михайлову,
Нижнеозерной станице поклонитеся,
Что воспоила она, воскормила молодца такого.
Не забудем, братцы, и про товарищей его,
Пропоём им память вечную;
Войску Оренбургскому честь воздадим,
Честь воздадим да поклонимся.

Ал. М.
1902 г.
Оренбургская станица
3-го марта

В условиях активизации движения за возрождение оренбургского казачества изучение истории оренбургского войска, героического прошлого своих предков является особенно актуальным. Обращение к истории войска является важным для организации культурно-просветительской работы в бывших станицах и поселках на основе возрождения традиций, обычаев и обрядов казачества, которые могут вписаться в нынешний социально-культурный пласт жизни. Освещение героической истории казаков-оренбуржцев позволит выявить образцы для подражания, используемые в военно-патриотическом воспитании казачьей молодежи, готовящейся к несению различных видов государственной службы.

Примечания

1. Приказ по Оренбургскому казачьему войску. 1856. № 14.
2. Приказ по отдельному Оренбургскому корпусу. 1855. № 299.

Т. И. Сидненко

Республиканский гуманитарный институт при
Санкт-Петербургском государственном университете

ОСОБЕННОСТИ ЛИБЕРАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. И. КАРЕЕВА

Проблема научной классификации русской политико-философской мысли практически не разработана и остается одним из спорных вопросов в отечественной истории XIX — XX вв. Она проводится либо по традиционной схеме: либерализм, консерватизм, социализм, либо вычленяется в рамках основных направлений российской философии и социологии в целом.

Междисциплинарные исследования в области политико-правовых проблем, социологии и истории характерны были прежде всего для «нового» (или социального) либерализма, представителями которого были: Н. И. Кареев, Б. А. Кистяковский, П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий, С. И. Гессен, П. Н. Милюков, М. М. Ковалевский и др. Специфика этого этапа развития либерализма в России обусловлена становлением его политической философии в условиях резкой критики идеи правового государства со стороны реакционно-консервативных и леворадикальных политических течений. Обоснование прогрессивной роли государства в истории России и защита основных принципов правового государства, необходимого для ее политического развития, было присуще практически всем представителям «нового» либерализма. Сохранив свою преемственность с классическим русским либерализмом в главном — обосновании социального идеала как идеала правового, правового государства как практической цели преобразования бюрократической российской государственности, представители «нового» либерализма вышли на новый уровень понимания социального равенства и правовой защищенности человека.

Н. И. Кареев (1850—1931) — историк, социолог, философ, публицист, педагог, общественный деятель оставил множество достижений в социологии, социальной психологии, истории и праве, социальной философии и истории философии. Ученый стремился органично синтезировать мето-

ды исследований истории, философии, психологии, социологии, правомерно полагая, что они изучают общий предмет — развивающееся общество и культуру. Н. И. Кареев ставит своей целью изучение общества, «взятого отвлеченно», вне данного места и времени, и разрабатывает абстрактную науку о генезисе, основных факторах, элементах и импульсах развития общества. Социология, согласно Н. И. Карееву, раскрывает объективную сторону истории: общественные формы и учреждения, особенности взаимоотношений между классами и социальными группами. Философия истории рассматривает действительность с точки зрения прогресса. Социология указывает на постоянное в историческом процессе. В свою очередь историология Н. И. Кареева — научная философия истории, системная концепция, рационально интерпретирующая все моменты, вовлеченные в исторический процесс. «Реальность общественной эволюции», — отмечал исследователь, — «связана с наличием внутренней закономерности и органической целостности истории».[1] Противоречие и своеобразное взаимодействие личности и среды — источник исторического процесса для Н. И. Кареева. Повторяемость и детерминированность присущи отдельным историческим периодам, но не всей истории. Отсюда ученый делает вывод: можно говорить о существовании только социологических законов, но не исторических.

Социальная онтология Н. И. Кареева находилась в рамках либеральной парадигмы и исходила из того, что создание общественных идеалов и их осуществление в жизни предполагает бесконечность и незавершенность этого процесса.

В целом философия истории Н. И. Кареева представляет собой культурно-историческое обоснование эволюционизма, одного из важнейших теоретических оснований либерального мировоззрения.

В социологии Н. И. Кареева можно выделить следующие проблемы: 1) метод социального познания; 2) коллективная психология как основа общества; 3) исторический процесс. В историю социологии ученый вошел как крупный исследователь, который использовал в своих работах субъективный метод. Общество, или, по Карееву, «надорганическая среда», есть сложная система психологических и практических взаимодействий личности. Эту среду Н. И. Кареев подразделял на культурные группы и социальную организацию. Первые есть предмет индивидуальной психологии, так как исходят из об-

щего взаимодействия индивидов и сводятся к представлениям, настроениям и стремлениям членов общества. Социальная организация есть результат коллективной психологии и изучается социологией. Психологические отношения людей воплощаются в социальных формах и институтах. Социальная организация, таким образом, есть совокупность среды экономической, юридической и политической, показатель предела личной свободы.[2]

Н. И. Кареев различал социологию и теорию исторического процесса: для первой общество является предметом, для второй оно есть процесс, но та и другая науки изучают его абстрактно.

Одной из центральных проблем для Н. И. Кареева являлся вопрос о взаимоотношениях личности и исторического процесса, рассматриваемых с разных сторон: в плане выяснения содержания исторического процесса; в плане раскрытия роли личности как двигателя прогресса и соответственно создания классификации личностей; через определение существа исторического прогресса.[3] Наряду с теорией исторического процесса Н. И. Кареев разрабатывал и теорию исторического прогресса, составляющую предмет философии истории. Историк различал эволюцию и прогресс. Эволюция носит объективный характер, не зависящий от оценки субъекта; социальный прогресс связан с субъективной оценкой событий. Поэтому не всякая эволюция прогрессивна. Личность и коллективная психология — отправные моменты при формировании концепции социального прогресса и при конструировании структуры социальной организации общества.

Н. И. Кареев в отличие от многих ученых начала XX в. (например М. М. Ковалевского) понимал социологию как метод познания общества и не сводил ее исключительно к учению о порядке и прогрессе в социальной сфере. Наиболее полно данные взгляды проявились в полемике о «феодализме» как социальном явлении с такими историками, как Н. П. Павлов-Сильванский, М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов, Н. П. Милюков, А. А. Кизеветтер.

Обосновав сравнительный метод в социологии и истории, Н. И. Кареев не разделял распространенных в то время представлений о том, что его применение позволяет решить все спорные вопросы. Целостное представление о системе исторического знания Н. И. Кареева дают его работы: «Основные вопросы философии истории», «Историология. (Тео-

рия исторического процесса)». Подчеркнув равнозначность социального и духовного как действующих факторов, Н. И. Кареев общую картину идеального социального строя видел так: «Высший идеал человека был всегда в том, что духовные интересы перевешивали интересы материальные, чтобы гражданское самосознание разрушило животную обособленность».[4] Специфика трактовки прогресса Н. И. Кареевым в том, что он лишает его статуса закона в отличие от многих историков-позитивистов. «Построение формулы прогресса нисколько не предрешает о действительном ходе истории, давая только точку зрения, с которой этот ход будет рассматриваться».[5]

Н. И. Кареев был одним из первых, кто стал заниматься в России конструктивно-типологическим анализом и значительно раньше неокантианцев стал выяснять особенности обобщения в исторической сфере и других сферах бытия, предваряя знаменитый спор о «номотетических» и «идеографических» методах.

Н. И. Кареев был не только одним из зачинателей российской социологии как науки, но и активно занимался созданием практической базы для нее. С его участием были учреждены Русская школа общественных наук в Париже (1901), Русское социологическое общество (1916), Социологический институт (1918) и др. Историк стал одним из первых историографов русской социологии. Он предпринял попытку воссоздать картину генезиса русской социологии в виде национальной ветви мировой социологии. В основу историко-критического обозрения социологических учений был положен концептуальный подход, представленный в работах «Введение в изучение социологии», «Историко-философские и социологические этюды». Особенностью этого подхода являлось следующее: расширение временных границ исторических исследований путем органичного подключения старого материала к современному состоянию знания; междисциплинарные связи социологии и других гуманитарных наук.

Н. И. Кареев считался признанным авторитетом и в области «научной философии истории». Большое внимание философско-историческим проблемам ученый уделял не только в своих работах, но и в статьях на страницах периодической печати. Н. И. Кареев отмечал: задача историка «не в том, чтобы открывать какие-либо законы (на это есть социология) или давать практические наставления (это дело политики), а

в том, чтобы изучать конкретное прошлое без какого бы то ни было поползновения предсказывать будущее»[6]. Научный способ решения проблем истории Н. И. Кареев видел в обобщении хода всемирной истории и его результатов, а также в тщательном изучении исторических взаимоотношений между народами. Свою теорию исторического процесса ученый ставил ближе к социологии, так как, по его мнению, обе науки изучают абстрактно то, что конкретно изучается историей.[7] Однако попытка Н. И. Кареева рационализировать историческую науку, усложнить ее терминологию не увенчалась успехом. Столкнув социологию, философию истории и теорию истории, поделенную им на «историку» и «историологию», он не сумел убедительно обосновать разграничение между ними и выстроить иерархию научных дисциплин, призванных объяснить историческую действительность. Предложенные им понятия не прижились в научном обиходе исторической науки.

Тем не менее заслуги Н. И. Кареева перед мировой исторической, социологической, философской науками вполне очевидны. Для современных историков открылось широкое поле деятельности для исследований как научного наследия представителей либерально-исторической мысли конца XIX — начала XX вв., так и методологических подходов исследования общественного развития в целом.

Примечания

1. Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. Т. 2. М. 1883. С. 283.
2. Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. Т. 1.
3. Его же. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1889. С. 346.
4. Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. Т. 1. С. 392.
5. Моим критикам. (Защита книги «Основные вопросы философии истории»). Варшава, 1884. С. 26.
6. Историка. (Теория исторического знания). Пг., 1916.
7. Историология. (Теория исторического процесса). Пг., 1915. С. 20.

Т. Э. Лактюнкина

Оренбургский государственный педагогический университет

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ВОПРОСАХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (ПО МАТЕРИАЛАМ ОРЕНБУРГСКОЙ И УФИМСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Важным моментом капиталистической истории мелкого, кустарного производства на Урале, как и для всей страны, была реформа 1861 года. Обезземеленное и ограбленное помещиками крестьянство должно было обратиться к занятию промыслами как главному или подсобному источнику существования. При наличии нужных производственных навыков и традиций у населения и богатых природных возможностей края условия развития промыслов были благоприятные. По переписи 1897 года в уральских губерниях насчитывалось 256706 (в Оренбургской и Уфимской губерниях 93801) человек, занятых в разнообразных отраслях и видах кустарной промышленности.

Отношение правительства к этому виду производства в пореформенный период неоднозначно. 60-е годы XIX века характеризуются Указами Правительствующего Сената (1863, 1865 гг.), реформами промыслового обложения 1863—1865 гг.

Эти реформы были закономерны и необходимы, так как промысловое обложение имело не только фискальный характер, но и регламентировало промысловую деятельность. Кроме того, был сильно развит принцип сословности, который резко разграничивал промысловые права и податные тяготы крестьян и городского населения. Ликвидация сословного принципа обложения являлась главной целью преобразования. Обоснованием к ликвидации в Объяснительной записке к проекту «Положения о пошлинах» послужила, ставшая ходовой, мысль о полном слиянии города с селом в экономическом отношении. «У нас города и селения имеют лишь формальное официальное различие. Многие из наших городов и по внешнему виду своему, и по образу жизни и занятиям обывателей суть не что иное, как деревни, часто весьма бедные; наоборот, у нас есть много селений, которые по

развитию промыслов и количеству капиталов могут стоять наряду с городами».[1]

В новом законодательстве был сделан крупный шаг вперед — введена классификация промышленных заведений не только по их видам (городское или сельское, ремесло или «фабрика», «завод» и т.д.), но и по экономическим признакам: по числу рабочих, занятых на предприятии, и по наличию или отсутствию в нем машин. Следовательно, в «Положении» 1865 г. комбинировались два приема классификации: по видам заведения и по их экономическим характеристикам.

Важной льготой кустарям было освобождение их промысловых заведений от пошлины, если они занимались «ремеслом», не прибегая к найму рабочей силы. Если был хотя бы один наемный работник (с 1885 г. освобождались от платы в казну и с одним работником), то платили пошлину. Причем облагались они по категории «мелочный торг», где подлежали строгой градации: размеры обложения варьировались.

Таким образом, в «Положении о пошлинах» содержалось признание проникновения капиталистических отношений в кустарную промышленность и в то же время сохранялись старые методы воздействия на неё при помощи регламентации и таких методов обложения, которые обязательно вели к тягостному повседневному надзору над тем, что и какими способами изготавливает и продает кустарь, мелкий промышленник. В промысловом обложении сохранился лишь несколько смягченный сословный принцип обложения.

Во второй половине 60-х — начале 70-х годов XIX века правительство не предпринимало каких-либо значительных мер в вопросах преобразования кустарной промышленности. Однако к вопросам устройства мелкого производства стали проявлять интерес такие объединения, как Русское техническое общество, Общество для содействия русской промышленности и торговли, Вольное экономическое общество и др. Эти организации если не оказывали помощи кустарям, то изучали их. Проводимые этими обществами торгово-промышленные и сельскохозяйственные съезды и выставки (1872, 1882 гг.) стали наиболее крупными вехами в изучении кустарной промышленности и объединении лиц, ею интересующихся, для обсуждения вопросов помощи кустарям. В основном они работали по собственному почину и на собственные средства.

Постепенно вся работа по изучению и выработке мер по поддержанию мелкотоварного производства сконцентрировалась в особой Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Она была основана ещё в декабре 1872 г. (закрылась в 1885 г.), но более или менее широко стала работать лишь с конца 70-х годов.

Организаторами её были, с одной стороны, те же научные и технико-экономические общества, с другой — бюрократические учреждения: министерства финансов, внутренних дел и государственных имуществ. В составе Кустарной комиссии были известные экономисты и статисты, некоторые из них одновременно были и крупными чиновниками: П. А. Васильченко, Ю. Я. Янсон, А. И. Ходской, В. И. Вешняков и др. Главным идейным руководителем Комиссии, ставшим затем её председателем (первым председателем был представитель Министерства финансов Е. А. Петерсон), был Е. Н. Андреев, автор ряда обобщающих работ о кустарной промышленности, страстный почитатель и пропагандист этой формы производства.

Работа Комиссии нашла отражение в обширном издании «Трудов» (16 выпусков, или томов), начавших выходить с 1879 года. Важную роль играли корреспонденты на местах. В большинстве своем это были хорошие знатоки своего края, одушевленные идеей раскрыть подробнее и объективнее экономическое и бытовое положение кустаря с тем, чтобы потом по возможности оказать помощь.

Планы работ Кустарной комиссии были весьма обширны и многообразны. Обследовательская деятельность представлялась лишь подготовительным этапом к основной — к практической помощи кустарям (организация выгодной покупки сырья и сбыта изделий, организация артелей, кредита, устройство технического обучения и т.д.).

Кустарная комиссия не совершила всего задуманного. Причины — в отсутствии единства, поскольку корреспонденты мало считались с выработанной программой исследования и свои сообщения по существу и по форме строили согласно своей точке зрения. Сильно ограничивало работу Комиссии её безденежье. У неё не было твердого бюджета, так как ненадежными были источники поступления денежных средств, они в основном складывались из нерегулярных и как бы случайных взносов от организаторов Комиссии, то есть от обществ и министерств.

В архивном фонде Комиссии по изучению кустарной промышленности в России сохранилась переписка между центральными органами Комиссии в Петербурге и её корреспондентами на местах. В ней ярко запечатлелись некоторые характерные моменты. Существовавшие тогда условия общественно-политической жизни затрудняли работу уполномоченных Комиссии. Например, имели место резкие столкновения с губернаторами, которым некоторые пункты программы казались подозрительными; корреспондентам отказывали в возможности собирать статистические данные как неофициальным лицам.

Показательны отношения, которые возникали у деятелей Комиссии с буржуазными кругами. Под давлением неотвратимых материальных обстоятельств членам Комиссии приходилось идти на соглашение с крупными промышленниками. Несмотря на то, что кустарная промышленность рассматривалась как противовес развивающейся промышленно-капиталистической системе, глава и идейный руководитель Кустарной комиссии Андреев, прося денежной помощи от фабриканта А. П. Коновалова, писал: «По глубокому моему убеждению, самое улучшение быта кустарников может быть достигнуто не иначе, как при содействии просвещенных местных представителей промышленности».[2]

К концу периода работы Комиссии (1885 г.) считалось, что она охватила своим исследованием 17 губерний. Однако изучение кустарного производства в этих губерниях получилось очень неравномерным по глубине и широте охвата по причине недостаточной профессиональной подготовки работников.

В конце XIX — начале XX веков под влиянием экономических причин и нарастания революционных настроений в обществе правительство стало поощрять развитие кустарной промышленности. Вопрос о состоянии мелкого производства в этот период неоднократно обсуждался в «Правительственном вестнике», в «Вестнике финансов промышленности и торговли», в «Кустарном труде» и других изданиях. «Охранительные» соображения заставили правительство пойти на ряд мер по оказанию помощи населению в развитии кустарных промыслов.

В архивных фондах сохранилась переписка МВД (Департамент общих дел), Министерства земледелия и Государственного имущества с губерниями о доставлении сведений о

экономической и политической жизни, в частности о кустарной промышленности. В 1899 году в Москве было открыто Товарищество Торговли Артельными и Кустарными товарами «Союз». «Цель и задача Т-ва — возможно широкая помощь отечественной артельно-кустарной промышленности путем массового оптового и розничного сбыта её продуктов. Желательно, чтобы Земства, сельскохозяйственные склады, потребительские общества, артели и кустари в лице Т-ва «Союза» имели посредника для сбыта своих товаров и агентуру для получения всевозможных товаров, машин, орудий, инструментов, материалов»,[3] — говорилось в письме, отправленном в Уфимский губернский экономический Совет.

В ноябре 1902 г. в Санкт-Петербурге, по инициативе министра земледелия, в зданиях Соляного Городка был открыт Кустарный склад для продажи всех присылаемых кустарных изделий, чтобы мелкие производители могли иметь сбыт своих произведений без посредников. Председательница комитета Санкт-Петербургского Кустарного склада графиня М. Шереметева писала: «Комитет поставляет своей обязанностью исполнять все возложенные поручения кустарей, служащие к развитию их деятельности, улучшению производства, и будет давать советы и указания, если таковые будут вызваны присылаемыми изделиями и требованиями потребителей».[4]

Столыпинская аграрная реформа способствовала ускорению темпов капиталистического развития российской экономики и содействовала росту кустарной промышленности. Увеличение покупательной способности населения в приобретении сырья и готовых изделий значительно расширило товарооборот. В связи с усилившимся расслоением крестьянства в результате проведения реформы возросло число крестьянских хозяйств, занятых неземледельческими промыслами. Развитие промыслов в низах крестьянства означало дальнейшее их продвижение в область промышленности, торговли, транспорта и т.д.

Правительство поощряло кустарные промыслы в некоторых районах страны, в частности и на Урале, особенно после революции 1905—1907 гг., так как стремилось найти поддержку у мелких производителей в борьбе с монополиями и в связи с кризисом крупной промышленности. Ассигнования правительства на развитие кустарной промышленности возросли с 1907 года по 1913 год в 10 раз.[5]

В Государственной Думе неоднократно обсуждался во-

прос о широкой помощи кустарям. Активизировалась деятельность губернских и уездных земств по экономическому и техническому содействию кустарям и кустарным артелям. Правительство оказывало содействие сбыту кустарных изделий через склады, предоставляло кустарям и производственным кооперативам казенные заказы, поощряло открытие кооперативных организаций и учреждений мелкого кредита.

Однако переоценивать значение этой помощи не нужно, так как большая часть расходов на кустарную промышленность, проводившихся по смете Главного управления землеустройства и земледелия, шла в основном на поддержку наиболее зажиточной части кустарей, то есть здесь так же, как и в столыпинском землеустройстве и переселении, была сделана ставка на кулака.

В годы первой мировой войны правительство вновь обращает внимание на кустарную промышленность с целью привлечения её к исполнению заказов военного ведомства, для организации трудовой помощи увечным воинам, о чем свидетельствуют циркуляры МВД, полученные Оренбургским Губернским земством.[6]

Таким образом, политика государства в вопросах преобразования кустарной промышленности в пореформенный период носила либеральный характер тогда, когда это было выгодно правительству (во времена кризисов, депрессий, войны), и проявляла свой крепостнический характер в удушении мелкого, кустарного производства во времена экономического подъема.

Примечания

1. Сопроводительная записка к проекту Положения о пошлинах от 6 сентября 1862 г. // Труды Комиссии для пересмотра системы податей и сборов. Т. V. СПб., 1863. С. 40.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 31. Комиссия по изучению Кустарной промышленности в России. Оп. 1. 1874—1885. Д. 7. Л. 20.
3. Центральный государственный исторических архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. 132. Оп. 1. Д. 60. Л. 10.
4. ЦГИА РБ. Ф. 132. Оп. 1. Д. 60. Л. 103 об.
5. Рыбников А. А. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий. М., 1913. С. 2.
6. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 43. Оп. 1. Д. 56. Л. 1 об.

Е. А. Кочеткова

Оренбургский государственный аграрный университет

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО, ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ КРЕСТЬЯН ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Современные исследования, дискуссии о прошлом и настоящем состоянии сельского хозяйства страны — свидетельство того, что проблема истории крестьянства не потеряла и сейчас свою историческую значимость. Интерес историографии к проблемам социально-экономического развития деревни и классовой борьбе сменился в последнее десятилетие изучением вопросов культурно-образовательного уровня сельского населения, его общественного и правового сознания, роли и участия в делах общины, отправления должностных полномочий и осуществления им своих гражданских прав.

Значительный блок информации содержится в официальных статистических данных, опубликованных в 80—90-х годах XIX в. — вплоть до 1917 года правительством и отдельными министерствами (Министерством народного просвещения, Св. Синодом, Министерством внутренних дел). Это и сборники статистических сведений по начальному образованию в России и по отдельным губерниям, ежегодные отчеты министров, обер-прокурора Св. Синода, губернаторов, инспекторов и директоров народных училищ. Доступны для изучения материалы Всероссийской переписи населения 1897 года, данные переписи начальных школ Российской империи 1880, 1911 годов. Однако скупые статистические цифры смет доходов и расходов ведомств на нужды крестьянского образования, численность сельских школ не отражают в полном объеме культурно-общественный быт крестьян и особенности их обучения. Вызывает трудности изучение вопроса об изменении уровня грамотности крестьян в этот период, так как правительственных программ изучения этого вопроса во 2-й половине XIX века не существовало, исследования носили эпизодический характер.

Сложно определить грамотность различных групп крестьян и сопоставить данные по отдельным регионам. Отры-

вочные сведения имеются по Московской, Санкт-Петербургской, Самарской, Курской и другим земским губерниям (всего 20), где в период с 1880 по 1898 гг. проводились земские переписи населения.[1] Земская статистика этого периода изобилует данными о количестве сельских учебных заведений всех видов — от министерских до школ грамоты, о методической стороне учебного процесса.

В конце XIX в. составлением и распространением программ, сбором сведений о различных сторонах крестьянской жизни занимались общественные объединения и частные исследователи: специальное обследование по материалам земских статистов о распространении среди крестьян книг и о их влиянии на грамотность проводил известный библиограф Н. А. Рубакин; ценным является фонд этнографического бюро В. Н. Тепишева, где собраны сведения о частных книжных библиотеках крестьян, об изданиях, имевших наибольшую популярность среди сельского населения (Государственный Музей этнографии, ф. 7).

Мало изученным источником сведений о культурно-образовательном уровне крестьян являются приговоры, наказы сельских обществ. Возникавшие непосредственно в крестьянской среде, они наиболее полно отражали специфику социального быта деревни, традиции, взгляды сельчан в рамках общины, их отношение к политическим и общественным событиям в стране, внутриобщинные этические отношения. Хотя эти решения регламентируют отдельные локальные вопросы, они позволяют оценить мнение крестьянского мира, их нужды и проблемы. Приговоры содержат ценную информацию по организации и проведению в рамках «мира» выборов сельских должностных лиц (старост, сборщиков податей, писарей), крестьянских гласных в земские учреждения, в волостной крестьянский суд.

Массовым документальным комплексом являются ходатайства сельских сходов, крестьянских гласных по административно-хозяйственным и общественным вопросам. Они более полно отражают отношение крестьян к внутренним общественно-политическим событиям в стране, собственные их инициативы, уровень правосознания, хотя зачастую отличаются формальным текстом. Они позволяют оценить эволюцию взглядов крестьян на получение образования. Так, в 60—70-х годах XIX в. преобладала точка зрения об обучении крестьян как о тяжкой повинности для семьи.[2] В последую-

щее десятилетие эта позиция кардинально изменилась, чаще ходатайства сельских обществ содержали просьбы о строительстве, финансировании новых школ, о выделении учебных пособий, о разрешении организовывать в селениях собственные школы грамотности, о расширении книжной торговли в селах и о пересмотре ограниченного каталога книг для народных читален.

Знание крестьян по событиям, недавно совершившимся, связанным с государственными преобразованиями, по историческим, географическим, медицинским представлениям обретали в крестьянской среде чаще характер слухов. Данный источник мало изучен исследователями, между тем он дает много фактических сведений о представлениях и общественно-политическом сознании крестьян.

В целом слухи, бытовавшие в крестьянской среде, имели очевидную связь с реальными политическими, военно-историческими событиями. В процессе же многоэтапной устной их передачи они обрастали вымышленными подробностями или вообще кардинально менялись. Нередко это приводило к противоправным действиям крестьян, к их выступлениям, массовым недовольствам. В этой связи следует определить такую историческую проблему, которая требует глубокого изучения, как вопрос о соотношении стихийно и сознательно распространяемых слухов в крестьянской среде. Актуальность этой проблемы особо характерна для 2-й половины XIX века в связи с распространением народнических, революционных идей.

Представление о правосознании, образовательном уровне крестьян дают и материалы деятельности волостных крестьянских судов.[3] Из ежегодных отчетов можно почерпнуть сведения о правовых сведениях крестьян, их умении применять законы в повседневной жизни, образовательном уровне волостных судей и причинах нарушений в судопроизводстве в случаях опротестованных приговоров. Вызывает интерес вопрос об участии крестьян в деятельности суда присяжных заседателей, что мало изучено в историографии. Между тем эти материалы могут дать ценные сведения о правосознании крестьян, об их этико-моральных представлениях, отношении к различного рода противоправным действиям, о внутриобщинных социальных отношениях.

В научных монографиях, исследованиях с конца XIX века больше внимания уделялось вопросам народного образо-

вания. Описательные по своему характеру, они предоставляют определенную ценность, так как содержат статистический материал, мнения самих участников просветительской деятельности в деревне, определяют статус школ грамотности и роль земских учреждений в развитии сельского образования.[4] В ряде работ приводятся локальные исследования по вопросу об отношении крестьянского мира к повышению грамотности населения и указываются факторы, влиявшие на их обучение (Боголепов И. П. Грамотность среди детей школьного возраста в Московском и Можайском уездах. М., 1894; Белоконский И. П. Народное образование в Курской губернии. Курск, 1897).

Одной из малоизученных проблем в этой области является вопрос о взаимовлиянии экономических факторов развития крестьянских хозяйств и уровня их образования. В дореволюционной историографии преобладала точка зрения, что грамотность крестьян была тем выше, чем выше их уровень благосостояния, чем больше имели они земли и скота.[5] Однако не во всех регионах это являлось закономерностью, так как влияние на образовательный процесс оказывали еще ряд важных факторов: занятие отхожими промыслами, национальная принадлежность крестьян, религиозное влияние, отдаленность деревень от крупных промышленных центров, внутриобщинные социальные традиции и порядки, внутрисемейные отношения. Большинство дореволюционных исследователей (Н. А. Рубакин, В. П. Вахтеров, Е. А. Звягинцев) видели в отходничестве крестьян едва ли не основной источник информации о внешнеполитических событиях за пределами крестьянского мира. Они являлись не только носителями новых сведений, понятий, широких знаний, но и оказывали глубоко прогрессивное влияние на сознание, культуру, быт крестьянства. Представляет интерес выяснение влияния отходничества на семейно-патриархальный быт крестьян. Еще требует глубокого изучения процесс влияния отхода на увеличение числа семейных разделов среди крестьян, на изменения статуса женщин в семье и молодежи, на внутриобщинный уклад жизни.

Влияние самой общины на социально-политическое, культурно-образовательное сознание крестьян было велико, так как дела общины были для них едва не единственной сферой приложения общественной деятельности и выражения гражданских чувств. Выступать вместе с миром, от имени

мира, защищать его интересы — это элементы коллективного сознания формирующегося внутри общины. Поэтому и влияние ее на крестьянскую жизнь исследователи оценивают неоднозначно: одни видят в ней консервативный, сдерживающий характер в вопросах ухода крестьян, их образования и расширения кругозора, другие считают, что она сохранила социально-культурные традиции крестьян в быту, в сельском управлении, в коллективных отношениях, являлась основным регулятором вопросов отхода крестьян на заработки и семейных разделов, осуществляла надзор за соблюдением законов, исполнением решений сельского схода, контролировала внутриобщинный правопорядок. В ряде моментов консерватизм общины играл отрицательную роль, особенно когда это касалось вопросов женского образования.

Обширную область для изучения представляет вопрос об уровне правосознания крестьян, об их взглядах, идеях, выражающих отношение к праву, законности, правосудию, об их представлениях, что является правомерным и неправомерным. Степень осведомленности крестьян о действующем законодательстве зависела от ряда факторов: от степени удаленности селений от политических центров, от деятельности сельских должностных лиц, земских начальников, от качества выписываемых ими периодических изданий, от уровня грамотности и бытовавших в крестьянской среде слухов. Взгляды крестьян на законы и правоприменительную практику отражены в ходатайствах, наказах сельского мира, в прошениях крестьянских депутатов, так как в них приводятся аргументы и различные оценочные суждения по нормам права, носящие больше этико-моральный характер.

Одним из путей знакомства крестьян с правовыми отношениями являлась их активная хозяйственная деятельность. Так, они знакомились с нормами и принципами, регулирующими торговлю, промыслы, паспортную практику, отходы. Восприятие законодательных норм не являлось пассивным, а зависело от интересов и потребностей крестьянского мира, уровня их общественного сознания. Эту проблему еще предстоит глубоко исследовать, как и вопрос о правосознании различных имущественных групп крестьян, зависимость от месторасположения селений, о деятельности правительственных, церковных и других органов по формированию угодного им правосознания крестьян.

Примечания

1. Благовещенский Н. А. Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским переписям. Т. 1. М., 1893. С. 124.

2. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 50. Л. 98 ; Д. 60. Л. 273; Д. 70. Л. 117—119; Д. 77. Л. 127—128; Д. 86. Л. 258—259; Д. 95. Л. 133; Ф. 14. Оп. 1. Д. 35. Л. 80—82.

3. Частный почин в деле народного образования: Сб. ст. М., 1894; Григорьев В. Исторический очерк русской школы. М., 1990; Фармаковский В. Начальная школа Министерства народного просвещения. СПб., 1990; Фальборк Г. А. Всеобщее образование в России. СПб., 1902; Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX в. М., 1912.

4. Бычков Н. Грамотность сельского населения // Юридический Вестник. 1890. № 7—8. С. 309—332; Вахтеров В. П. Всенародное школьное и внешкольное образование. М., 1917; Воробьев К. Грамотность сельского населения в связи с главнейшими факторами крестьянского хозяйства. СПб., 1902; Богданов И. М. Грамотность и образование дореволюционной России и СССР. М., 1964; Гаврилов Д. В. Грамотность и образовательный уровень населения Урала в конце XIX в. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1995. № 2.

5. Анциферов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. М., 1980; Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. М., 1986; Ее же. Культура русского крестьянства XVIII—XIX вв. как предмет исторического исследования // История СССР. 1987. № 3. С. 39—60; Кучумова Л. И. Сельская община в России (вторая половина XIX века). М., 1992.

В. И. Томин

Оренбургский УКП Уфимского юридического
института МВД России

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЕЗДНОЙ ПОЛИЦИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Оренбургская губерния в конце XIX века была так же огромна и протяженна, как и в настоящее время. Однако в то время охрану правопорядка и борьбу с преступностью осуществляли 5 уездных полицейских управлений и 21 полицейский стан, входящие в структуру уездной полиции, не считая города Оренбурга, где имелись свое полицейское управление и 4 полицейских части. В настоящее время охрану правопорядка в Оренбургской области осуществляют кроме городских 35 сельских районных отделов внутренних дел, имеющих в подчинении отделения милиции.

Статистические данные Оренбургской губернии по состоянию на 1883 год отражены в таблице 1[1].

Таблица 1

№ п\п	Уезды	Количество полицейских станов	Площадь (кв. верст)	Количество жителей (чел.)	
				в городах	В уездах
1.	Оренбургский	5	32 399	42 123	231926, из них в Илецке — 2500
2.	Орский	3	37 791	14 341	135 345
3.	Троицкий	3	16 424	13 022	97 461
4.	Челябинский	6	34 364	7 340	287 548
5.	Верхнеуральский	4	47 076	8 442	124 326
	Итого:	21	168 054	85 268	876 606

Из таблицы 1 видно, что площадь каждого узда превышала 30000 кв. верст, за исключением Троицкого уезда, который наряду с г. Оренбургом был наиболее криминогенным, так как на его территории находилось свыше 200 золотых приисков.[2]

В среднем по площади на одного станового пристава

приходилось по 8000 кв. вёрст. Становой пристав являлся средним чином полиции, т.е. был офицером и непосредственно обеспечивал общественный порядок и борьбу с правонарушениями в стане, а также он проводил дознание по преступлениям.

Обязанности полицейских чинов в уездах Оренбургской губернии были многообразнее и объёмнее, чем у их коллег в Европейской России, хотя наша губерния не являлась Азиатской.[3]

В Европейской России становые участки не превышали 100 вёрст по периметру, это приблизительно по 25 вёрст в любую сторону от полицейского стана. В нашей губернии эти участки втрое больше, приблизительно до 90 вёрст в один конец. В центральных губерниях были станы, которые пристав мог объехать в течение суток. В Оренбургской губернии этот объезд требовал 10—12 дней.

В центральных губерниях к 80-м годам XIX века были введены земские учреждения, а в Оренбургской губернии полицейские исполняли обязанности земских агентов и осуществляли надзор за дорожными сооружениями, заведовали делами общественного здравия и народного продовольствия.

В Европейской России в связи с введением в действие судебно-мировых учреждений, Окружных судов и Судебных Палат, полиция не приводила в исполнение решений указанных учреждений по гражданским и уголовным делам. В нашей губернии полиция подчинялась всем судебным учреждениям, кроме мировых судей, и заменяла их судебных приставов,[4] то же было и в Советском Союзе.

В губерниях Европейской центральной России не было казачьего населения. В нашей губернии чины полиции в дополнение к своим обязанностям работы с крестьянским и мещанским населением проводили дознание и следствие по делам о преступлениях и правонарушениях, связанных с казачьими должностями.

В центральных губерниях чины местных крестьянских присутствий по делам крестьянских управлений производили дознания по преступлениям и правонарушениям волостного и сельского начальства. В Оренбургской губернии эта работа была возложена на полицию. Так, иногда по экстренным уголовным делам становой пристав выезжал за 150—200 вёрст на свой участок и не знал, что делается в других местностях стана. В случае какого-либо уголовного преступления

в место нахождения пристава посылали нарочного с известием, но занятый первым делом пристав не мог покинуть место происшествия и выехать на другое происшествие, где со временем исчезали следы и доказательства преступления. Известно, как важно своевременное прибытие полиции на место происшествия, поэтому становым приставам необходимы были помощники.

Находящиеся в то же время в подчинении у станового пристава конно-полицейские урядники в Оренбургской губернии не всегда приносили столько же пользы, во сколько обходилось государству их содержание вместе с площадью. Были трудности по подбору кадров, так как сложно было найти людей грамотных, чтобы они действовали с полным знанием закона и могли бы приносить действительную пользу. Все составленные ими акты на месте происшествия обязательно лично проверялись становым приставом. Малознающий урядник зачастую не помогал приставу, а только запутывал дело. Например, по Челябинскому уезду на 1884 год было ассигновано 8097 руб. 84 коп. для содержания урядников, их обмундирование и фураж лошадей. Если из этой суммы выделять по 600 руб. в год на содержание каждого помощника пристава, то можно было бы содержать 14 помощников, которые были бы обучены приставом и по любому делу и в любое время могли бы его заменить.[5]

Уезжая на участок, становой пристав оставлял вместо себя кого-либо из подчиненных сотских или десятских, но не обеспечивал сохранность канцелярии, так как там работали вольнонаемные писари, которые могли из личного интереса уничтожить имеющиеся документы или дела, поэтому остро проявлялась необходимость в казенных письмоводителях, отвечающих за целостность и порядок делопроизводства.

Чины полиции Европейской России исполняли в основном прямые обязанности, такие как охрана общественного порядка, защита жизни, здоровья и собственности граждан. Поэтому поступление заявлений и жалоб от исполнительных чиновников и населения в полицейские управления было незначительно и разрешение их не требовало ни особых знаний, ни времени. Там решение гражданских и уголовных дел производилось судебными учреждениями.

Полицейские управления Оренбургской губернии, кроме прямых обязанностей, возложенных на них положениями II тома Гражданского Закона, исполняли следующие обязанности:

1. Разрешали гражданские дела о бесспорных обязательствах по векселям, условиям и договорам свыше 500 руб. Выносили по ним решения и приводили их в исполнение. При этом составление протоколов описи имущества и продажа его требовали знания законов членами присутствия и отнимали много времени.

2. Приводили в исполнение решения Судебных мест высших инстанций по гражданским делам, где составляли опись и осуществляли продажу имений ответчиков.

3. По поручениям тех же судебных инстанций производили дознания о давности владения, по тяжебной оплате и прочие.

4. Производили вводы во владение недвижимым имуществом.

5. Производили взыскание податей с переселенцев, прибывавших в губернию почти изо всех уездов Европейской России.

Например, о количестве дел и переписок уездного полицейского управления за 1883 год имеются сведения из рапорта Челябинского уездного исправника губернатору.[6]

Поступило дел и дознаний — 4492.

Окончено — 4510.

Получено входящих документов:

По 1 столу	3487
От губернского начальства	1222
Экстренных	341
По 2 столу	9179
По солдатскому столу	3309
По арестантскому столу	2760
По приходно-расходному столу	678
Итого	21 176

Отправлено исходящих документов:

По 1 столу	3896
По общему журналу	14027
По солдатскому столу	4925
По арестантскому столу	5728
По приходно-расходному столу	604
Итого:	28 560

По делам за прежнее время:

Всех переписок	581
Из них:	
Окончено	327
Затребовано сведений от Губернского правления	34
Затребовано сведений от прочих мест	80
Собрано сведений, но не было рассмотрено	47
Не затребовано сведений	42

Жалование секретаря полиции составляло 400 руб. в год и, по мнению уездного исправника, было низким, не оплачивало объём труда, он предлагал увеличить сумму до 600 руб. в год, так как трудно было найти для работы в канцелярии людей, хорошо знающих законы и умеющих быстро и правильно работать.

В уездном полицейском управлении основных работающих аттестованных членов было два — это исправник и его помощник. Для работы или присутствия приглашались сословные заседатели, но их уровень грамотности был низок, некоторые только умели подписывать свою фамилию.

Большая нагрузка на уездные полицейские управления налагалась в связи с учетом арестантских дел на заключенных в местных тюрьмах. Канцелярия полиции вела алфавитные учеты арестантов, следила за сроком их заключения. Полиция осуществляла освобождение арестантов и направляла этапы в Сибирь и другие города, поэтому был учрежден особый арестантский стол, а столоначальника на эту деятельность по штатам полиции не полагалось.

При большом обороте входящей и исходящей корреспонденции в полицейском управлении особое внимание уделялось регистратуре, а регистратор по штату в месяц получал всего 16 руб. 32 коп., что было явно недостаточно. Возникла необходимость в увеличении денежного содержания регистратору до 35 руб. в месяц и в назначении ему штатного помощника с содержанием в 16 руб. 32 коп., а денежное содержание столоначальника требовалось увеличить до 40 руб. в месяц.[7]

Требовалась дальнейшая реформа полиции и увеличение количества становых приставов из расчета, чтобы становые

участки не были более 25 верст в один конец, а площадь стана определялась бы до 1600 кв. верст, тогда бы для губернии понадобилось 105 становых приставов.

В Оренбургской губернии были громадные становые участки, многие преступления и правонарушения совершались без ведома полиции и их участники не преследовались. При увеличении количества становых приставов участки бы сократились и у приставов появилось бы больше возможностей для борьбы с преступлениями и в преследовании правонарушителей, а также увеличилось бы поступление дел и материалов в управление полиции, что потребовало бы увеличения числа канцелярских служащих.

Кроме обязанностей уездных исправников, указанных во II томе Гражданского Закона, в Оренбургской губернии они обязаны были председательствовать в комитете народного здравия и уездном распорядительном комитете, состояли членами тюремного отделения, уездного по крестьянским делам и уездного воинского присутствий.

Уездный исправник заведовал казачьим населением, где его обязанности совпадали с обязанностями бывшего мирового посредника. Эти дополнительные обязанности отвлекали уездного исправника от деятельности в полицейском управлении, перекладывали на его помощника рассмотрение дел и проведение дознаний.

Из дальнейшего хода истории известно, что всегда деятельность уездной полиции и затем, в будущем — территориальной милиции испытывала значительные и порой непреодолимые трудности.

Примечания

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО) Ф. 10. Оп. 1. Д. 10. Л. 52, 53, 55, 59, 61.

2. Злобин Ю. П. Органы полиции в Оренбургской губернии в 60—80-х годах XIX в. // Правоохранительные органы Южного Урала: история и современность. Оренбург, 2000.

3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 53. Л. 37.

4. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 53. Л. 38.

5. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 53. Л. 39.

6. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 53. Л. 40.

7. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 53. Л. 42.

О. М. Мокроносова

Оренбургский государственный педагогический университет

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

В дореволюционный период благотворительность получила широкое распространение, стала важной сферой общественной жизни. Благотворительностью считалось любое благое богоугодное дело по оказанию помощи наименее защищенным социальным слоям. Благотворительность включала систему призрения, меценатство; стала основой складывающейся системы социальной защиты.

В своем развитии благотворительность прошла ряд этапов. Идеи благотворительности на Руси берут начало с утверждения христианства, относившего помощь неимущим к числу важнейших добродетелей. Изначально объектами благотворительной помощи стали неимущие нищие. Но они, как известно, существовали не всегда, а появились в результате расслоения общества. По времени это совпадает с периодом христианизации Руси.

Таким образом, на рубеже X—XI вв., с одной стороны, увеличивается количество нуждающихся в помощи, а с другой — христианство воспитывало народ на вере в «святость нищих», угодности их Богу, тем самым одобряя благотворительность. В России идеи благотворительности нашли благоприятную почву в славянском гостеприимстве. На церковь была возложена функция общественного призрения.

Субъектами благотворительности на первом этапе были церковь, частные лица (в основном богатые и знатные). Тот факт, что благотворительностью занимались князья, придавал этой деятельности государственный характер. Благотворительность изначально существовала церковная и светская, причем они «переплетались» в своей деятельности.

На протяжении последующих этапов они развивались совместно, не вытесняя, сменяя друг друга, а дополняя. Причем светская благотворительность на данном этапе осуществлялась, главным образом, в индивидуальной (личной, частной) форме. Жертвователи в своей деятельности не пытались выяснять причины нужды и оказывали помощь всем без разбора.

На II этапе (середина XVI—XVIII вв.) появляется дифференциация положения нищих в стремлении по-разному подойти к лишенным средств существования. В этот период происходит переход от милосердной помощи отдельным лицам к системе общественного призрения с различными подходами к разным группам, требующим помощи, и, во-вторых, в светской благотворительности делаются первые шаги государственной помощи, которая позднее получает заметное развитие. На этом этапе государство тоже начинало выступать не только в роли субъекта благотворительности, но и пыталось системой жестких запретов, полицейских мер решить проблему «низшего слоя».

На III этапе (XVIII — первая половина XX вв.) возникает новый, третий вид светской благотворительности — общественная. Появляются первые специальные общественные организации, целью которых является благотворительная деятельность. Но в данный период они не получают значительного распространения. Их учредителями становятся высшие лица государства, благотворительность в этой форме становится привилегией высшего слоя общества. С этого периода неорганизованным формам все чаще противопоставляется организованная благотворительность (и тенденция эта все время росла) в виде финансирования построек и содержания различных богоугодных заведений: приютов, богаделен, больниц и др. В то же время государственная система призрения значительно развивается. В петровские времена активно формируется законодательная база государственного призрения. Специальным приказом Петр I запретил раздачу милостыни и тем самым попытался придать филантропической деятельности организованный характер. Пожертвования было рекомендовано передавать непосредственно в благотворительные (богоугодные) заведения. Круг объектов благотворения в крупных городах расширялся — под опеку попадают не только нищие, но и инвалиды, хронические больные, престарелые одинокие.

В сельской местности органом призрения являлась община. Но в силу того, что все эти меры не имели под собой социально-экономической базы, большинство этих мер остались нереализованными.

К эпохе царствования Екатерины II относится становление системы общественного призрения. Так, указ от 7 ноября 1775 г. предписывал в каждой губернии открыть под предсе-

дательством губернатора особые приказы общественного призрения. Они не могли оказывать существенного влияния на развитие дела благотворительности, и причиной тому была не столько ограниченность в средствах, сколько игнорирование частной инициативы и общественной активности. Лишь с появлением в 1775 г. царского указа об образовании частных и общественных благотворительных организаций и издания в 1785 г. «Городового положения» россияне получили возможность создания благотворительной организации в помощь нуждающимся, хотя для учреждения таковой каждый раз требовалось высочайшее соизволение.

В начале XIX в. из императорских дворцов идея активной материальной поддержки приютов, богаделен, больниц и других богоугодных заведений проникает в столичные, а затем в провинциальные дворянские салоны, представители (особенно представительницы) наиболее известных и богатых семей стали создавать благотворительные общества.

Принятие на себя государством функций милосердия и социального призрения без использования в этом общественной активности и частной инициативы, без опоры на гуманитарные, правительственные, а также религиозные аспекты помощи делало всю эту систему малоэффективной в борьбе с бедностью. Этому не помогали, казалось бы, четкая административная структура казенных учреждений и средства, которыми обладали губернские приказы общественного призрения.

Дело призрения требовало сердечного милосердия и энтузиазма в таких размерах и объеме, какими не обладал ни один государственный чиновник.

Неизмеримо более действенным оказалось сочетание государственных форм благотворительности с общественными и частными формами, что стало характерным для последнего, четвертого этапа истории социального призрения в России, который совпал с периодом развития капитализма в России.

Во второй половине XIX — начале XX вв. субъектами благотворения являлись такие социальные институты, как церковь и государство, такие социальные страты, как сословия, отдельные личности и их объединения в форме различных общественных организаций (обществ, комитетов, союзов и т.д.).

В это время благотворительность развивается в двух

разновидностях: терапевтическая, направленная на преодоление уже сложившихся крайностей бедственного положения людей, и профилактическая, оказывающая помощь до наступления крайней нужды и этим предотвращающая ее.

В обществе существовали различные взгляды на принципы и задачи в области благотворения.

Одни, как, например, автор составленной по поручению К. К. Грота записки («Обзор действующих иностранных законов о призрении бедных в связи с постановлениями нашего законодательства по тому же предмету»), — признают необходимым централизацию благотворительности и подчинение ее правительственному руководству, ссылаясь на англо-американскую систему организации призрения.

Другие, как, например, великий энциклопедист XIX века Герберт Спенсер, указывая, что предыдущее мнение «предполагает веру в административную власть вопреки опыту, повторяющемуся из поколения в поколение», — приходят к выводу, что «благотворительность, принимающая форму материальной помощи нуждающимся, приводит к самым лучшим результатам лишь тогда, когда носит частный характер».

Третьи, наконец, считают, что благотворительность вообще есть одна из самых несовершенных форм помощи нуждающимся, так как она основана на существовании в обществе сословного или классового неравенства и потому совершенно не нужна там, где есть государственное страхование от всяких материальных невзгод и широко развиты принципы взаимопомощи.

На рубеже XIX—XX вв. интерес к проблемам благотворительности возрастает и вопросы благотворения широко обсуждаются в обществе на самых разных уровнях. Усилившийся интерес к вопросам помощи нуждающимся связан с обострением ряда социальных проблем и характерных для пореформенной России конца XIX — начала XX вв.

Появляются различные точки зрения как на роль и место благотворения в развитии страны, так и на обязанности правительства, церковных структур, общественных сил и каждой личности в деле организации поддержки нуждающихся.

Постепенно все участники благотворительного движения начинают понимать необходимость преодоления разнобоя в своих усилиях. Для этого был создан в 1909 г. «Всероссийский союз учреждений обществ и деятелей по обществен-

ному и частному призрению», который 8—13 марта 1910 г. провел I съезд русских деятелей по призрению. На этом съезде была дана оценка современного состояния благотворительной деятельности и намечены пути ее реформирования (преобразования) с целью создания наиболее эффективных способов организации благотворения.

Материалы съезда бесплатно распространялись среди земских и городских управ. Еще более серьезная акция имела место весной 1914 г., когда Министерство внутренних дел организовало и провело II Всероссийский съезд по общественному призрению, участники которого, теоретики вопроса и практические работники, отметили ряд достижений и неудач в благотворении. По его итогам было выпущено два солидных тома, в которых намечалась стратегия борьбы с нищетой и ее возрастным резервуаром — детьми из социальных низов как составная часть серьезного обновления страны. Начавшаяся в этом же году империалистическая война, а вслед за ней и гражданская оставили все эти планы на бумаге.

События Октября 1917 г. внесли решительные изменения во всю систему призрения, практически уничтожив ее общественное и частное содержание и заменив их государственной системой воспитания беспризорных детей, государственным обеспечением бесплатного образования и пр. Все благотворительные организации, общественные и частные, были переданы Советскому государству или закрыты.

В этой реформе важное значение имела революционная идея о том, что изменения социального и политического строя в ходе революции, а затем социалистического развития якобы сами приводят к установлению социальной справедливости и всесторонней заботе о человеке.

Знание истории благотворительности в России и учет исторического опыта соотнесения в ней в разное время государственного, общественного и частного компонентов могут быть не только интересны, но и практически полезны в наше время создания новых форм социальной и духовной помощи нуждающимся.

Э. Р. Хасанов

Стерлитамакский государственный педагогический институт

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.: ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Современное состояние исторической науки характеризуется возрождением интереса исследователей к традициям дореволюционной историографии. Наследие краеведов-историков Оренбургского края не может оставаться в забвении. Во второй половине XIX — начале XX вв. Уфимская и Оренбургская губернии являлись полем деятельности нескольких научных обществ, на базе которых группировались силы краеведов, происходило закрепление в крае традиции научных исследований. Обращение историков современности к наследию своих предшественников закономерно хотя бы потому, что невозможно проигнорировать работу, положившую основание архивным, историческим, археологическим, этнографическим исследованиям. Материалы этих исследований использовались учёными даже в период полного забвения традиций дореволюционного краеведения. Эти традиции коренились в самом предмете исследования — региональной истории, в менталитете учёных, связанных с духовными традициями прошлого, в общественном резонансе исследований истории края. Основными чертами дореволюционной региональной историографии являлись:

1. Возникновение и развитие исторических исследований в крае происходило под воздействием комплекса «общественных» факторов, таких как поддержка губернской и городской администрации, влияние сословно-корпоративных институтов (казачество, духовенство, дворянство и др.). В этих условиях закономерным явлением становится приоритетность исследований местной истории, подкреплённых достаточным источниковым фондом и востребованных общественностью. Научно-исследовательские задачи краеведения решались в тесной связи с просветительской «культурной» работой, что также предопределяло направление и характер исследований.

2. В тематическом плане выделяются ряд проблемных блоков, привлекавших внимание историков того времени.

Это:

- история народных движений в крае;
- история казачества и военно-служилых сословий;
- история православной церкви и религиозной жизни края;
- история городов;
- биографические исследования о деятелях края;
- культурное развитие края;
- историко-этнографические исследования;
- история внешних сношений Оренбургского края с Азией;

3. Эта тематика группируется вокруг ряда проблем, разрешение которых происходит на идейно-методологической базе того времени. Идеология и ценностная ориентация ведущих учёных общероссийского масштаба находят отражение в работах местных исследователей. Так происходит перенос научной традиции на окраины, причём общность тематики и единство подходов в изложении проблемных узлов краевой истории позволяют предположить наличие в то время самостоятельной *южноуральской школы исторических исследований*, представленной историками Уфы и Оренбурга. На страницах их трудов мы можем почерпнуть не только изложение фактов исторического прошлого Оренбургского края, но и анализ этого прошлого на основе научной и общественной мысли. Представления о цивилизации, о государственно-правовом развитии, о межкультурной коммуникации, о народном факторе в истории скрыто или явно присутствуют в исторических трудах и научно-просветительской публицистике.

4. Институциональной базой для развития региональной исторической традиции послужила система краевых научных обществ, возникновение которых имеет общую судьбу учреждений Оренбургского края. Труды получивших известность краеведов опирались на скрытую от постороннего взгляда организационную, просветительскую и научно-практическую деятельность местной интеллигенции.

С учётом приведённых выше особенностей региональной дореволюционной историографии изучение последней немыслимо в отрыве от социально-исторического контекста. Неприемлемы как огульная критика, так и некритическое восприятие положений и материалов этой историографии. Южноуральская историческая традиция, с одной стороны,

вписывалась в пространство российской исторической науки в качестве составной её части, занимаясь пропиской краевой истории в истории России. С другой стороны, краевые исторические исследования являются отражением провинциального социума, органом его научной и общественной мысли. Этот орган существовал не в виде абстракции, а в целостной системе общественных и организационных связей, выражением которых являлась система исторического краеведения в крае. Неразрывность развития социальной базы, организационной и научно-практической работы и идейного потенциала исторической науки в крае предполагает наличие в её основе некоей целостности, постижение которой — вопрос будущего. Следовательно, остаётся констатировать тот факт, что в восприятии проблемы современной научной общественностью ещё не наступил «момент истины».

К. Ш. Ахтямов

Оренбургский государственный педагогический университет

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГУБЕРНСКИХ АДМИНИСТРАЦИЙ ЮЖНОГО УРАЛА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. И ИХ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ

На местные административные органы в России была возложена задача реализации внутренней политики правительства: экономической, социальной, национальной, конфессиональной. При этом они оказались в положении своеобразного посредника во взаимоотношениях между центральной властью и населением империи.

Эффективность работы местных административных органов зависела в первую очередь от компетентности, работоспособности и энергичности их непосредственного руководителя — губернатора, а также ближайшего к нему чиновничьего окружения. Оренбургская и Уфимская губернии отличались тем, что здесь происходила частая смена глав губерний. За неполные 40 лет (с 1881 по 1917 гг.) сменилось 18 губернаторов.[1] Подобная практика постоянной ротации глав губернских администраций ограничивала их деятельность решением неотложных задач и мешала возможности работать на перспективу.

Ежегодно главы губерний проводили ревизию во вверенных им территориях. Это правило действовало с 1827 г., когда губернаторов обязали «неотложно один раз в год» объезжать все уездные города, «ревизуя в них присутственные места, тюрьмы и все прочие, в управление губернии входящие, и по возвращении своем в губернский город доносить Его Императорскому Величеству в собственные руки».[2]

Как правило, маршрут следования утверждался заранее и командировка длилась от нескольких дней до нескольких недель. Уместно в этой связи обратить внимание на сохранившийся архивный документ. Это маршрут следования уфимского губернатора П. П. Башилова с целью ревизии отдельных административных органов в губернии. Командировка началась 10 июня 1911 г. Ежедневно губернатор проезжал порядка 25—30 верст на лошадях или по железной дороге, посещая 3—4 селения. Всего же П. П. Башилов пробыл

вне Уфы 25 дней, до 4 июля. А с 25 июля по 15 августа 1911 г. совершил новый объезд губернии.[3] Именно летний период губернаторы стремились использовать как время для рабочих поездок по губернии. Это происходило по той причине, что в другое время года во многие отдаленные от губернского города населенные пункты было нелегко добраться из-за отсутствия хороших дорог.

Будучи главами исполнительной власти в губерниях, губернаторы были перегружены бумажной работой. Уместно будет привести некоторые из обязанностей высших губернских чиновников.

Губернаторы были обязаны следить за взиманием податей, за деятельностью благотворительных организаций, за эпидемической обстановкой, за соблюдением прав представителей всех сословий. Также они отвечали за недопущение беспорядков, следили за обеспечением населения продовольствием и за благоустройством населенных мест и др. Таким образом, круг обязанностей губернаторов был весьма широк и разнообразен. По каждому направлению своей практической деятельности они отчитывались перед Министерством внутренних дел в письменной форме.[4]

В условиях, когда губернаторы изучали и подписывали в день несколько сот бумаг, председательствовали во множестве присутствий и комитетов, трудно было ожидать 100%-го качества в их работе. Они физически не в состоянии были надлежащим образом выполнить все возложенные на них обязанности. Тем не менее центральные органы власти не снимали с них личную ответственность за все, что происходило в губерниях.

Одним из важнейших показателей результативности работы губернских администраций, несомненно, являлась забота о народонаселении. За 1885—1897 гг. прирост населения в Оренбургской и Уфимской губерниях составил 21,8%, а за 1897—1917 гг. — 38,8%. Если в 1885 г. в обеих губерниях проживало 3117,9 тыс. человек, то в 1897 г. — 3796,7 тыс. человек, а в 1914 г. — 5270,0 тыс. человек, то есть прирост населения в этот период был более двух миллионов человек. Средний прирост за весь период по Южному Уралу составил 186%, что было намного выше средних показателей по России, где эта цифра не превышала 125%.[5]

Однако при внимательном анализе приводимых данных обнаруживается, что прирост населения был обеспечен не

повышением рождаемости населения, а значительным притоком переселенцев на территорию региона. В Оренбургской губернии, например, в начале 90-х годов на 1000 человек населения приходилось 50,8 родившихся и 62,0 умерших. В Уфимской губернии, соответственно, 42,2 и 47,5.[6] Особенно сложной ситуация была в Оренбурге и Уфе. В первом в начале 90-х годов родившихся было 2346 человек, умерших — 5196, а во втором — 1637 и 2625 человек.[7]

Важным с точки зрения обеспечения безопасности страны направлением деятельности местных властей было проведение ежегодных призывов в армию и массовых мобилизаций запасных в ходе войн. Эту работу осуществляли губернские по воинским делам присутствия. Как и другие административные органы, они страдали от бумажной работы. К примеру, в начале 80-х годов XIX в. приглашенных в Оренбургское губернское воинское присутствие насчитывалось 2308 чел. В 1890 г. их число возросло до 3933 чел. К 1890 г. ежегодно в указанное присутствие поступало 4329 ед. документов, а исходящих было 4710. За 1881—1917 гг. делопроизводство в губернском воинском присутствии увеличилось более чем вдвое.[8]

Губернаторы постоянно сообщали в своих отчетах, что эти учреждения «стоят на высоте своей задачи, чем и поддерживают в населении убеждение как в непреложности закона о воинской повинности, так и в неприкосновенности прав на льготы и изъятия».[9]

Следующим важным направлением деятельности губернских администраций была реализация аграрной политики правительства. Осуществлялась она главным образом губернскими по крестьянским делам присутствиями. В описываемый период именно на их долю выпало решение таких вопросов, как размещение населения, прибывшего в регион в результате переселений, размежевание башкирских земель, трудоустройство переселенцев, налаживание их быта, распределение финансовых средств и многое другое. В «Записке оренбургского губернатора за 1885 г.» отмечалось, что крестьянские присутствия «весьма близко стоят к сельскому населению», а потому и деятельность их должна оцениваться «по тому влиянию, какое они способны оказывать на поддержание и развитие благосостояния среди местных сельских обществ путем наблюдения за целесообразностью и законностью действий органов общественного самоуправления в волостях и селениях губернии».[10]

Ситуация в обеих губерниях была непростой. Во-первых, крестьянское население состояло из нескольких категорий: бывших крепостных, переселенцев, «башкирских» крестьян. В итоге присутствия по крестьянским делам в своей деятельности даже выходили за рамки законоположений, в которых оговаривались права этих органов. Во-вторых, в указанном регионе у крестьянских присутствий были такие специфические обязанности, как отвод «башкирских земель», устройство переселенцев. Поэтому в штате присутствий появились «чертежни», занимавшиеся распределением и перепланировкой земельных участков.[11]

Конец XIX — начало XX вв., как уже отмечалось ранее, — время массового притока переселенцев на Южный Урал. В этот период крестьянские присутствия переживали реформирование. Отчасти это было связано с увеличением количества дел, возлагавшихся на них. Уже к 1897 г. Оренбургское и Уфимское по крестьянским делам присутствия имели под своим непосредственным контролем 440 тыс. уроженцев других губерний, прибывших на Южный Урал за несколько десятилетий после реформы 1861 г.[12]

Губернские по крестьянским делам присутствия были проводниками правительственной политики и в отношении местного крестьянства. Если в Оренбургской губернии этот процесс имел более или менее цивилизованные формы, то на территории Башкирии указанные административные органы проводили откровенную колонизаторскую политику. Как правило, это приводило к обезземеливанию сельского населения.

Крестьянские присутствия постоянно сталкивались с проблемой неплатежеспособности сельского населения. Постоянными в изучаемый период были трудности со сбором платежей. Так, к началу 80-х годов XIX в. сумма недоимок с крестьян Оренбургской губернии составляла 222,7 тыс. рублей, а по Уфимской — 739,1 тыс. рублей. К концу 90-х годов в первой эта сумма возросла до 4063,9 тыс. рублей, а во второй до 5110,9 тыс. рублей.[13]

Приведенные примеры наглядно показывают обширный и разносторонний характер деятельности губернских административных органов. На уровне губерний они, являясь составной частью аппарата управления, занимались практической реализацией внутренней политики правительства в разных ее аспектах в рамках отдельных территорий.

Примечания

1. Адрес-календари Оренбургской и Уфимской губерний за 1881—1916 гг.

2. ПСЗ РИ. Изд. II. 1827. № 1479.

3. ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1313. Л. 20.

4. СЗРИ. Издание неофициальное / Под. ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912—1913. Кн. 5. Ст. 421—428.

5. Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 45.

6. Отчет о народном здравии за 1892 г. СПб., 1894. С. 2—3.

7. Рашин А. Г. Указ. соч. С. 160.

8. ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 38. Л. 3.

9. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 54. Л. 15.

10. Там же. Л. 10.

11. Там же.

12. Тихонов Б. В. Переселения в России во второй половине XIX в. М., 1978. С. 166—175.

13. Обзоры Оренбургской и Уфимской губерний за 1881, 1899, 1901 гг.

Г. Э. Емалетдинова

Стерлитамакский государственный педагогический институт

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Городская реформа 1870 г. стала крупной вехой в истории российских городов. В соответствии с потребностями развивающегося капитализма сословные органы городского управления заменяются всесословными, избираемыми на основе буржуазного имущественного ценза. Новые учреждения получают известную самостоятельность и независимость от администрации. Тем не менее реформа не была до конца последовательной.

Важнейшим звеном в реализации Городового положения 1870 г. являлись выборы в органы самоуправления — думы и управы. По этому закону активным и пассивным избирательным правом были наделены лица, обладающие недвижимой собственностью и занимающиеся торгово-промышленной деятельностью. Пренебрежение образовательным цензом повлекло за собой исключение из числа избирателей городской интеллигенции — врачей, учителей, юристов и среднего чиновничества. В этом губернские власти Южного Урала усматривали одну из основных причин неудовлетворительной деятельности органов городского общественного управления.

Серьезным недостатком нового избирательного закона был небольшой удельный вес городских жителей, получивших избирательные права. В городах Южного Урала средний процент избирателей составлял 6,2% от абсолютного числа городских жителей. Провозглашенный в законе принцип «соразмерности участия в управлении количеству уплачиваемых налогов» создавал гражданское неравенство среди избирателей разных имущественных групп с целью ограничения влияния на городские дела самого многочисленного третьего разряда.

Круг лиц, получивших избирательные права, предопределял социальный состав избранных в органы городского общественного управления. На Южном Урале в рассматриваемое время большинство гласных дум было представлено купечеством. Второе место принадлежало дворянско-чиновничьей группе, третье место занимали представители мелко-

буржуазного слоя городского населения. Руководящие должности городского управления также оказались в руках мощной финансовой группы торговцев, промышленников и домовладельцев.

Новый избирательный закон сильно ущемлял интересы нерусского населения края. В Городовом положении 1870 г. специально оговаривалось, что в составе органов городского общественного управления число гласных от нехристиан не должно превышать одной трети общего числа гласных. В 70—80-х гг. XIX в. в городах Южного Урала 85—100% гласных были русскими, 3—5% — башкирами и татарами, 3—10% — представителями других национальностей.

Первоочередной задачей в деятельности реформированных городских учреждений являлось формирование собственных городских бюджетов. Основными источниками пополнения их на Южном Урале были налоги с оброчных земель, сборы с торговли и промыслов, отчисления от прибылей общественных банков.

Городские думы и управы сами искали и определяли новые источники для покрытия быстро растущих потребностей своих городов. От этого зависели их финансовое благополучие и хозяйственные возможности.

Средства городских управлений прежде всего расходовались на содержание их аппаратов. Постепенно растет тенденция выделения денег на решение хозяйственных вопросов: мощение улиц и площадей, строительство мостов, общегородской водопроводной сети, проведение электрического освещения и т.д. Гласные дум и члены управ приняли заинтересованное участие в проведении железнодорожных путей, пролегающих через городские территории.

Органы общественного управления проявляют интерес к проблемам образования. Оказывают материальную помощь функционирующим учебным заведениям, ходатайствуют об открытии новых начальных народных и приходских училищ, гимназий, ремесленных школ, специальных учебных заведений, добиваются открытия библиотек, театров и музеев, помогают им.

Значителен был вклад новых городских органов в области общественного призрения. Ими предпринимались усилия для уменьшения нищенства, борьбы с дороговизной и эпидемиями, развития благотворительности.

Таким образом, основными направлениями работы, в

которых органы самоуправления южноуральских городов добились определенных успехов, были хозяйственно-финансовая и культурно-просветительская деятельность, городское благоустройство и сфера общественного призрения. Результаты могли быть более значительными, если бы не ряд ограничений, предусмотренных правительственной властью.

Одним из существенных препятствий в деятельности органов самоуправления являлось стремление правительства приспособить их к самодержавному строю: отсутствие у них принудительной власти, недостаточная разграниченность распорядительной и исполнительной властей, противоречивость в определении границ компетенции. Разделяя «предметы ведомства» на местах на общественные и правительственно-административные, государство предоставило думам и управам определенную долю самостоятельности. Однако оно сохранило за собой право контроля через губернскую администрацию за законностью деятельности дум. Тем самым самостоятельность была значительно ограничена.

Органы городского самоуправления наибольшую активность проявляли в 70—80-х гг. XIX в. В этот период царизм относился к ним более лояльно. В конце 80-х — начале 90-х гг. правительство принимает меры, направленные на ограничение принципов самоуправления и включение городских дум в общую систему городских учреждений. В результате возможности органов самоуправления заметно сужаются.

Более консервативное Городовое положение 1892 г. не затронуло прежнюю структуру организации общественного управления. Весь круг проблем, которыми занимались ранее городские думы, был за ними сохранен. Однако в корне менялся характер отношений между думами и административной властью, усиливалась опека последней над первыми, резко сокращались пределы самостоятельных действий органов общественного управления. Губернская администрация получила широчайшие возможности для неоправданного вмешательства в дела городских учреждений.

Успеху реформы 1892 г. должен был способствовать новый закон о выборах, вводивший более высокий имущественный ценз. В избирательной кампании предпочтение отдавалось владельцам недвижимого имущества по сравнению с торгово-промышленным элементом. Новый избирательный ценз оказался настолько высоким, что количество избирателей сократилось в несколько раз. В губернских городах Юж-

ного Урала их средний процент упал с 6,2% до 1% от общего количества населения. Подобная картина наблюдалась в уездных и безуездных городах, где доля избирателей уменьшилась в 3—4 раза.

Внесенные в избирательный закон изменения были направлены на привлечение в состав гласных людей не только с более высоким имущественным, но и образовательным уровнем. Однако достаточно имущие слои общества, в том числе и образованные, не получили избирательного права, поскольку не владели собственностью и проживали в наемных квартирах. По данным Министерства внутренних дел, среди гласных органов городского самоуправления лиц с высшим и средним образованием насчитывалось 17%, с низшим — 27%, с домашним образованием — 49%, неграмотных — 4%. В южноуральских городах появление небольшого круга образованных гласных было восторженно встречено общественностью. С деятельностью этой категории гласных горожане связывали эффективность деятельности общественных учреждений.

Анализ социального состава дум губернских, уездных и безуездных городов Южного Урала показывает, что из общего числа гласных, избранных с 1893 по 1914 гг., первое место занимало купечество, второе — дворянско-чиновничья группа и третье — мещане, ремесленники и крестьяне. При сопоставлении с данными на начало 80-х гг. выясняется, что радикальных перемен в отношении состава дум в исследуемых городах не произошло. Купечеству удалось полностью сохранить свои решающие позиции. В конце XIX — начале XX вв. южноуральские города подтвердили свой торгово-промышленный статус.

В новом законе развитие получила тенденция непропорционального представительства в органах городского самоуправления всех национальностей, проживающих в городах Южного Урала. В 90-е гг. XIX в. в органах городского самоуправления Южного Урала 82% гласных были русскими, 25% — башкирами и татарами, 3% — представителями других национальностей.

Оценить влияние реорганизации общественного управления на деятельность его органов сложнее. Рост численности населения и территории городов, технический прогресс и, наконец, накопление опыта муниципальной практики привели к значительным переменам в коммунальном хозяйстве:

расширению его объема, появлению совершенно новых отраслей и направлений, усложнению форм и методов хозяйственной деятельности дум. Усиление административного контроля в определенной мере могло препятствовать злоупотреблениям должностных лиц общественного управления, нерациональному расходованию городских средств, но в целом имело скорее негативные последствия: суживало инициативу дум, вызывало неоправданное вмешательство администрации в их дела, порождая тем самым безынициативность гласных.

Несмотря на консервативно-охранительный характер, реформа 1892 г. является, безусловно, шагом назад. Городам была оставлена определенная доля самостоятельности. Пойти на полную ликвидацию принципов Городового положения 1870 г. в свете происходящих в стране экономических, социальных и политических трансформаций центральная власть уже не могла.

В конце XIX — начале XX вв. деятельность городских органов самоуправления Южного Урала начала приобретать политический характер. Они постепенно подключаются к земскому либерально-оппозиционному движению. Одним из проявлений думского либерализма стало движение за созыв общероссийского съезда городских голов, возглавляемое в общероссийском масштабе уфимским городским головой А. А. Малеевым.

С. В. Джунджузов

Оренбургский государственный педагогический университет

ОРЕНБУРГСКИЕ КАЛМЫКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ПОИСК ПУТЕЙ РЕЛИГИОЗНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Оренбургских калмыков с полным основанием можно считать старожилами Оренбургского края. Они стали селиться в Оренбурге со времени учреждения Оренбургской губернии. Некоторые сведения об этом периоде истории оренбургских калмыков можно почерпнуть в книгах П. И. Рычкова «Топография Оренбургской губернии» и В. Н. Витевского «И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года».[1] Оба автора останавливаются на вопросах переселения калмыков в Оренбург с низовьев Яика; христианизации калмыцкого населения — как обязательного условия, дававшего право на жительство в Оренбургской крепости; пишут об образе жизни, промыслах и занятиях, а также о сторожевой службе калмыков на Оренбургской пограничной линии. П. И. Рычков являлся если не свидетелем, то, по крайней мере, современником большинства описываемых событий. Труд его в основном сводится к цитированию правительственных указов и документов, исходящих из Канцелярии оренбургского губернатора. В. Н. Витевский в своей монографии анализирует деятельность И. И. Неплюева на посту оренбургского губернатора, который, по его мнению, проявлял отеческую заботу о нуждах крещеных калмыков, чтобы они «не наружно, а внутренне соединились с русским народом и с непритворным уважением приняли религиозные основы его жизни и быта».[2]

Новый этап в истории оренбургских калмыков начался в 1843 г., когда по Высочайшему Указу Николая I Ставропольское калмыцкое войско было упразднено, а ставропольские крещеные калмыки были переселены с Волги в пределы Оренбургского казачьего войска и записаны в оренбургские казаки.

---

[1] Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 76—88; Витевский И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1897. С. 594—603.

[2] Там же. С. 608.

Об этом периоде жизни оренбургских калмыков не опубликовано ни одного специального исследования. Естественно, невольно возникает вопрос: как такое могло случиться, что на протяжении целого столетия «калмыцкая тема» оставалась вне поля зрения оренбургских краеведов и этнографов? На мой взгляд, этот «пробел» объясняется, во-первых, малочисленностью калмыцкого населения — по переписи 1989 г. калмыков в Оренбургской области проживало всего 28 человек, и нет никаких оснований утверждать, что они потомки именно оренбургских калмыков, а не новые переселенцы; во-вторых, и это, пожалуй, самое главное, слабо разработана источниковая база для проведения обобщающих исследований.

Все известные письменные источники об оренбургских калмыках можно классифицировать по трем группам:

1) документы, исходящие из органов государственной власти;

2) записки современников;

3) отчеты о деятельности Оренбургского епархиального комитета православного миссионерского общества.

Достаточно большой пласт архивных документов, относящийся к первой группе источников, охватывает период с 1842 по начало 50-х годов XIX в. В них отражены подготовительные мероприятия по переселению ставропольских калмыков в пределы Оренбургского казачьего войска, само переселение, а также размещение и адаптация калмыков на новых местах жительства. Эти документы включают: указания, предписания и инструкции Министерства внутренних дел, Военного министерства, Министерства государственных имуществ и прочих правительственных учреждений; предписания и распоряжения оренбургских генерал-губернаторов и командиров Оренбургского отдельного корпуса В. А. Перовского и В. А. Обручева; рапорты и распоряжения командующего Ставропольским калмыцким войском; рапорты, донесения и предложения командующих полков Оренбургского казачьего войска. Они содержат весь спектр вопросов, которые приходилось решать оренбургской губернской администрации и войсковому начальству в связи с переселением калмыков, в их числе: закладка новых станиц и поселков для переселенцев; закупка строительного инвентаря, найм плотников и строительство домов; заготовка продовольствия и фуража; статистические сведения о распределении калмыков

по населенным пунктам, наличии у них домашнего скота и хозяйственного инвентаря; оказание материальной помощи новым поселенцам и др. Часть этих документов была опубликована в «Материалах по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска», номера которого регулярно издавались в начале XX в.[1]

Особый интерес для исследования представляют отчеты наказного атамана и хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска о состоянии войска примерно с 1845 по 1852 гг. В них содержатся беспристрастные свидетельства бедственного положения, в котором оказались калмыки после переселения. Вызвано оно было целым рядом причин, и самой важной из них является изменение того жизненного уклада, к которому приспособились калмыки за более чем вековое пребывание в Ставропольском уезде. В течение этого времени они продолжали оставаться такими же кочевниками, какими были и до принятия христианства. Хлебопашеством практически не занимались, а выделенные правительством плодородные земли предпочитали сдавать в картомное пользование (в аренду) русским крестьянам. В Оренбургском казачьем войске калмыков стали заставлять под страхом наказания вести оседлый образ жизни, заниматься земледелием, соблюдать войсковую дисциплину. К столь разительному изменению образа жизни калмыки оказались неподготовленными ни морально, ни физически. Заключенные в деревянные избы, вчерашние кочевники страдали грудными болезнями и во множестве умирали от чахотки. Кроме того, почти целое десятилетие после переселения выдалось неурожайным. Недостаток хлеба в какой-то мере мог компенсировать забой скота, но пригнанный калмыками скот не смог перенести перемены климата и корма. Нужду поселенцев в продовольствии, вызванную неурожаями и падежом скота, хозяйственное правление пыталось возместить выделением общественного хлеба из запасов других казачьих поселений. Однако и эта благая мера в итоге обернулась для калмыков долговым бременем.

Итогом изменения жизненного уклада, полуголодного существования и их неизбежного спутника — эпидемий стало резкое сокращение калмыцкого населения в Оренбургской

---

[1] Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. XI. Оренбург, 1910. С. 28—39.

губернии. За пятьдесят лет, согласно переписи населения 1897 г., его численность сократилась почти на две трети — с 3336 человек в 1844 г. до 1202 в 1897 г.[1]

Переселением ставропольских калмыков на Южный Урал правительство Николая I преследовало три цели: освободить земли бывшего Ставропольского войска для поселения государственных крестьян; усилить обороноспособность Оренбургской пограничной линии; и, наконец, зачисление калмыков в оренбургские казаки должно было стать олицетворением их окончательной русификации. Для достижения последней цели было принято решение «растворить» калмыков в массе русских новопоселенцев.[2] В большинстве поселков один калмык приходился на четыре-пять и даже десять русских. По собранным А. М. Позднеевым сведениям, в каждом поселке калмыцкие дома так соседствовали с русскими, что нигде не встречалось рядом даже двух калмыцких домов.[3]

С 50-х годов XIX в. какие-либо упоминания об оренбургских калмыках более чем на полстолетия исчезают со страниц административных документов. Вероятно, войсковые и губернские чиновники полагали, что принятые ими профилактические меры навсегда стерли этническую грань, разделявшую оренбургских казаков и калмыков. На самом деле результат оказался совершенно противоположным.

Когда построенные русскими плотниками дома пришли в ветхость, калмыки стали строить глинобитные избы, и притом не на старом месте в поселке, а непременно на окраине. Этим путем они в какой-нибудь десяток лет сумели совершенно обособиться от русских. В результате в каждом населенном пункте калмыцкие дома стали составлять как бы отдельный квартал, иногда отстоящий от русского поселка саженей на сто и более.[4] Источником информации об условиях жизни оренбургских калмыцких казаков во второй половине

---

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи за 1897 г. Т. XXVIII: Оренбургская губерния. Оренбург, 1904. С. 75.

[2] Вместе с калмыками на Новой пограничной линии были поселены записанные в оренбургские казаки белопахатные солдаты и малолетки из Бузулукского, Бугульминского и Мензелинского уездов. Белопахотными солдатами назывались обельные вотчинники, за службу получавшие земельные наделы с освобождением от некоторых податей и повинностей.

[3] АВ СПБФИВРАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 60. Л. 63 об.

[4] Там же.

XIX в. является книга Ф. М. Старикова «Откуда взялись казаки». Несомненный интерес представляет историко-этнографический аспект этой книги. Автор подробно описывает быт, традиции, обычаи, культурные и религиозные особенности национальных групп, представленных в Оренбургском казачьем войске. Свое повествование Стариков доводит до 80-х годов XIX в. Материалами для книги служили не только письменные источники, но и личные наблюдения автора. Войсковой старшина Ф. М. Стариков профессионально разбирался в особенностях службы и общественного уклада оренбургских казаков. Однако это же самое обстоятельство наложило отпечаток субъективизма на позицию исследователя по отношению к калмыкам. С нескрываемым пренебрежением описывает Стариков бытовую сторону жизни оренбургских калмыков: «Дом калмыка поражает своей грязью и неопрятностью... дворы калмык бедны постройками и неопрятны... едят что попало, как то конину и даже падаль».[1]

Пожалуй, первым из исследователей истории оренбургского казачества затронул Стариков проблему особенностей религиозного мировоззрения оренбургских калмыков, которую не замечали или старались не замечать ни войсковые чиновники, ни приходское православное духовенство. По этому поводу он пишет: «В религиозном отношении калмыки имеют свою характерную черту... — до сих пор чтут обряды и обычаи своих предков. Они и поныне придерживаются двуверия: наружно — христианства и тайно — буддизма (ламаизма)».[2]

Возможность открыто исповедовать религию своих предков оренбургские калмыки получили в период первой русской революции. Указ «О веротерпимости» 17 апреля 1905 г. и Манифест 17 октября того же года «Об усовершенствовании государственного порядка» побудили калмыков возбудить ходатайство о разрешении перехода из православия в буддизм-ламаизм. Первое прошение в правление Оренбургского казачьего войска поступило 8 ноября 1906 г. от калмыцких жителей Измаилского поселка.[3] Путем проведе-

[1] Стариков Ф. М. Откуда взялись казаки (исторический очерк). Оренбург, 1884. С. 130, 133, 146.

[2] Там же. С. 146.

[3] Материалы дела по рассмотрению прошения калмыков Измаилского поселка имеется в фондах Оренбургского областного архива. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 828.

ния несложного стилистического анализа текста этого прошения А. М. Позднеев пришел к выводу, что в его составлении помощь инициаторам иноверческого движения оказывали студенты и курсистки, высланные за участие в революционном движении из университетских городов в Троицкий и Верхнеуральский уезды Оренбургской губернии. В прошении «наряду с безграмотно начертанной, неправильной ломаной русской речью калмыка мы неожиданно встречаем отдельные выражения и даже целые фразы литературного юридического языка».[1]

Прошение измаилцев использовалось калмыками из других поселков в качестве образца для написания собственных прошений. Разница между ними состояла лишь в датировке и некотором незначительном стилистическом изменении содержания. По поводу подачи прошений возбуждались полицейские дознания, затем их передавали в Оренбургскую духовную консисторию и, после миссионерского увещевания заблудших, калмыкам за редким исключением разрешался переход в ламаизм. К 1915 г. разрешение на смену вероисповедания получила четвертая часть калмыцкого населения Оренбургского казачьего войска и еще четверть считалась колеблющимися — не добившимися официального разрешения.

В 1911 г. с целью изучения религиозного быта местного калмыцкого населения для выработки законопроекта об управлении духовными делами буддистов-ламаистов видным российским востоковедом, специалистом по тибетскому буддизму, профессором Санкт-Петербургского университета А. М. Позднеевым была предпринята экспедиция к терским, уральским и оренбургским калмыкам.

На А. М. Позднеева калмыки смотрели не как на представителя государственной власти, а как на авторитетного ученого, хорошо разбиравшегося в догматах буддистской религии и обещавшего защищать их интересы в столице. Позднеев побывал в десятке поселков, беседовал с представителями калмыцкого духовенства и рядовыми калмыками, выслушал множество жалоб на притеснения и просьб о содействии. Собранный таким образом уникальный материал лег в основу отчета Позднеева о поездке.[2]

---

[1] АВ СПБФИВРАН, Ф. 44, Оп. 1, Д. 60, Л. 90.

[2] С рукописью Отчета А. М. Позднеева о поездке к терским уральским и оренбургским калмыкам можно познакомиться в Архиве востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, в Фонде А. М. Позднеева.

В анализе причин достаточно массового отпадения калмыков от православия А. М. Позднеев сделал упор на неспособности оренбургского православного духовенства противостоять этому процессу. В то же время он нашел множество несоответствий в представлениях калмыцких священников об обрядовой и догматической сторонах ламаистского учения действительному содержанию этой религии. Рассказы калмыков убедили Позднеева, что инициатива возвращения к религии предков была «чисто местная — оренбургская калмыцкая и имела одни и те же исторические и бытовые основы». В заключение Отчета он предлагал: поставить над калмыками-ламаистами отличавшегося законопослушностью и лояльного властям верховного жреца или ламу; поручить попечению христианских пастырей калмыков, утверждавших свою полную отчужденность от ламаизма и преданность православию. Успешное развитие этой деятельности Позднеев ставил в прямую зависимость от организации и уровня подготовки православных миссионеров, не только хорошо разбирающихся в догматах буддизма-ламаизма, но также знающих калмыцкий язык, обычаи и традиции калмыцкого народа.[1]

Дополнительные сведения о распространении ламаизма среди оренбургских калмыков содержатся в «Отчете о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества» за 1915 г. Причины этого явления оренбургские миссионеры стремились объяснить не собственными просчетами, а объективными социально-политическими факторами, такими как либерализация религиозного законодательства; рост иноверческого и инородческого движения в России; нравственная и религиозная распущенность некоторых членов окружающего калмыков русского общества и др. В миссионерском отчете имеются нарекания также в адрес профессора Позднеева и местных войсковых чиновников. Первый якобы обещал оказывать всякое содействие в восстановлении буддистского ламаистского культа; вторые не создают никакого препятствия для проводимых калмыцкими священниками сборов пожертвований на строительство храмов и на переписку с правительственными учреждениями «об отпадении от православия».[2]

---

[1] АВ СПБФИВРАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 60. Л. 97.
[2] ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 243. Л. 4—7.

После победы февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. перед оренбургскими калмыками открылась перспектива национального самоопределения в составе Оренбургского казачьего войска. Под строительство особого калмыцкого поселка постановлением войскового правительства в 1918 г. был даже отведен земельный участок в районе станицы Михайловской 3-го войскового округа. Однако реализации этого проекта помешали события гражданской войны и связанные с ними смена власти и изменения в административно-территориальном делении на Южном Урале.[1]

[1] ГАОО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 22.

Н. М. Нарыкова

Ставропольский государственный университет

РОССИЯ В СИСТЕМЕ «МЕЖДУНАРОДНЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ СОЮЗОВ»: НЕКОТОРЫЕ СЮЖЕТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В отечественной историографии практически не освещены сюжеты ранней истории международных организаций (так называемых «административных союзов» XIX в. — начала XX в.). Вместе с тем, на наш взгляд, учитывая современное значение в жизни мирового сообщества специализированных учреждений в системе ООН и многочисленных международных неправительственных организаций, есть прямой научный и практический смысл изучать не только процесс структурирования и исторический опыт этих международных институтов, но и оценить степень участия в «международной администрации» Российской империи. Эти «белые пятна» отечественной истории чрезвычайно интересны и поучительны именно в данный момент, когда новая Россия на пороге XXI века вновь строит свои отношения с изменившимся миром.

Обратимся к реальной истории одной из таких международных организаций — Международному сельскохозяйственному Институту (МСХИ) — первой в истории межправительственной аграрной организации, созданной в 1905 г. Его создание стало своеобразным ответом государств и общественных деятелей на объективно расширяющуюся мировую экономическую интеграцию в сферах производства и торговли сельскохозяйственной продукцией. В начале XX в. усилилась потребность (как и в других сферах экономики, связи и транспорта) координировать и объединять национальные мероприятия в сельскохозяйственной политике на основе официальных межгосударственных структур с квалифицированной экспертизой и, по возможности, придавать некоторым инициативам международный характер.

У истоков МСХИ стояли король Италии Виктор Эммануил III и американский предприниматель польского происхождения Дэвид Лубин[1]. Всю подготовительную работу по

[1] Hobson A. An American pioneer in international agriculture // Journal Farm Economics. 1932. V. 14. № 4. P. 574—585.

проведению учредительной дипломатической конференции осуществило правительство Италии. Собравшаяся в мае 1905 г. в Риме конференция окончательно выработала Конвенцию о МСХИ как первой межправительственной аграрной организации, созданной по опыту других «административных союзов». Документ, подписанный представителями 40 государств, определил цели, задачи и границы правовой компетенции МСХИ. Высшими органами Института стали Генеральная Ассамблея и Постоянный Комитет[1].

Россия — крупнейшая сельскохозяйственная держава, участница ряда административных союзов положительно отнеслась к идее новой межправительственной организации, руководствуясь прагматическими интересами своей внешней торговли, прежде всего зерновой. Поэтому в деятельности МСХИ Россию интересовали, прежде всего, сведения о мировом урожае, сборе и запасах хлебов, движении цен, а также о новых открытиях и усовершенствованиях в сельскохозяйственной технике. Российская сторона правомерно надеялась, что сможет через Институт добиваться благоприятного отношения на мировом рынке к своим сельскохозяйственным товарам путем установления ясных стандартов, прежде всего для хлеба и коровьего масла, а также участия в международных соглашениях о борьбе с фальсификацией продуктов.

Конечно, выдерживались в российской позиции и определенные дипломатические традиции: империя не могла устраняться от участия в очередном европейском проекте, к которому благосклонно отнеслись другие великие державы и инициатором которого стал король Италии.

О существе предлагаемой организации Россия была официально информирована с первых месяцев подготовки учредительной конференции. В феврале-марте 1905 г. российский поверенный в делах в нескольких донесениях из Рима подробно сообщал об «итальянском плане», подчеркивая, что Виктор Эммануил III «весьма дорожит всеми выражениями сочувствия к его проекту, исходящими от иностранных держав»[2].

Идея Института получила в России поддержку министра

---

[1] Acte final de la Conférence internationale pour l'Institut international d'agriculture. Rome. P. 7—18.

[2] Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 23. Оп. 8. Д. 4. Л. 8 об.

земледелия и государственных имуществ, одного из организаторов российской аграрной статистики А. С. Ермолова. Внешнеэкономическая целесообразность участия России в МСХИ не вызывала сомнений и в Совете министров. Но общая внутриполитическая атмосфера в России была чрезвычайно сложной для того, чтобы российские правительственные круги проявляли особый интерес к новой международной организации. Весной 1905 г. А. С. Ермолов доложил императору о существе «итальянского проекта» Института, и 11 апреля 1905 Николай II санкционировал командировку на учредительную конференцию в Рим официальных представителей[1]. На самой конференции российская делегация особой активности не проявляла, в основном поддержав итальянскую версию Института. 17 августа 1906 г Совет министров высказался за ратификацию Конвенции, но процесс формально-юридических мероприятий затянулся до мая 1908 г.

Замедленное продвижение вопроса о ратификации Конвенции МСХИ обусловливалось несколькими частными обстоятельствами. Например, в министерских кругах выясняли, к какой категории относится наше участие в МСХИ: следует ли его рассматривать лишь с точки зрения разработки и выяснения общих сельскохозяйственных вопросов, не относящихся к сфере политических и экономических взаимоотношений и обязательств между отдельными государствами?[2] В конечном итоге МСХИ и характер участия страны в нём оценили в Совете министров по аналогии с уже функционирующим Международным Союзом железнодорожных товарных сообщений.

8 августа 1908 г. Николай II принимает решение о выделении из средств государственного казначейства первого необходимого взноса России (9 тыс. руб.) на 1908 год[3]. К сентябрю окончательно определилось российское представительство в органах МСХИ: А. С. Ермолов — на Генеральных Ассамблеях и Г. П. Забелло (консул в Риме) — член Постоянного Комитета.

Что составило существо участия России в работе МСХИ? Конечно, Россия поддерживала Институт финанси-

---

[1] РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1478. Л. 23.

[2] РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1478. Л. 267 об. — 268.

[3] РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1478. Л. 23; РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1478. Л. 302.

рованием по условиям своего членства — страны-члена I группы. Архивы позволили обнаружить самый поздний срок отчисления в МСХИ от России — 19 августа 1915 г. в максимальном размере 15 тыс. руб., что составляло тогда 40 тыс. фр.[1]

Российские представители никогда не входили в высшее руководство Института. Как представляется по сохранившимся документам министерств, Россия и не ставила перед собой таких задач. Вместе с тем Россия как великая держава через своего представителя стремилась влиять на общую политику президента МСХИ. В текущей деятельности МСХИ Россия достаточно активно реагировала на просьбы и инициативы Института. Для обсуждения получаемых от Института запросов и выработки рекомендаций по их реализации в России в феврале 1910 г. был образован «Комитет по сношениям русских правительственных учреждений с МСХИ». К 1914 г. сложилась практика посылки в МСХИ различной сельскохозяйственной информации через «опросные листы». В ноябре 1912 г. по просьбе МСХИ о привлечении русских ученых в число его сотрудников-корреспондентов Ученый Комитет ГУЗЗ рекомендовал большую группу специалистов — фактически цвет российской сельскохозяйственной науки[2].

Крупнейшим мероприятием, отразившим плодотворность сотрудничества МСХИ и России, стало начало реорганизации российской аграрной статистики по рекомендациям МСХИ. Российское правительство посчитало, что «...внесение в мировой товарообмен вполне достоверных официальных сведений о русских урожаях не может причинить нашим интересам никакого ущерба; скорее, даже наоборот — отсутствие такого рода сведений, восполняемых на практике далеко не всегда доброкачественными данными различных частных агентур, наносит России материальный вред, не говоря уже о неудобстве для нашего отечества такого положения, при котором одна из важнейших потребностей его хлебной торговли, а вместе с тем и мирового хлебного рынка обслуживается частными предприятиями, очевидно, преследующими исключительно свои коммерческие выгоды»[3].

---

[1] РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 2002. Л. 325.

[2] РГИА. Ф. 382. Оп. 6. Д. 5124. Л. 12—12 об.

[3] РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 459. Л. 218 об. — 219.

Одним из последних перед первой мировой войной мероприятий МСХИ стало проведение в феврале-марте 1914 г. в Риме международной конференции по фитопатологии. Российская делегация активно участвовала в разработке условий нового соглашения: проф. А. А. Ячевский возглавлял техническую комиссию[1].

Подводя общие итоги сотрудничества России и МСХИ с момента создания последнего до начала первой мировой войны, стоит прежде отметить, что эти связи — лишь небольшой сюжет в истории российской внешней политики. Вместе с тем он показывает важные пути и средства формирования в условиях мирового рынка цивилизованных отношений между государствами и участие в этом процессе Российской империи. Организаторами МСХИ всё тогда делалось впервые: вырабатывались правовые основы специализированной международной организации, определялись её полномочия, выявлялись сферы межгосударственного сотрудничества в областях сельскохозяйственной торговли, производства, науки. МСХИ дал реальный правовой, научный и административный опыт, который использовался после окончания второй мировой войны при создании ФАО.

Место России в деятельности МСХИ в начале XX в. определялось в большей мере той ролью, которую объективно играла она, как крупнейшая сельскохозяйственная держава, в международном товарообмене: с ней считались и ей необходимо было учитывать общую конъюнктуру мировой торговли. Нельзя при этом сказать о стремлении России инициировать в Институте какой-либо собственный проект или существенную идею. Дальновидность российского правительства выразилась в общей поддержке этой организации, где ведущую роль играли всё же другие великие державы. Возможно, Россия ещё не осознавала те возможности, которые закладывались в новых формах международного сотрудничества.

---

[1] РГИА. Ф. 395. Оп. 2. Д. 3087. Л. 89—123.

О. В. Осипов

Челябинский танковый институт

ПРАВИЛА О ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ШКОЛАХ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ

24 апреля 1880 года Обер-Прокурором Священного Правительствующего Синода был назначен К. П. Победоносцев. Именно с его приходом начинается активизация влияния деятельности православной церкви на все стороны внутренней политики государства. Одним из таких направлений было народное образование. Уже 1881 году утверждается единая программа по изучению Закона Божия для начальных училищ всех ведомств, а законоучителями этого предмета обязываются быть приходские священники. В периодической печати появляются статьи, обличающие основные недостатки светской школы, к ним относят: отсутствие религиозно-нравственной направленности обучения, оторванность от реальной жизни и быта, незнание элементарных основ истории Отечества, начетничество, зубрежка. Отчасти это было следствием убийства Александра II и наметившегося курса нового императора на отказ от дальнейшего проведения либеральных реформ.

Пользуясь благосклонностью и доверием Александра III, К. П. Победоносцев сумел убедить императора в необходимости создания преимущественно начальных школ духовного ведомства, т.е. церковно-приходских школ (далее — ЦПШ). Цели были очевидными — снижение затрат государства на начальное образование, возрастание государственного финансирования церкви, религиозно-нравственное воспитание и обучение взамен светского, дающего питательную среду для либеральных, демократических и революционных брожений. На правительственном уровне было признано, что ЦПШ по самим условиям существующего в них обучения и надзора представляют собой гораздо больше гарантий для правильного и благожелательного в церковном и народном духе образования, нежели другие виды народных школ.[1]

По предложению Святейшего Правительствующего Синода № 2955 от 25 июня 1884 года, 13 июня 1884 года Александр III подписал указ о преимущественном устройстве ЦПШ и о введении в действие «Правил о церковно-приход-

ских школах», за исключением Рижской епархии, а также Великого Княжества Финляндского.[2]

Этим Указом и Правилами на епархиальных архиереев возлагалась обязанность поддерживать существующие ЦПШ и создавать новые в тех местностях, где не имелось начальных школ других ведомств.

В «Правилах о церковно-приходских школах» указывалось, что церковно-приходскими школами именовались начальные училища, открывавшиеся православным духовенством и имевшие цель — утверждение в народе православного учения, веры и нравственности (§ 1). Исключительное право создания ЦПШ предоставлялось приходским священникам на местные средства приходов, но при этом разрешалось привлекать дополнительные пособия (§ 2, 3).

На открытие ЦПШ следовало получить благословение епархиального архиерея и уведомить местный училищный совет. ЦПШ могли быть одноклассными (с двухлетним сроком обучения) и двухклассными (с четырехлетним сроком обучения). В них преподавались: Закон Божий, церковное пение, чтение церковной и гражданской печати, письмо, начальные арифметические сведения. В двухклассных ЦПШ предусматривалось дополнительное изучение начальных сведений из истории церкви и Отечества. Объем преподавания предметов устанавливался специально разработанными программами, утвержденными Священным Синодом 2 июня 1886 года.

Количество занятий для одноклассной ЦПШ было следующим: Закон Божий — 7 уроков в неделю, церковнославянская грамота — 4, русский язык — 6, счисление — 6, чистописание — 3, церковное пение — 4.[3]

Данный объем программ был обязателен, однако, по мере возможности, разрешалось проводить дополнительные уроки по какому-либо предмету, ежедневные занятия для взрослых, ремесленные классы, воскресные школы (§ 7).

Ведению и наблюдению духовного начальства подлежали и входящие в состав прихода домашние крестьянские школы грамотности (§ 6).

Непременным атрибутом школы должны были стать учительские и ученические библиотеки (§ 8).

Наставление в правилах веры и преподавание Закона Божия относилось к прямой обязанности приходского священника, а для преподавания других предметов могли при-

глашаться учителя, преимущественно получившие духовное образование, либо имеющие звание учителя начального народного училища (§ 10—13). Ученики, окончившие курс ЦПШ, подвергались экзаменам. В случае успешного прохождения испытания они получали льготу 4-го разряда по отбыванию воинской повинности (сокращение срока службы на 2 года).

Высшее управление всеми ЦПШ, вопросы их содержания принадлежали Священному Синоду, а в каждой епархии учреждался училищный совет. Председатель и члены совета назначались епархиальным архиереем из духовных и светских лиц, преданных делу народного образования (§ 22—23)[4].

Преосвященный Вениамин, епископ Оренбургский и Уральский, 7 октября 1884 г. учредил епархиальный училищный совет в составе: председатель — ректор Оренбургской семинарии протоиерей Федор Дмитровский, члены — законоучитель учительского института протоиерей Павел Поспелов, член Консистории священник Андрей Невзоров, законоучитель военной прогимназии священник Федор Смирнский, секретарь — Петр Поздеев. На первом его заседании, 9 октября, было решено немедленно приступить к созданию ЦПШ, особенно там, где нет школ других ведомств; первоначально разместить их в домах духовенства, церковных сторожках, домах прихожан.[5]

22 февраля 1885 года при Святейшем Синоде был учрежден особый Совет для заведования ЦПШ.

Приходское духовенство Оренбургской епархии живо откликнулось на призыв официальной власти и высших иерархов церкви. Священников епархии в 1884 году было 377, из них с полным богословским образованием 239 и не получивших такового — 138.[6] Уже к 1 марта 1886 года в епархии было вновь открыто 30 школ (10 ЦПШ функционировали в епархии до 13 июня 1884 года). Наиболее обеспеченными были: в Челябинске, помещавшаяся в каменном доме, содержащаяся на средства купца А. М. Новикова, с платой учителю 300 рублей в год; в селе Абрамовке Оренбургского уезда в особом доме, приобретенном приходским попечительством за 500 рублей; в поселке Прорвинском Уральской области, помещавшаяся в каменном доме при церкви. Чаще же всего помещения были убогими, имелся дешевый учитель (15—20 рублей в год), но не было ни учебников, ни средств на их приобретение. Контингент учителей был представлен пса-

ломщиками, женами и детьми священников (в 1886 году учителей ЦПШ, окончивших учительский институт, было 2 человека, окончивших гимназии — 1)[7].

Так, например, рапортовал священник села Гнездовки Петр Васильев: «4 октября 1887 года я открыл школу в доме, занимаемом мною. Из своего помещения я уделил для школы 2 комнаты, одну для мальчиков, другую для девочек. Учеников-мальчиков — 22, девочек — 8. Буквари приобретены мною на свои средства и на средства псаломщика Иллариона Заглядина. Закон Божий и пение преподаю я. Учитель — псаломщик И. Заглядин. Школа и обучение безвозмездно».[8]

Ввиду крайней скудности средств Оренбургской епархии, Синодом в 1887 году было ассигновано 10 тыс. рублей на поддержание и открытие ЦПШ, которые решено было употребить в первую очередь на постройку зданий, приобретение учебников и книг. Отмечаются и частные благотворительные пожертвования в пользу ЦПШ.

Так, например, в 1893 году богатый землевладелец Шотт временно предоставил выстроенное им на личные средства школьное здание в селе Ермолаевка Оренбургского уезда; попечитель Князе-Никольской ЦПШ, Гавриил Подвинцев, выстроил новое помещение на 150 детей.[9]

Несмотря на достаточно быстрый рост числа ЦПШ и школ грамоты (в 1890 году число ЦПШ увеличилось до 67, а в 1895 году — до 96) в Оренбургской епархии, их число заметно отставало от числа школ казачьего ведомства (524) и школ Министерства народного просвещения (155). Однако они вносили ощутимый вклад в дело массового народного образования.

Примечания

1. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902. С. 650.

2. Оренбургские епархиальные ведомости. 1884. № 15, 16. С. 601.

3. Там же. 1886. № 19. Приложение. С. 1—42.

4. Там же. 1884. № 15, 16. С. 602—607.

5. Там же. 1884. № 21. С. 795 – 796.

6. Там же. 1896. № 22. С. 781.

7. Там же. 1896. № 22. С. 783.

8. Там же. 1896. № 22. С. 787.

9. Там же. 1897. № 1. С. 128.

В. Г. Семенов

Оренбургский государственный педагогический университет

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ (ПЕРВЫЙ ПОЛНЫЙ ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И. В. ПАШНИН)

Легенды, связанные с именем Пашнина, опубликовал в одном из центральных журналов оренбургский исследователь А. И. Кривощеков. Вот отрывок: «Неистощима народная фантазия: любит народ легенду, увлекается ею, отдыхает на ней душою, искренне веря, что всякое зло рано или поздно покарается, а храбрость, удаль и правда получат должную награду».

Если мы попытаемся определить, кем были деды и прадеды наших современников Хлебниковых, Мельниковых, Пашниных, — скажем уверенно — все они были связаны с земледелием. Действительно, фамилии свидетельствуют о том, что их далекие предки были пахарями, мельниками, хлебопеками. Но еще объединяет их то, что все эти очень мирные фамилии принадлежат героям казакам-оренбуржцам, ставшим за храбрость и мужество в первую мировую войну Георгиевскими кавалерами.

Среди двухсот известных полных Георгиевских кавалеров-оренбуржцев особое место занимает имя Ивана Васильевича Пашнина.

В конце дня Святого Ивана, 12 ноября 1890 года, в семье казака Василия Яковлевича Пашнина и его жены Татьяны Николаевны родился сын. По существующему обычаю мальчика назвали Иваном — не хотели обижать покровителя, чье имя было ближайшим в церковных святцах.

Детские годы и юность прошли близ южноуральского озера Сугояк, на берегах которого располагались станичные поселки Сычев, Пашнин 2, Харьин и Пашнин 1.

Родной поселок Пашнин 1 был невелик: всего около 80 дворов и 500 казаков. Была здесь и своя деревянная начальная школа. Подростком с тоской и завистью Иван Пашнин наблюдал весной 1904 года мобилизацию 11-го Оренбургского казачьего полка под командованием полковника Гурьева, в котором пришлось воевать с японцами многим пашнинцам.

Помнил всегда и радостную встречу возвратившихся из

далекой Маньчжурии. Среди отмеченных Георгиевским крестом был и казак Пашнин. Не думал тогда молодой казак, что ему самому через десять лет будут завидовать казаки всей России, а потом, после лихолетья гражданской войны, окажется он в далеком Китае.

В 19 лет Иван Пашнин обвенчался с казачкой Марией Федоровной, а через год у них родилась дочь, названная Александрой. В 1911 году в числе других призывников Миасской станицы (куда относился Пашнинский поселок) Иван Пашнин был направлен на службу в 3-й Уфимско-Самарский полк Оренбургского казачьего войска.

Полк входил в состав 12-й кавалерийской дивизии генерала Каледина. Служба шла хорошо, до ее окончания оставался только год, когда 24 июля 1914 года командиром полка полковником Геврасием Жуковым была поставлена боевая задача — произвести разведку пограничного района и прикрывать развертывание 12-го армейского корпуса... Сколько боевых приказов пришлось слышать с этого дня!..

26 июля казачьи кони вынесли станичников на австрийский берег реки Збруч. А 6 августа австрийцы на участке третьего полка испытали на себе сокрушительный удар стремительной казачьей лавы. 21 августа казаки в пешем порядке атакуют укрепленные колючей проволокой позиции австрийцев у села Сокольники, в результате казаки выбивают противника из укрепления и захватывают два крепостных орудия с большим количеством снарядов.

В этом и ряде других боев участвовал урядник Иван Пашнин. В сражениях за спины других он не прятался — помнил про казачью честь. Прошло только полгода боевых действий, а имя Пашнина стало символом гордости и отваги для оренбургских казаков.

По нашим станицам был разослан приказ атамана третьего отдела от 20 декабря 1914 года за № 259.

«Из прилагаемой при сем копии с телеграммы дежурного генерала штаба одиннадцатой армии от 10-го сего декабря за № 2476 на имя наказного атамана видно, что старший урядник третьего Уфимско-Самарского полка, третьего отдела, станицы Миасской, Иван Пашнин удостоен великой чести — быть первым полным Георгиевским кавалером из всей кавалерии и казачьих войск действующей армии.

Как известно, первую награду Георгиевским крестом в настоящую великую войну получил донской казак Кузьма

Крючков. Наши казаки служат также с неменьшею доблестью и отвагой. Если на долю донцев выпало счастье получить в текущую войну первый Георгиевский крест, так зато нашему Пашнину удалось первому из всей кавалерии и казаков получить четыре Георгиевских креста.

Честь и слава ему за это!

Его императорское высочество августейший главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, ценя заслуги Пашнина перед Царем и Родиной, повелел наградить его за его примерную доблесть, конем высоких кровей.

С радостью сообщая об этом по вверенному мне отделу, поздравляю станичников с этим великим счастием, выпавшим на нашу долю и еще лишний раз доказавшим на деле, что недаром Государь Император любит и ценит наше славное войско Оренбургское. Его сыны всегда были, есть и будут непоколебимо верными, преданными слугами царя и Отечества до последней капли крови.

Чтобы увековечить это редкостное, высокой важности событие в назидание потомству, я предлагаю станичникам наградить, со своей стороны, вашего славного героя Пашнина соответствующим подарком, для чего я полагал бы подарить ему от всего отдела почетную шашку, ножны которой украсить золотом с нижеследующей надписью на клинке: «3-й военный отдел Оренбургского казачьего войска своему доблестному сыну, первому из всей кавалерии и казаков Георгиевскому кавалеру всех четырех степеней старшему уряднику Миасской станицы Ивану Васильевичу Пашнину, 1914 года».

Шашка будет стоить 175 рублей.

Уверен, что это предложение мое будет принято станичниками с удовольствием. Предписываю настоящий приказ прочесть на полных поселковых сборах и во всех школах, а пожертвования на приобретение почетной шашки и деньги представлять в управление отдела».

Немудрено, что приведенный приказ вызвал много разговоров и произвел сенсацию.

К сожалению, из него не видно, за что, собственно, Пашнин удостоился столь высокой награды.[1] Слухи были разноречивы. Говорили, что он с несколькими товарищами пробрался в неприятельское расположение и взорвал железнодорожный мост, важный в стратегическом отношении; в другой раз будто бы захватил в плен австрийского генерала. Народ-

ная фантазия не удовлетворилась этими незначительными, по ее мнению, подвигами. Если Пашнин удостоился высокой чести получить четыре креста и кровную лошадь от самого верховного главнокомандующего, значит, должен был совершить что-нибудь необыкновенное, выходящее из границ общих подвигов. В данном случае был полный простор догадкам, толкам и всевозможным слухам, которые вылились в довольно любопытные легенды. Так, слух о взятии австрийского генерала разросся в целую историю спасения Пашниным жизни самому великому князю.

«Был сильный бой, а на конец дела пустили наших казаков в атаку. Гикнули молодцы, рассыпались лавою, ударили на врага и начали класть их сотнями. Не выдержали германчуки да австрияки и бросились бежать. А казаки до того разгорячились, что крошат их, как капусту, и не заметили, как ворвались в лагерь. У Пашнина лошадка была добрая. Сшиб он штук пять германцев и ворвался первым в самую середину. Видит, ихний генерал на лошади сидит — такой красный, здоровенный. Бросился Пашнин к этому генералу, сорвал его с лошади и, как малого ребенка, перекинул к себе на седло. Генерал и рта не успел разинуть, а казак уже вытащил его из сечи, отобрал шашку, скрутил назад руки и привез к своему начальству. Там Пашнина похвалили и приказали отвезти пленника к самому Николаю Николаевичу, потому приказ от него был, чтобы важных пленных доставляли к нему на квартиру те самые люди, которые захватили. Вот таким-то манером отправили и Пашнина с его генералом. Ну, конечно, допустили их прямо к великому князю, которому казак обсказал все, как было дело, и передал генеральскую шашку. Главнокомандующий что-то спросил у австрийца, возвратил ему оружие и говорит: «Русские лежачего не бьют. Как честному воину и человеку, отдаю вам вашу саблю, хотя и говорят, что вы-де любите сражаться больше из-за угла».

Генерал взял шашку. Наш адъютант стал его допрашивать и записывать, а великий князь отвернулся и стал читать какое-то донесение. Вдруг генерал выхватил свою саблю и хотел поразить Николая Николаевича сзади. Пашнин стоял за этим генералом тоже с шашкою наголо, и только генерал успел выдернуть саблю, как он, не будь плох, как рубанул австрияка, так голова по полу и покатилась. Этим и спас великого князя от большой опасности. Николай Николаевич поблагодарил храброго казака, надел ему крест первой сте-

пени и посадил на своего коня. С тех пор Пашнин ездит на этой дорогой лошади, а все генералы и офицеры честь ему отдают и ручку при здорованьи подают».

В марте 1915 года казаки третьего полка первыми из состава 9-й армии переправились через Днестр и трое суток удерживали плацдарм и обеспечили переправу сил армии.

Много блестящих дел за плечами казаков Уфимско-Самарского полка в ходе Луцкого прорыва (Брусиловский прорыв) весной и летом 1916 года.

Подвиги подхорунжего Пашнина в этих боях отмечены четырьмя Георгиевскими медалями и золотой шейной медалью «За усердие», носимой на Станиславской ленте.

В 27 лет Иван Пашнин был произведен в прапорщики «за боевые отличия».

В 1917 году прапорщик Пашнин, возвратившийся в родное войско, избирается атаманом поселков Харино, Пашнино 1 и 2, позже атаманом Миасской станицы, а затем в земельный отдел (по сведениям Ю. Куренина).

В 1918 году у Ивана Васильевича и Марии Федоровны родился сын Михаил. Но не долго продолжалось семейное счастье. Гражданская война заставила оседлать коня, взять золоченую шашку и, поцеловав жену, восьмилетнюю дочь Анку, грудного сынишку Мишу, раствориться в одной из ночей 1918 года.

Единственную весточку в 30-е годы сумел прислать есаул Пашнин из далекого Харбина. Обещал ценой жизни своей вернуться к родным полям, станицам, так как «...в великой эпохе, дети мои — капля крови моей».

Много горя хлебнула семья казака Пашнина. В их дом не приходили красные следопыты... А вот «гости» из Губчека появились сразу же после отъезда Ивана. Они перевернули все, что могли, вверх дном, даже под полом истыкали землю штыками, и, не найдя ничего, на всякий случай арестовали жену Марию Федоровну с грудным младенцем и мать Татьяну Николаевну. Всех троих увезли в Челябинскую тюрьму.

Татьяну Николаевну через четыре месяца отпустили домой. А жену героя-казака вместе с другими родственниками непокорных казаков отправили этапом в Уфу.

Унижения, оскорбления, тиф — все вынесла жена знаменитого казака. Умерла в 1968 году с верой в торжество справедливости. В лихолетье Великой Отечественной погиб брат Ивана — Михаил и его сын. А вот славу деда на мирной

пашне приумножил внук легендарного казака Виктор Иванович Пашнин, ставший лучшим кукурузоводом района, за труд свой отмеченный тремя орденами Трудовой Славы.

Среди двух десятков оренбургских казаков, участвовавших в защите Приднестровья, был и потомок Ивана Васильевича. Отрадно то, что на первом же казачьем круге возродившейся общины казаков Пашнинского поселка было принято решение: «Установить мемориальную доску на доме, где жил герой первой мировой войны, есаул Иван Васильевич Пашнин».

Примечания

1. Георгиевский крест 4-й степени № 100396 получен за бой 20 августа 1914; Георгиевский крест 3-й степени № 15423 — за бои 27—29 августа 1914; Георгиевский крест 2-й степени № 3217 — за бои 23—24 августа 1914; Георгиевский крест 1-й степени № 486 — за бой 26 октября 1914.

2. Полными георгиевскими кавалерами были и казаки Миасского поселка Егор Пашнин и Григорий Пашнин, тремя крестами отмечены подвиги казака Алексея Пашнина, двумя крестами — подвиги Василия и Даниила Пашниных.

Т. Н. Шаталова

Оренбургский государственный аграрный университет

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ИПОТЕЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Основными факторами, определявшими эволюцию ипотечных отношений в России, были развитие форм собственности, степень рыночной ориентации экономики, уровень ее обеспеченности капиталами долгосрочного характера, формирование собственных банковских традиций. Развитие ипотечных отношений в России тесно связано со всей социально-экономической и политической историей страны второй половины XIX — начала XX вв. Земельные банки возникли в период реформ (Крестьянской и аграрной), формировались под влиянием развития капитализма и к началу XX в. превратились в составную часть системы российского финансового капитала. Воздействие ипотечного кредита на сельское хозяйство России было противоречивым. Некоторая его часть пошла на хозяйственные улучшения, но в то же время он отвлекал огромные средства от сельского хозяйства. Принципы правительственной политики в области поземельного кредита сформировались в 60—70-е годы XIX в.: ипотечные кредитные учреждения должны были дать землевладельцам средства, необходимые для приспособления к новым условиям, но не должны были получить контроль над землевладением. Однако нужда землевладельцев в кредите, роль земельных банков в кредитной системе заставляли правительство оказывать им поддержку.

С проведением Крестьянской реформы встал вопрос о кредите для помещичьих хозяйств. В 1840 г. за неуплату долгов должны были быть проданы около 1500 имений. В 1843 г. в Государственном заемном банке и сохранных казнах было заложено 5576 тыс. душ мужского пола, а в 1852 г. — 5844 тыс. Общая задолженность помещиков банкам составила к 1856 г. 427 млн. рублей.[1] Созданная специальная правитель-

---

[1] Банковские долги и положение губерний в 1856 г. СПб., 1860. С. 12.

ственная комиссия сочла наиболее соответствующими интересам землевладельцев так называемые «земские банки» — ипотечные общества, основанные на круговой поруке самих заемщиков-землевладельцев. Все это содействовало распространению идеи акционерных ипотечных банков, первый проект которых поступил в Министерство финансов в конце 1870 г.

На этапе создания системы ипотечного кредитования правительство особенно интересовали три стороны кредитной системы земельных банков:

1) выпуск акций и закладных листов в связи с его воздействием на фондовый рынок в стране;

2) финансовая прочность банков в связи с их важной ролью в экономике;

3) реальное соответствие выдаваемых ими ссуд действительной доходности и платежеспособности землевладельческих хозяйств.

Действия акционерных земельных банков получили большое развитие, в частности, в центрально-земледельческой полосе. Однако вначале акционерные земельные банки уступали по количеству принятой в залог земли Обществу взаимного поземельного кредита.

Ограниченность аналитических и статистических данных затрудняет исследование вопроса о влиянии ссуд земельных банков на частное землевладение и помещичье хозяйство. Судя по отзывам современников — землевладельцев и экономистов, — большая часть поземельного кредита была израсходована на погашение заключенных ранее обязательств, на покупку земли и на потребительские цели.

В многочисленных ходатайствах дворян и земских собраний 1883—1885 гг. частные земельные банки обвинялись в чрезмерной дороговизне и разорительности их ссуд. Однако, по данным Министерства финансов, с помощью выкупной операции дворянам удалось погасить огромный долг старым ипотечным учреждениям: из 425 млн. руб. к 1884 г. осталось лишь 23,5 млн. Сумма задолженности землевладельцев новым ипотечным учреждениям была несколько большей (461,2 млн. руб.). Однако 237,9 млн. руб., т.е. более половины нового ипотечного долга, приходилось на учреждения, принадлежавшие самим землевладельцам на основе круговой поруки — Обществу взаимного поземельного кредита.

В 90-е годы XIX в. политика правительства была после-

довательно направлена на удешевление ипотечного кредита: как государственный, так и частный, он должен прежде всего укреплять положение землевладения и поэтому предоставляться на более благоприятных условиях. Однако и после конверсии акционерные земельные банки к 1898 г. платили владельцам своих закладных листов больше, чем Дворянский банк (4½% против 3½%). Кроме того, последний получал от Государственного банка денежные суммы, необходимые для выдачи ссуд независимо от хода продажи закладных листов. Поэтому Дворянский банк, несмотря на огромную убыточность, выдавал ссуды сполна наличными деньгами, в то время как акционерные банки должны были выдавать ссуды закладными листами, при реализации которых заемщики могли нести определенные издержки.

Несмотря на увеличение спроса на ссуды акционерных земельных банков в результате их удешевления, некоторые владельцы закладных листов земельных банков вместо конверсии на новые листы предпочли взять деньги наличными. Из 200 млн. руб. конверсии листы на сумму 21 млн. руб. были предъявлены к выкупу за деньги. Поучительным для современности является то, что закладные листы были все же размещены, и курс их держался на высоком уровне благодаря поддержке правительства, хотя сказалась и благоприятная денежная конъюнктура. В частности, государство обязало сберегательные и эмеритальные кассы вкладывать свободные средства в эти листы. Таким образом, несмотря на то, что частные инвесторы — физические лица — ушли с указанного финансового рынка, государство методом активного воздействия с помощью сберегательных учреждений оказало существенное влияние на развитие ипотечных отношений.

Экономический подъем 1909—1913 гг., развитие промышленности, торговли и сельского хозяйства, рост городов повлияли на развитие кредита вообще, в том числе и долгосрочного. Сумма ссуд под залог земли, выданных за этот период всеми ипотечными учреждениями, увеличилась с 2580,5 млн. руб. до 3696,8 млн. руб., т.е. на 43,3%, земельные ссуды акционерных земельных банков были увеличены в сумме с 657,6 млн. руб. до 899,5 млн. руб. (на 36,8%). Развитие ипотечных кредитов выразилось в росте находящихся в обращении ипотечных бумаг. В возрастающем размере продолжался выпуск государственных ипотечных бумаг Дворянским и особенно Крестьянским банком. К 1 января 1909 г. в обраще-

нии находилось этих бумаг на 1,5 млрд. руб., а к 1 января 1914 г. — 2,1 млрд. руб. Сумма частных и государственных ипотечных бумаг составляла колоссальную цифру — 3796 млн. руб. на 1 января 1909 г. и 5296 млн. руб. на 1 января 1914 г., в 2 раза превышавшую сумму акций и облигаций частных обществ, обращавшихся внутри страны (2748 млн. руб. на 1 января 1914 г.). К 1914 г. в России ипотечные бумаги занимали 37,7% всей суммы ценных бумаг, а в Германии — 29%.

Воздействие ипотечных ссуд на то или иное хозяйство зависело, по-видимому, от состояния самого хозяйства. Судя по тому, что акционерный ипотечный кредит быстрее развивался в районах с преобладанием капиталистической системы ведения хозяйства и по тому, что в акционерных земельных банках не накапливалось значительной массы безнадежных недоимок, как в Дворянском банке, можно предположить, что акционерные земельные банки были в большей степени связаны с более развитыми хозяйствами. Однако и здесь, по-видимому, ипотечный кредит направлялся в основном на мобилизацию земли и лишь в небольшой части — на хозяйственные улучшения. В рамках проводимого исследования можно предположить, что в современных условиях ипотечный механизм должен быть направлен на эффективное прибыльное сельскохозяйственное производство. Это объясняется частным характером формирования финансовых источников для ипотечного кредитования, привлечением накоплений населения, страхованием финансовых рисков.

Один из активных исследователей данной проблемы Ю. Л. Райский делает вывод о том, что за время параллельного существования земельных банков между ними сложилось своеобразное «разделение труда», при котором Дворянский банк кредитовал в основном более слабые и отсталые, а акционерные земельные банки — более крепкие частновладельческие хозяйства.

Весьма возможно, что в годы экономического подъема в России увеличилась та часть ипотечного кредита, которая шла на производственные нужды. Однако большая часть поземельного кредита по-прежнему шла на непроизводительные расходы помещиков, громадная часть поземельных ссуд затрачивалась на мобилизацию земли, что в большинстве случаев означало отвлечение их от производительного использования в сельском хозяйстве (за исключением тех слу-

чаев, когда продавалась часть земли для улучшения хозяйства на оставшейся части). Причем в 1906—1914 гг. общая сумма денежных средств, отвлекаемая с помощью ипотеки от сельского хозяйства, возрастала в связи с ростом земельных цен и оценок.

В дальнейшем важнейшим обстоятельством, вызвавшим спрос на покупку земли, была усиливающаяся дифференциация крестьянства. Основной причиной развития поземельного кредита в 1909—1914 гг., на которую указывают источники, состояла в хозяйственных потребностях частновладельческих имений в условиях экономического подъема. Прекрасные урожаи последних двух лет при сравнительно высокой цене на зерно, стремление к интенсификации сельского хозяйства оказали положительное влияние на рост ипотечной задолженности.

Процесс разорения слабых хозяйств продолжался, но в целом кредитоспособность землевладения повысилась. Следствием и проявлением доходности сельского хозяйства был рост земельных цен.

Механизм ипотечно-залоговой оценки. В официальном издании, посвященном оценочной деятельности банков, признавалось, что для оценки имения имеет значение не ценность единицы пространства, а ценность хозяйства на определенном пространстве, в связи со всей хозяйственно-экономической обстановкой. Таким образом, признается важность учета интенсивности хозяйства при оценке земли, и такой учет действительно имел место в оценочной деятельности земельных банков. В каждой губернии наблюдалась большая разница между высшими и низшими оценками имений. В Петербургском уезде в 1911 г. имели место оценки земли в 709 руб. при средней погубернской 68,4 руб., в Московском уезде в 1911 г. — подесятинные оценки в 1466 руб., а в 1912 г. — 1180 руб., при средней погубернской соответственно в 156,6 руб. и 119,6 руб.

Политика правительства по ограничению банковских оценок проистекала как из стремления сдержать чрезмерный выпуск ипотечных бумаг на денежный рынок, так и из официально провозглашенной цели ипотечного кредита — содействовать упрочению частновладельческих хозяйств. Высокие оценки земли при залоге содействовали мобилизации земли, а низкие ее тормозили, особенно в случаях перехода земли от крупных землевладельцев к мелким. Правление од-

ного из земельных банков, стремившееся к кредитованию мелкого землевладения, указало, что покупатели земли надеются, что банк предоставит им кредит в 60% покупной цены имения, не понимая, что закон устанавливает норму ссуды не по отношению к покупной цене, а по отношению к оценке, которую министерство стремится ограничить.

Земельные имения могли оцениваться по «нормальным» и «специальным» оценкам. Первая производилась по средним оценкам данной местности на основе документов, удостоверяющих право собственности и размеры имения, без осмотра имения на месте. «Специальная» оценка требовала учета факторов, повышающих ценность имения, и поэтому производилась после осмотра его на месте. «Специальная» оценка была выше «нормальной», поэтому именно первой отдавали предпочтение. Фактически нормой давно стала «специальная» оценка. Например, Нижегородско-Самарским земельным банком за 40 лет (1872—1912 гг.) по «нормальному» способу было оценено 766 имений площадью 481,9 тыс. дес., а по «специальной» оценке — 4123 имений площадью 12267 тыс. дес., в том числе в 1909—1912 гг. по «нормальной» оценке оценено 81 имение площадью 44 тыс. дес. и по «специальной» — 623 имения площадью 1916 тыс. дес. Московским земельным банком за 1909—1911 гг. по «нормальной» оценке была выдана 31 ссуда под земли площадью 13,8 тыс. дес., а по «специальной» — 1830 ссуд под землю площадью 541 тыс. дес.[1] Официальные предельные нормы оценок земли не были установлены и в данный период. Их составление было связано с техническими трудностями, крайним разнообразием природных условий страны, отсутствием кадастровой системы и научно разработанных данных о качестве почвы в разных местностях.

Источники

1. Райский Ю. Л. Акционерные земельные банки в России во второй половине XIX — начале XX вв. Л., 1983.

2. Хок С. Банковский кризис, крестьянская реформа и выкуп-

---

[1] ЦГИА СССР. Оп. 2. Д. 1122. Л. 17—18, 192—193; Д. 1123. Л. 100—101; Д. 1203. Л. 44—50, 97, 148, 198; Д. 1099. Л. 30—31, 89—90, 154—155.

ная операция в России, 1857—1861 гг. // Великие реформы в России, 1856—1874 г. М., 1992.

3. Шаталова Т. Н., Чебыкина М. В. Ресурсный потенциал сельскохозяйственных предприятий (формирование и использование). Оренбург: Изд-во ОГАУ, 1999.

Краткие сведения об авторах

Ахтямов К. Ш., кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной истории Оренбургского государственного педагогического университета

Банникова Е. В., кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета

Богатырев А. И., кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург)

Гурова М. Ю., соискатель кафедры археологии, древней и средневековой истории Башкирского государственного университета (г. Уфа)

Денисов С. В., аспирант кафедры российской истории Самарского государственного университета

Джунджузов С. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XX века Оренбургского государственного педагогического университета

Емалетдинова Г. Э., старший преподаватель кафедры всеобщей истории Стерлитамакского государственного педагогического института

Иванова А. Г., проректор по научной работе Оренбургского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор

Исмаилов С. С., стажер-исследователь Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова (г. Кустанай, Республика Казахстан)

Калинина Е. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Ставропольского государственного университета

Корнилов Г. Е., доктор исторических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург)

Кочеткова Е. А., кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета

Кузнецов В. А., преподаватель кафедры философии Челябинского юридического института МВД РФ

Кульшарипов М. М., доктор исторических наук, профессор кафедры истории РБ и этнологии Башкирского государственного университета (г. Уфа)

Лабузов В. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XX века Оренбургского государственного педагогического университета

Лактюнкина Т. Э., старший преподаватель кафедры истории

Отечества Оренбургского государственного педагогического университета

Логунова И. В., ассистент кафедры истории Отечества Липецкого государственного технического университета

Мазур Л. Н., кандидат исторических наук, доцент кафедры архивоведения Уральского государственного университета (г. Екатеринбург)

Мокроносова О. М., ассистент кафедры истории России XX века Оренбургского государственного педагогического университета

Муктар А. К., кандидат исторических наук, доцент кафедры «Отан тарихы» (истории Отечества) Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова (г. Кустанай, Республика Казахстан)

Нарыкова Н. М., кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Ставропольского государственного университета

Наухацкий В. В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права и исторических наук Ростовского государственного экономического университета (г. Ростов-на-Дону)

Попов Н. Н., доктор исторических наук, профессор Уральского государственного университета (г. Екатеринбург).

Рахимов Р. Н., кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, древней и средневековой истории Башкирского государственного университета (г. Уфа)

Савченко О. В., кандидат исторических наук, доцент экономико-математического факультета Саровского государственного физико-технического института

Сафонов Д. А., доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России XX века Оренбургского государственного педагогического университета

Сафонова З. Г., кандидат педагогических наук, профессор кафедры общей педагогики и менеджмента Оренбургского государственного педагогического университета

Семенов В. Г., преподаватель кафедры истории Отечества Оренбургского государственного педагогического университета

Семенова Н. Л., кандидат исторических наук, старший преподаватель Стерлитамакского государственного педагогического института

Сидненко Т. И., кандидат исторических наук, докторант Республиканского гуманитарного института при Санкт-Петербургском государственном университете

Смирнова О. А., кандидат исторических наук, доцент Оренбургского отделения Челябинского юридического института МВД РФ

Томин В. И., соискатель кафедры истории России XX века Оренбургского государственного педагогического университета

Халфин С. А., кандидат исторических наук, профессор, зав. отделом истории культуры и педагогики Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН

Хасанов Э. Р., аспирант Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (г. Стерлитамак)

Шаталова Т. Н., заведующая кафедрой экономической теории и управления Оренбургского государственного аграрного университета

Щагин Э. М., доктор исторических наук, профессор Московского педагогического государственного университета

Научное издание

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ, РЕШЕНИЯ

Материалы межрегиональной научно-практической конференции

Оренбург. 28—29 марта 2001 г.

Часть 1

Редактор В. Г. Ивашина
Технический редактор И. Н. Рожков
Компьютерная верстка Е. С. Рожковой

Лицензия ЛР № 020038 от 25.01.97 г.
Сдано в набор 5.03.2001 г.
Подписано в печать 19.03.2001 г.
Усл. печ. л. 15.0
Тираж 200 экз.

Издательство Оренбургского государственного педагогического университета. 460844, г. Оренбург, ул. Советская, 19

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОГПУ